

Вестник 2024

Балтийского федерального
университета
им. И. Канта

Серия
Гуманитарные
и общественные науки
№ 3

ISSN 2500-3216 (Print)
ISSN 3034-3755 (Online)

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVBU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№3

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2024

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневский, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный
университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милуков*, д-р юрид. наук,
проф., Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский
государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф.,
Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*,
д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия
им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Таньшина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф.,
Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

Ткачева Н. В. Разумный срок судебного разбирательства по уголовному делу	5
Бесчасная А. А., Протопопова Д. В., Фокин С. В. Домашнее насилие в отношении женщин: факты, право, меры профилактики	19
Бурин Д. В. Взаимодействие партийных органов с органами милиции в Калининградской области в послевоенный период	31

История. Исторические науки

Зальцман Э. Б., Королёва Ю. В., Стрелковский А. А. Особенности керамического производства с поселений эпохи неолита Прибрежное и Ушаково-3	41
Денисов С. А. Состав и функции прусских локаторов в Вармийской епископии в XIV веке	56
Шепель Я. Г. Капшовский путч в Восточной Пруссии: политические последствия	70

Общество и политика

Жуковский И. И. Политико-экономическая проблематика «Инициативы трех морей» в исследовательской повестке польских экспертно-аналитических центров	81
Кирчанов М. В. Культура исторической памяти современного немецкого монархизма	92
Яковлева М. Г. Средства массовой информации и технологии влияния на электоральное поведение граждан	106

Рецензии

Чумаков А. Д. Рец. на кн.: Зеленев Е. И. История Египта	129
Мирошниченко А. Д. Рец. на кн.: Гальцов В. И. Кенигсбергский Нестор	133

CONTENTS

State and law

<i>Tkacheva N. V.</i> A reasonable period of trial in a criminal case	5
<i>Beschasnaya A. A., Protopopova D. V., Fokin S. V.</i> Domestic violence against women: facts, law, prevention measures	19
<i>Burin D. V.</i> Interaction between party bodies and police in the Kaliningrad region of the USSR in the post-war period	31

History. Historical sciences

<i>Zaltsman E. B., Koroleva Yu. V., Strelkovsky A. A.</i> Peculiarities of ceramic production from the Neolithic settlements Pribrezhnoye and Ushakovo-3	41
<i>Denisov S. A.</i> Composition and functions of Prussian locators in the Varmian bishopric in the fourteenth century	56
<i>Shepel Ia. G.</i> The Kapp Putsch in East Prussia: political consequences	70

Society and politics

<i>Zhukovskiy I. I.</i> Political and economic problems of the "Three Seas Initiative" on the research agenda of Polish think-tanks	81
<i>Kyrchanoff M. W.</i> Culture of historical memory of modern German monarchism	92
<i>Yakovleva M. G.</i> Mass media and technologies of influence on the electoral behavior of citizens	106

Review

<i>Chumakov A. D.</i> Rev.: Zelenev E. I. A History of Egypt	129
<i>Miroshnichenko A. D.</i> Rev.: Galtsov V. I. Nestor of Königsberg	133

Н. В. Ткачева

**РАЗУМНЫЙ СРОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Поступила в редакцию 30.01.2024 г.

Принята к публикации 30.04.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-1

Для цитирования: Ткачева Н. В. Разумный срок судебного разбирательства по уголовному делу // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 5–18. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-1.

Анализ понятия разумности срока судебного разбирательства является актуальным вопросом на современном этапе развития уголовного судопроизводства в России. Утрачен ряд международных механизмов защиты прав личности в сфере уголовного судопроизводства, в том числе по оспариванию разумных сроков судопроизводства. В ходе исследования применялись общенаучные и частные методы познания, такие как диалектический, аксиологический, синергетический, а также теория социального действия и моделирование. Кроме того, применение методов анализа и синтеза информации, сравнительно-правового и формально-юридического позволило автору прийти к достоверным выводам. В результате исследования установлено, что несоблюдение сроков принятия соответствующих решений судом нарушает права человека, вовлекаемого в уголовное судопроизводство. Обеспечение прав и законных интересов личности возможно только при соблюдении разумного срока уголовного судопроизводства. Исходя из положений, связанных с понятиями компенсации за нарушение принципа разумного срока на этапах судебного разбирательства, был сделан вывод о сущности положений данного принципа, что позволяет оценить критерии разумности, указанные законодателем и выявить способы их оценки.

Ключевые слова: судебное разбирательство, разумный срок, участник судебного разбирательства, принцип уголовного судопроизводства

Несоблюдение сроков принятия соответствующих решений нарушает права человека, вовлекаемого в уголовное судопроизводство, что привело законодателя к введению понятия разумного срока в виде принципа уголовного судопроизводства и порядка компенсации за его нарушение. Статистические данные свидетельствуют о том, что в Вер-

ховном Суде РФ в первом полугодии 2022 г. о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (гл. 26 КАС РФ) рассмотрено 22 дела, все с вынесением решения, по 12 делам требования удовлетворены, что составило 55 % [4].

Гарантировать соблюдение принципа «разумный срок уголовного судопроизводства», обеспечивая права и законные интересы личности, возможно только при соблюдении временных рамок судебного разбирательства.

Рассматривая положения, связанные с понятиями компенсации за нарушение принципа разумного срока на этапах судебного разбирательства, можно понять сущность положений данного принципа, что позволит оценить критерии разумности, указанные законодателем и выявить способы их исследования для оценки разумности сроков. Согласно Конституции РФ, человек имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействиями) суда (судьи) при осуществлении правосудия посредством гражданского судопроизводства (ст. 53), права потерпевших от злоупотребления властью охраняются законом, а государство обеспечивает правосудие и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52). Смысл принципа разумного срока судопроизводства связан не столько с соблюдением временных рамок, сколько с более объемлющими конституционными гарантиями (ст. 46 Конституции РФ), заложенными в смыслах судопроизводства – доступностью правосудия и правом на судебную защиту. Требования обеспечения доступности правосудия и гарантий судебной защиты прав вытекают из публичного характера правоотношений уголовного процесса.

Постановлением Конституционного суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» был выявлен конституционно-правовой смысл п. 2 ст. 1070 ГК РФ, касающейся возмещения вреда, причиненного при осуществлении правосудия. Данный суд дал четкое утверждение о правосудии как части судопроизводства, которое заключается в принятии актов судебной власти по разрешению подведомственных суду дел, то есть судебных актов, разрешающих дело по существу. В части компенсации причиненного вреда при установлении вины судьи, КС признал эту часть не противоречащей Основному закону РФ и не препятствующей подаче исковых заявлений о возмещении вреда, в случаях, не связанных с разрешением спора по существу. Кроме этого должно соблюдаться условие, что вина судьи подтверждается и установлена не через приговор, а через судебное решение другого характера [7].

Уголовно ненаказуемые, но незаконные виновные действия (бездействия) судьи, в том числе нарушение разумных сроков судебного разбирательства, должны, исходя из конституционно-правового смысла, рассматриваться как нарушение права на справедливое судебное разбирательство, что предполагает необходимость справедливой компенсации лицу, которому причинен вред нарушением этого права [7].

Принятый по итогам данного постановления Федеральный закон № 68-ФЗ [16] установил право обращения в суд с заявлением о присуж-

дении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (ч. 1 ст. 1). Им же определены виды нарушений, за которые человек вправе требовать компенсацию, например, нарушение права на судопроизводство в разумный срок, вызванное длительным судебным разбирательством в суде общей юрисдикции (п.1 ч.1 ст. 2). Из смысла закона невозможно определить понятие, а также природу компенсации.

Изучая научные точки зрения, мы пришли к выводу, что компенсацию за нарушение разумных сроков судопроизводства можно рассматривать в двух аспектах: публично-правовой и гражданско-правовой.

Анализ положений закона позволяет склониться к гражданско-правовому характеру природы компенсации из-за положений о возможности возмещения имущественного вреда наряду с компенсацией [16], а также устанавливается механизм регрессного иска. Однако, как отмечено в данном постановлении, введением в правовое регулирование института присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок законодатель, по сути, установил специальный, вспомогательный к общегражданскому порядку возмещения вреда, механизм защиты прав на судебную защиту и на справедливое судебное разбирательство (п. 3).

Представляется, что компенсаторный механизм, предусмотренный российским законодательством, по своей природе носит двойственный характер, так как законодатель подразумевает денежную компенсацию вреда, имущественного ущерба и нравственных страданий с помощью и за счет средств государства. Подчеркнем, что данный вред наносится через действия суда, которые нарушают как имущественные, так и личные неимущественные права лица.

Кроме того, срок уголовного судопроизводства — элемент в системе гарантий защиты конституционных прав и свобод граждан. Поэтому действия (бездействия) суда и работников аппарата суда, достаточность и эффективность которых выясняется в связи с нормами ст. 6.1 УПК РФ являются основаниями для обращения за компенсацией. Перечень этих действий (бездействий) связан со сроками, которые и определяют временную характеристику судебного разбирательства. Статистическая отчетность деятельности судов учитывает в показателях нарушения сроки, предусмотренные ст. 227, 233, 321 УПК РФ, а с 2017 г. еще и срок, установленный ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ.

На основании п. 2 ст. 1 ФЗ №68 нарушение сроков, которые определены законом, не означает нарушения права на судопроизводство. Речь идет о несоблюдении принципа разумного срока судопроизводства.

Вывод о том, что сам термин «разумный срок» носит оценочный характер, можно сделать из указаний этого же постановления. В нем отмечено, что понятие разумности не может относиться одинаково ко всем делам. Обосновывать объем элементов, раскрывающих понятие разумности, возможно через дополнительные критерии, которые исключают субъективное толкование данных понятий. К таким критериям Конституционный суд РФ относит сложность дела, поведение сторон, поведение судебной власти, важность рассматриваемого вопроса для заявителя. При этом сама законодательная задумка данной дефиниции предлага-

ет на индивидуальный подход к определению соответствия продолжительности рассмотрения конкретного дела и разумности самого процесса (п. 5.1).

Поэтому для определения и оценки разумности сроков законодатель вводит понятия, которые должны учитываться в любом уголовном деле: правовая и фактическая сложность материалов уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, достаточность и эффективность действий суда в целях своевременного осуществления рассмотрения уголовного дела, общая продолжительность судебного разбирательства.

8

Законодатель не относит к основаниям, которые могут приниматься во внимание при определении превышения разумных сроков, обстоятельства, связанные с организацией работы суда (ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ). Однако при разработке механизма, который предусмотрен для предотвращения затягивания судебного процесса, именно в этом видится противоречие. В соответствии с законом обращение лица с заявлением об ускорении рассмотрения дела также может иметь субъективную оценку разумности и в связи с этим относиться к процессу затягивания рассмотрения дела в суде.

Данный механизм представляет собой обращение заинтересованного лица к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела (ч. 5 ст. 6.1 УПК РФ). Председатель рассматривает поданное заявление не более 5 суток и выносит мотивированное постановление, в котором он может установить срок проведения судебного заседания по делу и/или принимает иные процессуальные меры для ускорения рассмотрения дела (ч. 6 ст. 6.1 УПК РФ). Таким образом, механизм возлагает на председателя суда обязанность вынести решение, выходящее за рамки функциональной деятельности суда в условиях принципа состязательности, так как оно не связано с установлением обстоятельств по уголовному делу, а носит организационный характер и является механизмом устранения нарушения разумных сроков либо предотвращение неизбежного их нарушения.

Сущность понятия разумного срока учеными-процессуалистами сводится к следующему: разумный срок — это принцип, правовая категория, логически обоснованный срок, который обеспечивает конституционное право любого гражданина на доступ к правосудию без неоправданных задержек. Он всецело отвечает задачам уголовного процесса и является гарантом соблюдения прав и свобод личности в сфере уголовного преследования.

Рассмотрим теоретическое понятие и практическое применение критериев, которые заложены законодателем в механизм исследования разумных сроков судебного разбирательства для оценки превышения их пределов.

Правовая и фактическая сложность материалов уголовного дела. Законодательно закрепленного понятия правовой и фактической сложности материалов уголовного дела нет. Сущность их заключается в совокупности таких обстоятельств, которые затрудняют рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу. Оценка этих категорий крайне важна для работы механизма соблюдения разумного срока, понятия должны быть

понятными и ясными для правоприменителя. Исходя из изучения решений судов по административным искам в связи с компенсацией за нарушение принципа разумных сроков судебного разбирательства, можно сформулировать ряд признаков правовой и фактической сложности уголовного дела: большой многотомный объем уголовного дела; категория преступления, многоэпизодность состава преступления, объект посягательства; процессуальные и фактические особенности доказывания в зависимости от объекта состава преступления; использование механизмов международной правовой помощи и знаний иностранного законодательства, возбуждение уголовного дела на территории иностранного государства и передача России для рассмотрения по подследственности; многочисленность участников судебного разбирательства (подсудимых и их представителей, защитников, потерпевших и их представителей); необходимость допроса большого количества свидетелей со стороны обвинения и стороны защиты, в том числе ранее не допрошенных на предварительном следствии; необходимость назначения, проведения большого количества различных видов экспертиз, допросов экспертов и специалистов для уточнения заключений.

9

Определением Апелляционной коллегии Верховного суда РФ от 30 июля 2019 г. № АПЛ 19-263 действия Челябинского областного суда, рассматривающего уголовное дело в производстве первой инстанции, признаны достаточными и эффективными. Правовая и фактическая сложность данного уголовного дела заключалась в следующем: объем — 153 тома, в качестве обвиняемых привлечено 20 человек, обвинения предъявлены по преступлениям различной степени тяжести (организация преступного сообщества / преступной организации или участие в нем / ней; незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, или психотропных веществ, или их аналогов, а также незаконный сбыт или пересылка наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества; легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления), в судебном разбирательстве допрошено 23 свидетеля (всего свидетелей — 74), проведено 90 различных экспертиз [5].

Определением Апелляционной коллегии Верховного суда РФ № АПЛ20-453 решение Верховного суда РФ № АКПИ20-554 об отказе в удовлетворении административного искового заявления гражданина У. о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, оставлено без изменения. Вышеупомянутый иск по уголовному делу, которое находилось в производстве Архангельского областного суда подавался подсудимым У. с требованием компенсации 13 млн руб. за превышение разумного срока судопроизводства, которое длилось более 4 лет. Верховный суд Российской Федерации принял во внимание сложность материалов уголовного дела (правовую и фактическую составляющую), которая заключалась в следующем: объем уголовного дела — 555 томов; число обвиняемых — 30 лиц; обвинения предъявлены по таким преступлениям, как бандитизм, покушение на убийство, организация преступного сообщества, незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных ча-

стей, боеприпасов и др.; в качестве защитников привлекался 81 адвокат; в качестве гражданских истцов — 45 лиц, которыми заявлены гражданские иски на общую сумму более 108 млн руб.; свидетелей — 120 человек; проведено 105 экспертиз [6].

Возбуждение уголовного дела на территории иностранного государства и передача в Российскую Федерацию для рассмотрения по подследственности стало причиной сложности уголовного дела, по мнению Верховного суда РФ, который своим решением от 24 декабря 2019 г. № АКПИ18-1236 отказал в удовлетворении требования о присуждении компенсации в размере 1 млн руб., заявленного административным истцом, осужденным К., за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и признал действия Алтайского краевого суда достаточными и эффективными [14].

Поведение участников уголовного судопроизводства. Участники судебного разбирательства — это совокупность лиц, которые либо вовлечены в сферу уголовного судопроизводства, либо будучи представителями государства, выполняют определенный набор полномочий, которыми они наделены в силу реализуемой уголовно-процессуальной функции. Поэтому ответственность государства как субъекта, который наделяет своих представителей функционалом следует учитывать при рассмотрении данного фактора. Представляется, что оценке здесь следует подвергать правовую систему и форму судопроизводства в государстве в целом, а также пробелы и коллизии в законодательстве, регулирующем судебное разбирательство. Следует рассматривать глубокую взаимосвязь поведения государства через своих представителей (государственный обвинитель, суд, профессиональный защитник) с принципом разумных сроков уголовного судопроизводства и принципом состязательности и равноправия сторон, являющимся составляющим элементом национальной формы судебного разбирательства благодаря интеграции публичности, состязательности и равноправия сторон с приоритетом защиты прав человека.

Данный критерий связан с функциональной деятельностью участников судебного разбирательства, которая, в свою очередь, сопряжена с принципами уголовного процесса, которые относятся и к судебному разбирательству: непосредственность и устность, неизменность состава суда. С одной стороны, непосредственное исследование доказательств в виде заслушивания или ограничения оглашения показаний лиц (подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта, специалиста), может повлиять на сроки рассмотрения уголовного дела в судебном разбирательстве, но с другой стороны, данное общее условие является гарантией защиты прав человека в состязательном производстве. Расширение возможности онлайн-присутствия посредством систем видеоконференцсвязи для большего количества участников уголовного судопроизводства сократит сроки рассмотрения уголовного дела в судебном разбирательстве.

Поведение подсудимого, который был объявлен в розыск, повлияло на сложность уголовного дела № 50307, рассмотренного и разрешенного по существу Новосибирским областным судом. Однако Верховный суд РФ решением от 18 августа 2020 г. № АКПИ20-816 признал действия суда

первой инстанции недостаточными и неэффективными, что привело к чрезмерной и не отвечающей требованиям разумных сроков продолжительности судебного разбирательства (почти 2 года) и присудил заявителю административного иска Р. компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 70 тыс. руб. (истец требовал 1 млн руб.). Суд указал на причины нарушения разумных сроков судебного разбирательства: без уважительных причин откладывались судебные заседания на длительные сроки, срок изготовления протокола судебного заседания составил более 6 месяцев после провозглашения приговора [11].

Достаточность действий суда в целях своевременного осуществления рассмотрения уголовного дела. Достаточными действиями суда следует признать действия по применению судом к не являющимся без уважительных причин обязательных участникам судебного разбирательства мер принуждения в виде обязательства о явке, привода, денежного взыскания, в том числе мер пресечения в отношении подсудимого.

Эффективность действий суда в целях своевременного осуществления рассмотрения уголовного дела. Эффективной деятельностью суда можно назвать такую высокопрофессиональную деятельность, которая в рамках закрепленной законом активности суда, направленной на достижение цели привела к вынесению законного, обоснованного, мотивированного, справедливого решения при всестороннем, полном, объективном исследовании материалов уголовного дела независимо от его сложности. Представляется, что на эффективность действий суда так или иначе оказывает влияние эффективность действий органов, проводивших досудебное производство по уголовному делу. То, насколько качественные, то есть отвечающие требованиям относимости, допустимости, достоверности, достаточности, собраны по уголовному делу доказательства, влияет на сроки рассмотрения и разрешения уголовного дела судом первой инстанции.

Достаточность и эффективность действий суда как параметры, оцениваемые при рассмотрении вопроса о нарушении разумности сроков производства в первой инстанции по уголовному делу, не должны приносить в жертву конечную цель судебного разбирательства – вынесение законного, обоснованного, мотивированного, справедливого приговора [13].

Практика рассмотрения административных исков о присуждении компенсации за нарушение данного принципа судопроизводства подтверждает эффективность незначительных перерывов между судебными заседаниями. Они могут быть связаны с заменой защитника и ознакомлением его с материалами дела, когда суд последовательно исследует доказательства, представленные сторонами, целесообразно вызывает свидетелей, сразу же рассматривает замечания на протокол судебного заседания, который изготавливается частями и вручается подсудимым и их защитникам для ознакомления. Так, Верховный суд РФ решением от 18 февраля 2021 г. № АКПИ20-849 отказал в удовлетворении требований о присуждении компенсации Ч. и Б., в отношении которых рассматривалось и разрешалось уголовное дело по существу Верховным судом Республики Коми. Апелляционная коллегия оставила решение Верхов-

ного суда без изменения. В нем уже было указано, что «судебное разбирательство по данному уголовному делу проводилось с соблюдением прав участников процесса, заседания назначались в установленные законом сроки, слушания велись непрерывно, перерывы по делу являлись необходимыми и обоснованными, а периоды неактивности суда были непродолжительными. При этом было установлено, что продолжительность рассмотрения дела в суде составила 5 лет 6 месяцев 28 дней (общая продолжительность судопроизводства в отношении Ч. — 8 лет 3 месяца 17 дней, в отношении Б. — 8 лет 3 месяца 2 дня)».

Сложность данного уголовного дела может определяться его объемом — 644 тома, а также количеством обвиняемых — 30, 5 из которых были объявлены в розыск, 233 свидетеля вызывались в суд, потерпевшими были признаны 18 человек. Кроме того, тяжесть преступлений (организация преступного сообщества / преступной организации или участие в нем / ней, бандитизм, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, убийство, мошенничество, вымогательство, захват заложника, незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов) также наложило отпечаток на сложность уголовного дела [10].

Однако Верховный суд РФ признал недостаточными и неэффективными ряд действий судов Российской Федерации, которые рассматривали и разрешали уголовные дела по существу. Таковыми признаны действия Алтайского краевого суда при рассмотрении уголовного дела в период с 25 августа 2017 г. по 23 ноября 2021 г., составивший 4 года 3 месяца. Решением Верховного суда РФ от 6 июля 2022 г. № АКПИ22-430 удовлетворено административное исковое заявление и присуждена истцу Б. компенсация в размере 70 тыс. руб. за нарушение его права на судопроизводство в разумный срок, поскольку правовая и фактическая сложность уголовного дела сама по себе не может оправдать общую продолжительность его рассмотрения. В суде было установлено, что данный срок судопроизводства негативно отразился на моральном состоянии гражданина Б. При этом, Верховный суд учел тот факт, что объем уголовного дела составил 146 томов, в качестве обвиняемых привлечено 11 лиц, в качестве потерпевших — 109 лиц, в качестве свидетелей — 43 лица, проведено 45 экспертиз. Суд отметил, что продолжительность судопроизводства по уголовному делу в отношении Б. составила 5 лет 5 месяцев 11 дней является чрезмерной и не отвечающей требованию разумности срока. Причиной чрезмерной продолжительности производства в суде стали отложения судебных заседаний на длительные сроки [8].

Общая продолжительность судебного разбирательства. Установить единый срок для рассмотрения и разрешения в суде первой инстанции всех категорий дел по определению невозможно, считает законодатель. В отличие от общего срока судебного разбирательства, законодателем установлены, например, конкретные сроки принятия решения по поступившему в суд уголовному делу (ч. 3 ст. 227 УПК РФ), сроки начала судебного разбирательства (ч. 1 ст. 233). Строгая регламентированность нормами, установление определенных пределов осуществления, ограничение во времени процессуальными сроками отличает уголовно-процессуальную деятельность от иных видов правовой деятельности. Ка-

ждое судебное индивидуально и четко определить временные рамки (разумные сроки) невозможно. Следует отметить, что есть государства, где они установлены. Например, в Республике Узбекистан продолжительность судебного разбирательства по уголовному делу не должна превышать 2 месяцев со дня начала с возможностью продления до 6 месяцев (ст. 405 УПК Республики Узбекистан).

Период должен быть таким, который бы гарантировал качество рассмотрения уголовного дела в минимально короткие сроки и вынесение судебного решения так скоро, чтобы избавить лицо от состояния неопределенности, в котором оно находится с момента предъявления обвинения.

Представляется, что на период рассмотрения и разрешения уголовного дела влияет, помимо необходимости непосредственно и устно исследовать всесторонне, полно, объективно материалы уголовного дела, также и время, затраченное на постановление и оглашение приговора суда. По общему правилу судья оглашает приговор в полном объеме (ч. 1 ст. 310 уголовно-процессуального кодекса), руководствуясь гласностью, как общим условием судебного разбирательства (ст. 241 уголовно-процессуального кодекса). В ряде случаев по уголовным делам, рассмотренным в закрытом судебном заседании, а также по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и об отдельных преступлениях против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства, составляющих закрытый перечень (ч. 7 ст. 241 уголовно-процессуального кодекса), судья вправе огласить только вводную и резолютивную части приговора. Исследования показывают, что смысла оглашать описательно-мотивировочную часть приговора нет, так как полный приговор можно изучить в электронном виде на основании ст. 15 Федерального закона РФ от 22 декабря 2008 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» № 262-ФЗ, а копия приговора в течение 5 суток со дня провозглашения вручается осужденному или оправданному, его защитнику и обвинителю, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям при наличии их ходатайства (ст. 312 УПК РФ). Председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев в своем выступлении на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 г. подчеркнул, что сохраняется тенденция использования электронных ресурсов судебной системы России, в связи с чем необходимо предусмотреть возможность провозглашения только вводной и резолютивной частей приговора по всем категориям уголовных дел, а копию приговора вручать незамедлительно после оглашения этих частей [1].

Практика рассмотрения административных исков о присуждении компенсации за нарушение разумных сроков судебного разбирательства свидетельствует о том, что на нарушение сроков производства оказывают влияние неправомерное поведение участников производства, например, необходимость объявления в международный розыск подсудимого, неэффективность и недостаточная качественность досудебно-

го производства, длительные перерывы в судебных заседаниях, споры о подсудности, замена судьи по разным причинам (состояние здоровья, отставка).

Показательным по срокам судопроизводства является уголовное дело И. Д. Шагаловой, Г. И. Шагалова и А. М. Кнутова, по которому Московским городским судом вынесен приговор. Верховный суд РФ решением от 10 марта 2016 г. № АКПИ16-157 удовлетворил требование о присуждении всем трем истцам компенсации в размере по 600 тыс. руб. каждому, поскольку признал неэффективными действия органов предварительного следствия, которые привели к нарушению права на уголовное судопроизводство в разумный срок. Общая продолжительность судопроизводства по уголовному делу составила в отношении И. Д. Шагаловой — 13 лет 3 месяца 14 дней, Г. И. Шагалова — 13 лет 28 дней, А. М. Кнутова — 13 лет 3 месяца 17 дней и была признана судом чрезмерной и не отвечающей требованиям разумности срока [12].

В другом уголовном деле, рассмотренном и разрешенном Московским городским судом, замена судьи не повлияла на нарушение разумных сроков судебного разбирательства, и Верховный суд РФ решением от 27 августа 2020 г. № АКПИ20-491 отказал в иске о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок [15].

В некоторых зарубежных государствах общее условие в виде неизменности состава суда несколько отличается от российского. Так, например, в уголовно-процессуальном законе Республики Казахстан (ст. 332) установлена неизменность состава суда при разбирательстве дела, впрочем, как и в уголовном процессе РФ. Однако, в отличие от российского закона, существуют исключительные случаи, установленные УПК РК. Так, возможность назначения второго (запасного) судьи определяется долгой продолжительностью времени судебного разбирательства (ч. 1 ст. 333 УПК РК). Чтобы не нарушать непрерывность судебного разбирательства, запасной судья присутствует с самого начала на судебном заседании или с того момента, когда его привлекают к разбирательству в суде (ч. 2 ст. 333 УПК РК).

Особенность участия запасного судьи заключается в том, что он является по сути молчаливым наблюдателем, присутствующим в зале суда, пользуется правами судьи только с момента выбытия предыдущего судьи, а также имеет право требовать возобновления любых судебных действий.

Данное положение УПК РК считаем целесообразным. Однако с определенной степенью сложности придется столкнуться, когда возникнет необходимость определения, насколько продолжительным по времени будет предстоящее рассмотрение и разрешение уголовного дела, так как сроков для той или иной категории уголовных дел ни законом Республики Казахстан, ни законом России, не предусмотрено.

Неэффективность и недостаточная качественность досудебного производства, которая выразилась в бездействии органов предварительного следствия, привели к необоснованному затягиванию производства и не способствовали скорейшему установлению истины и изобличению виновных лиц [10].

Наряду с другими нарушениями, повлиявшими на несоблюдение разумного срока производства по уголовному делу гражданина Б., рассмотренного и разрешенного Санкт-Петербургским городским судом, также повлиял спор о подсудности между Санкт-Петербургским городским судом и Псковским областным судом, который был разрешен Верховным судом РФ и уголовное дело было возвращено в Санкт-Петербургский городской суд по месту проживания и нахождения большинства свидетелей и обвиняемых. В связи с чем Верховный суд Российской Федерации своим решением от 29 ноября 2021 г. № АКПИ21-845 посчитал, что общая продолжительность судопроизводства по уголовному делу была чрезмерной, а срок судопроизводства не отвечающим требованию разумности, и присудил компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в размере 250 тыс. руб. (при требовании 10 млн руб.), обратившемуся с административным иском Б., являющемуся осужденным по уголовному делу [9].

Указанные в законе критерии, исследуемые при оценке превышения пределов разумных сроков судебного разбирательства не затрагивают субъективные и объективные обстоятельства, выявленные при самостоятельном изучении уголовных дел и анкетировании судей и работников аппарата судов, а также при анализе обзора судебной практики соблюдения процессуальных сроков рассмотрения уголовных дел и причин их нарушения, хотя законодателем и не закрепленные, но имеющие место в уголовных делах и оказывающие негативное влияние на разумные сроки судебного разбирательства. Не принимая во внимание противоречия в уголовно-процессуальном законе, нами выявлены следующие факторы: организационные причины в работе судов, в том числе нехватка кадров, болезнь или обучение судей, поломка оргтехники, утрата материалов дела, несоразмерная нагрузка на судью, связанная с большим количеством уголовных дел либо неправильным их распределением, а также длительные перерывы в судебных заседаниях, следствием которых является трата времени на восполнение забытой информации из материалов уголовного дела [1]. Причинами длительных перерывов в судебных заседаниях являются несвоевременное доставление соответствующими органами подсудимых, находящихся под стражей, в зал судебных заседаний, а также неявка обязательных участников судебного разбирательства (неявка лицами объясняется невозможностью оставить рабочее место и отсутствием компенсации за пропущенное рабочее время, нежелание отвлечения от более важных занятий); некачественно проведенное предварительное расследование, заставляющее суд собирать дополнительные доказательства (вызывать дополнительных свидетелей, назначать экспертизы, проведение которых часто затягивается, запрашивать сведения, характеризующие личность подсудимого); неоднократные замены защитников и государственных обвинителей, требующие ознакомления с материалами уголовного дела и повторений проведения судебных и иных процессуальных действий.

Таким образом, временная характеристика судебного разбирательства объединяет в себе две категории: процессуальные сроки, установленные законом, обязательные при производстве на разных его этапах

и разумный срок судебного разбирательства, который является категорией, не определенной законом, и оценивается с точки зрения ряда показателей.

Разумные сроки нельзя рассматривать как разновидность процессуальных сроков, несмотря на то, что встречаются обоснования на этот счет. Универсальных алгоритмов, способных определить, был ли разумным срок судебного разбирательства, не существует. В каждом уголовном деле следует исходить из определенных законом сроков для его рассмотрения и разрешения в судебном разбирательстве судом первой инстанции, факта нарушения права на рассмотрение и разрешение уголовного дела в разумный срок и необходимости совершения судом или работниками аппарата суда действий (бездействий) за пределами установленного законом разумного срока. Речь идет о необоснованных, создающих волокиту и затягивание, превышениях пределов рассмотрения и разрешения в судебном разбирательстве уголовного дела по существу.

16

Для исследования, нарушен ли принцип разумного срока судопроизводства и возможна ли компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, следует рассматривать как закрепленный законом срок, так и срок за его пределами. А для вывода о наличии нарушения принципа разумного срока судопроизводства, его оценки и установления размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок следует включать только срок, за пределами установленного законом.

Констатировать факт снижения количества обращений с исками за компенсацией в связи с нарушением разумных сроков судопроизводства не приходится. В 2021 г. о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (гл. 26 КАС РФ) Верховным судом РФ рассмотрено 31 дело [2], в первом полугодии 2022 г. — 22 дела, все с вынесением решения, по 12 делам требования удовлетворены [3]. Таким образом, за время применения данного принципа в течение более чем десяти лет, он стал гарантом взыскания средств государства в пользу человека в виде компенсации за нарушение разумного срока судебного разбирательства и сокращения обращений в суд с административным иском о таком взыскании в порядке гл. 26 КАС РФ в связи с уменьшением количества нарушений разумных сроков рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Справедливое решение суда является ожиданием сторон. Имея право на внутреннее убеждение, которое можно оценить, как нечто субъективное, суд выступает не заинтересованным в исходе уголовного дела лицом. Стороны рассматривают ситуацию исключительно со своей точки зрения: стороны обвинения или защиты. И, даже, если они не стремятся установить истину или приблизиться к ней, к этому стремится суд благодаря всестороннему, полному и объективному исследованию доказательств в рамках временной характеристики производства. Форма судебного разбирательства, которая заключается в интеграции публичности, состязательности и равноправии сторон с приоритетом

прав человека, направляет суд восстановить правопорядок и разрешить спор в разумные сроки, руководствуясь назначением уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. *Лебедев В. М.* Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 года. URL: http://supcourt.ru/press_center/news/31150/ (дата обращения: 08.08.2023).

2. *Обзор* статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2021 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/statistics/30794/> (дата обращения: 13.08.2023).

3. *Обзор* статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2022 года административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/statistics/31438/> (дата обращения: 13.08.2023).

4. *Обзор* судебной практики Верховного Суда РФ №1 (2022). URL: <http://www.vsr.fu/documents/practice/31180/> (дата обращения: 28.08.2023).

5. *Определение* Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 30.07.2019 г. № АПЛ19-263. URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 11.08.2022).

6. *Определение* Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 22.12.2020 г. № АПЛ20-453. URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

7. *По делу* о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова : постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 г. №1-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30212/ (дата обращения: 10.08.2023).

8. *Решение* Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2021 г. № АКПИ21-845. URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

9. *Решение* Верховного Суда РФ от 06.07.2022 г. № АКПИ22-430. URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

10. *Решение* Верховного Суда РФ от 10.03.2016 г. № АКПИ16-157. URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

11. *Решение* Верховного Суда РФ от 18.02.2021 г. № АКПИ20-849. URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

12. *Решение* Верховного Суда РФ от 18.08.2020 г. № АКПИ20-816. URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

13. *Решение* Верховного Суда РФ от 21.03.2019 г. № АКПИ19-38. URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

14. *Решение* Верховного Суда РФ от 23.11.2017 г. № АКПИ17-898. URL: <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

15. *Решение* Верховного Суда РФ от 24.12.2019 г. № АКПИ18-1236 // <https://mobileonline.garant.ru> (дата обращения: 10.08.2023).

16. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : федер. закон Рос. Федерации от 30.04.2010 г. №68-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Об авторе

Наталья Викторовна Ткачева — канд. юрид. наук, доц., Южно-Уральский государственный университет (научно-исследовательский университет), Россия.
E-mail: tkachevanv@susu.ru

18

N. V. Tkacheva

A REASONABLE TRIAL TIMEFRAME IN A CRIMINAL CASE

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russia

Received 30 January 2024

Accepted 30 April 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-1

To cite this article: Tkacheva N. V. 2024, A reasonable trial timeframe in a criminal case, Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science, №3. P. 5—18. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-1.

The analysis of the concept of a reasonable timeframe for court proceedings is a pressing issue in the current stage of the development of criminal procedure in Russia. Several international mechanisms for protecting individual rights in the sphere of criminal proceedings, including those for contesting reasonable timeframes, have been lost. The study employed general and specific scientific methods, such as dialectical, axiological, and synergetic approaches, as well as the theory of social action and modeling. Moreover, the application of methods of analysis and synthesis of information, comparative legal analysis, and formal legal approaches allowed the author to reach reliable conclusions. The research established that failure to adhere to reasonable timeframes for judicial decision-making violates the rights of individuals involved in criminal proceedings. Ensuring the protection of individuals' rights and legitimate interests is only possible when reasonable time limits in criminal procedure are observed. Based on the provisions related to compensation for violations of the principle of reasonable timeframes during court proceedings, a conclusion was drawn regarding the essence of these provisions, which allows for an evaluation of the criteria of reasonableness outlined by the legislator and the identification of methods for their assessment.

Keywords: criminal proceedings, reasonable time, participant in the court proceedings, the principle of criminal proceedings

The author

Dr Natalia V. Tkacheva, associate professor, South Ural State University (national research university), Russia.

E-mail: tkachevanv@susu.ru

А. А. Бесчасная, Д. В. Протопопова, С. В. Фокин

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН: ФАКТЫ, ПРАВО, МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 20.05.2024 г.

Принята к публикации 13.06.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-2

Для цитирования: Бесчасная А. А., Протопопова Д. В., Фокин С. В. Домашнее насилие в отношении женщин: факты, право, меры профилактики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 19–30. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-2.

Представлен анализ проблемы домашнего насилия в отношении женщин в России за последнее десятилетие. Практики домашнего насилия противоречат целям государственной семейной политики по укреплению ценностей семьи и созданию привлекательности семейного образа жизни, демотивируют молодежь вступать брак и нарушают их репродуктивные установки. К рассмотрению проблемы домашнего насилия авторы подошли комплексно, представив актуальные факты, проведя глубокий анализ законодательных актов, нормативно-правовых документов, а также практику их применения в аспектах профилактики и искоренения семейно-бытовых девиаций. Основным методом исследования стал вторичный анализ данных из открытых источников и статистики Росстат. Результатом обзора являются предложения по внедрению мер, влияющих на профилактику домашнего насилия. Основное направление работы с жертвами насилия должно строиться на межведомственном взаимодействии, а профилактическая деятельность – на работе с акторами насилия.

Ключевые слова: семья, традиционные ценности, насилие домашнее, дети, защита, межведомственное взаимодействие

Постановка проблемы: факты

Социальному институту семьи и брака принадлежит одно из главных мест в системе ценностей и в государственной политике в современной России. Это подтверждается данными ежегодного панельного мониторинга ВЦИОМ. В обследовании 2024 г. в системе ценностей крепкая семья стоит на первом месте у 67 % опрошенных россиян вне зависимости от возраста, пола, уровня образования и места проживания [6; 19]. Однако при таком положении семьи продолжают оставаться актуальными

проблемы домашнего насилия, что ослабляет устои и авторитет семьи. Как показывает статистика, чаще всего домашнему насилию подвергаются женщины.

«Домашнее насилие — это повторяющийся с увеличением частоты цикл физических, словесных, сексуальных, эмоциональных и экономических действий по отношению к своим близким, которые совершаются против их воли с целью обретения над ними власти и контроля» [13]. Согласно оценкам Всемирной организации здравоохранения, практически треть всех женщин (27 %) в возрасте от 15 до 49 лет на протяжении жизни подвергались физическому и/или сексуальному насилию в той или иной форме со стороны своего партнера [15]. По данным, приводимым В. В. Соляник, 24 % опрошенных россиян столкнулись с домашним насилием, из них 35 % опрошенных женщин, среди которых лишь половина обращаются с заявлением в полицию. «Более 10 тыс. женщин ежегодно погибают от рук супруга или сожителя. Психологическое или эмоциональное насилие проявляется в словесных оскорблениях, психологическом давлении, шантаже, высказывании угроз и тотальном контроле, когда не остается личного пространства (контролируется круг общения, переписка и даже увлечения)» [20].

Большой массив данных о домашнем насилии в отношении женщин накоплен в специализированных некоммерческих организациях (далее — НКО). В проекте «Алгоритм света», созданном Консорциумом женских неправительственных объединений, содержатся следующие данные: 66 % от числа всех убитых женщин погибло от домашнего насилия в 2011–2019 гг., при этом 53 % женщин были убиты партнером, а 13 % — другим родственником. В 2020–2021 гг. процент женщин, убитых в результате актов семейного насилия, составил 71 %: от рук партнера пострадали 66 %, от рук родственников — 5 % [11].

По данным Санкт-Петербургской региональной общественной организации «ИНГО. Кризисный центр для женщин», в 2020 г. к ним поступило 9455 обращений, что на 53 % больше, чем в предыдущий, допандемийный, год. В 2021 г. эта цифра составила 9278. За период с января по август 2022 г. в организацию обратились 5346 пострадавших от семейного насилия [9; 18].

В докладе Ресурсного центра «Анна» [5] отмечено, что в 2021 г. на всероссийский телефон доверия для женщин, пострадавших от домашнего насилия, поступило 58180 обращений (по сравнению с 48869 за 2020 г.) — увеличение составило около 20 %. От физического насилия пострадало 72,3 % женщин, большинство из них от насилия со стороны супруга или партнера (76,4 %) и бывшего мужа (10,6 %). Также большинство обратившихся женщин являются матерями: 58,8 % имеют одного или двоих детей, 11,8 % — многодетные матери, у которых три или более детей. Важно отметить, что 71 % женщин никогда не обращался за помощью в правоохранительные органы. Из 29 % обратившихся, 94 % не удовлетворены оказанной правоохранителями помощью. До суда дело дошло только у 2,4 %. В совокупности 96,6 % женщин, позвонивших на всероссийский телефон доверия, никогда не обращались за помощью в специализированные государственные или негосударственные учреж-

дения, хотя почти половине (47,6 %) было необходимо безопасное укрытие, в котором женщина (с детьми или без) могла бы проживать отдельно от своего обидчика.

Проблема домашнего насилия актуальна еще и потому, что ее латентный характер подрывает не только ценность семьи, но и ценность детства и воздействует на сокращение демографических установок среди молодежи. Как показывают исследования, 75–85 % случаев насилия по отношению к детям происходят в «круге доверия» [20].

Семейная политика в Российской Федерации

Семейная политика является главной составляющей социальной политики РФ. Закрепление основ социальной политики в Конституции РФ позволяет гарантировать каждому *право на социальную защиту и социальную помощь*. На современном этапе социального развития России одним из приоритетов социальной политики является государственная и общественная поддержка института семьи и брака [16].

Одна из основ социальной политики государства — создание социально-экономической защищенности гражданина, которая представляет собой механизм, осуществляющий защиту конкретного субъекта в рамках государственной деятельности, направленной на обеспечение необходимыми благами, на поддержание уровня и качества жизни, соответствующего потребностям общества и государства. К признакам социальной защищенности можно отнести существование определенных рисков и угроз для конкретных субъектов, находящихся под защитой государства и обладающих правом на самозащиту своих социальных интересов.

В рассматриваемой нами проблеме субъектами являются женщины, которые либо подвергаются, либо потенциально могут быть подвергнуты семейному насилию в той или иной форме. Важно отметить, что мы можем назвать социально-экономическую защищенность эффективной только в том случае, если она обеспечивает не только стабильное материальное благосостояние жертвы насилия, но и ее экономическую самостоятельность, правовые гарантии, социальный статус личности и его душевный комфорт.

Социальная политика в сфере защиты женщин от семейного насилия находит свое отражение в нескольких законодательных и нормативно-правовых актах.

Согласно ст. 38 Конституции РФ, *материнство и детство, семья находятся под защитой государства* [1]. Та же идея декларируется в Семейном кодексе РФ. Согласно общим положениям СК РФ, семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, *построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности* перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав [3]. Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами *добровольности брачного союза* мужчины и женщины, *равенства прав* супругов в семье, разрешения

внутрисемейных вопросов по *взаимному согласию*, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. провозглашает традиционные семейные ценности, в числе которых *ценности брака*, понимаемого как союз мужчины и женщины, заключаемый в целях создания семьи, рождения и/или совместного воспитания детей, *основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям*, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению [2]. Меры, предусмотренные Концепцией, определены во взаимосвязи с общественно значимыми функциями семьи: рождением, воспитанием, содержанием и социализацией детей, участием в экономической деятельности государства, *сохранением физического, психологического и эмоционального здоровья* ее членов, а также духовным развитием членов семьи и всего общества, сохранением и укреплением традиционных семейных ценностей.

Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» обосновывает развитие государства и общества в укреплении традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение *духовно-нравственных традиций* в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи. В Указе перечислены основы, обеспечивающие национальную безопасность РФ, среди которых отмечена необходимость сохранения крепкого брака, продолжения жизни и многодетности [4].

Статистика о семье

В настоящее время наблюдается кризис института семьи: уменьшается количество заключенных браков и число рожденных детей, увеличивается число разводов, а также возраст вступления в брак.

По данным Росстата [17], в 2012 г. было зарегистрировано 1213,6 тыс. браков. Через пять лет, в 2017 г., — 1049,7 тыс., а в 2022 г. этот показатель составил 1053,8 тыс. (включая показатели по Республике Крым и г. Севастополю). В 2012 г. было зафиксировано 644,1 тыс. разводов, в 2017 г. — 611,4 тыс., а в 2022 г. — 682,9 тыс.

За период с 2012 по 2022 г. также уменьшился суммарный коэффициент рождаемости. В 2012 г. число родившихся детей в расчете на 1 женщину составляло 1,69 ребенка, а в 2022 г. — 1,44 ребенка [23].

На все эти процессы, свидетельствующие об ослаблении функций семьи и снижении привлекательности брака, может оказывать существенное влияние домашнее насилие. В семьях, где женщины терпят насилие в физическом, психологическом, экономическом или сексуальном проявлениях, нет оснований для проявления уважения и равенства супругов,

их любви и взаимопомощи. Дети, которые вырастают в таких условиях, могут надолго откладывать начало собственной семейной жизни из-за страха повторения негативного сценария родителей. Таким образом, попутно с укреплением традиционных ценностей, государство должно проводить политику, защищающую семьи и женщин от деструктивно-го влияния семейного насилия. В рамках российских традиций женщина — это, в первую очередь, мать, которая является источником жизни и заботы о членах семьи [7].

Обзор изменений в правовых документах по профилактике семейно-бытового насилия за последние 5 лет

23

В качестве инструментов профилактики семейно-бытового насилия, осуществляемой правоохранительными органами, выступают уголовно-правовые и административно-правовые средства.

В Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ) в гл. 16 охватываются преступления против личности, в том числе умышленные и непреднамеренные убийства (ст. 105 — 109 УК РФ), три статьи о нанесении телесных повреждений разной степени тяжести (111 — 115 УК РФ).

В случаях совершения преступлений, предусмотренных ст. 111 — 115 УК РФ потерпевший в порядке частного обвинения должен обратиться в правоохранительный орган с заявлением и доказательствами, в том числе медицинскими и свидетельскими, и ожидать возбуждения уголовного дела с последующей передачей в суд для разбирательства.

Есть и другие формы физического или психологического нападения, не приводящие к серьезным телесным повреждениям. Они рассматриваются в порядке ст. 116 и 119 УК РФ. Статья 116 УК РФ предусматривает наказание за совершение побоев. В нее были внесены существенные изменения. До 3 июля 2016 г. любая форма побоев относилась к уголовному преступлению, наказуемое штрафом, общественными работами или лишением свободы на срок до трех месяцев, а при наличии отягчающих обстоятельств (например, состояние алкогольного опьянения) могли привести к более суровой квалификации преступного деяния.

В ФЗ от 3 июля 2016 г. «О внесении изменений в УК РФ и Уголовный процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» были внесены существенные правки:

1. Побои были декриминализованы и переквалифицированы из уголовного в административное правонарушение.

2. Появилась новая форма отягчающих обстоятельств — близкие лица, то есть супруги, родители, братья, сестры, домашние партнеры (сожители).

3. В результате частного обращения потерпевшей стороны преследование не должно было заканчиваться даже с согласия жертвы.

4. В УК РФ появилась новая ст. 116.1, которая предусматривала наказание за повторное совершение побоев, предусмотренных статьей КоАП 6.1.1.

Но ссылка на «близких лиц», как на отягчающее обстоятельство, была исключена Федеральным законом от 7 февраля 2017 г. Единственные

оставшиеся формы отягчающих обстоятельств в настоящее время включают в себя избиение, совершенное по расовым, этническим, социальным или беспорядочным мотивам.

Описанная ситуация свидетельствует о регрессе в сфере защиты личности в результате совершения насильственных деяний, в том числе в семейно-бытовых отношениях.

Постановлением Конституционного суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П по делу о проверке конституционности ст. 116.1 УК РФ в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой было решено, что указанная статья не соответствует нормам Конституции РФ [10]. Гражданка неоднократно подвергалась побоям со стороны гражданина С. Решениями Оренбургского суда от 10 марта 2018 г., 17 сентября 2018 г., 10 марта 2019 г., 28 февраля 2020 г. гражданин С. был признан виновным. В качестве наказаний ему был назначен административный штраф 5000 руб. и обязательные работы (по разным делам) от 100 до 300 часов. Но судя по количеству обвинительных приговоров и по санкционным мерам, гражданин С. продолжал избивать заявительницу. При этом гражданина С. судили по статье Административного кодекса РФ. В связи с этим супруга обратилась в Конституционный суд РФ со следующими доводами:

1. Статья 116.1 УК РФ противоречит ст. 19, 21 и 52 Конституции РФ, поскольку не обеспечивает эффективной защиты от домашнего насилия и не позволяет привлечь к уголовной ответственности за побои (при отсутствии признаков, указанных в ст. 116 данного Кодекса) лицо, имеющее неснятую и непогашенную судимость по оспариваемой статье.

2. В РФ человек и его права и свободы признаются высшей ценностью, ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности, никто не должен подвергаться пыткам, насилию и другому жестокому обращению. Любое посягательство на личность, а тем более физическую неприкосновенность, является одновременно и посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек становится объектом произвола и насилия. Таким образом, российское законодательство обеспечивает защиту человека, его прав и свобод.

3. Законодатель, реализуя свою дискреционную функцию, формирует систему норм, обеспечивающих защиту от деяний, посягающих на достоинство личности и личную неприкосновенность.

Статья 116.1 УК РФ предусматривает ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших за собой обстоятельств, перечисленных в ст. 115 УК РФ. Составообразующим признаком является систематическое нанесение побоев. Кодекс об административных правонарушениях в ст. 6.1.1 также предусматривает ответственность за причинение побоев, не повлекших за собой обстоятельств, указанных в ст. 115 УК РФ. Статья применяется только в случае первого совершения преступления, если не имеется состав уголовного правонарушения. Принимая решения о применении статьи УК РФ, суды и полиция обращают внимание на признаки состава преступления.

Указанные статьи базируются на общих принципах административной и уголовной ответственности и на презумпции о достаточности административного наказания в качестве ответственности за соверше-

ния этого преступления впервые. Но, как следует из практики применения административной статьи, насильственные действия повторяются вновь, а мера наказания незначительна, оплата штрафа ведется из семейного бюджета, а стороны продолжают проживать вместе. Из этого следует, что требуется применение более строгой (то есть уголовной) ответственности за повторное совершение преступления, так как это свидетельствует об усилении степени общественной опасности лица для окружающих людей, в частности близких. Тем более сам факт повторения преступления по однородному составу указывает на определенную недостаточность административного наказания. Правоприменитель должен обращать внимание на прошлую судимость лица для избрания справедливой и достаточной ответственности. Повторность указывает на устойчивое преступное поведение личности, на ее стремление разрешать семейный конфликт насильственным способом. Особенно острая проблема заключается в том, что повторные однородные по составу действия применяются к одному и тому же лицу. Этот факт говорит о недостаточности действий государственных органов в сфере защиты достоинства личности, в том числе в семейно-бытовом насилии.

Восьмого апреля 2021 г. Конституционный суд РФ постановил признать ст. 116.1 УК РФ не соответствующей Конституции РФ, а именно ст. 2, 17 (ч. 1), 18, 19 (ч. 1), 21, 45 (ч. 1), 52 и 55 (ч. 3), так как она не обеспечивает соразмерность уголовно-правовой защиты права на личную неприкосновенность и права на охрану достоинства в случаях насилия.

Модель государственного регулирования в сфере профилактики семейного насилия в отношении женщин. Деятельность по преодолению проблемы семейного насилия должна охватывать разные направления профилактики с привлечением специалистов из разных сфер оказания помощи, из государственных социальных служб и некоммерческих организаций, имеющих разную целевую направленность и различную подведомственность, работа которых должна носить системный характер и строиться на взаимодействии.

Ведущая роль в профилактике должна принадлежать улучшению механизмов *межсекторного и межведомственного взаимодействия организаций*, способных предупреждать семейное насилие или оказывать помощь пострадавшим женщинам. Межведомственное взаимодействие заключается во взаимной работе различных государственных учреждений и служб с целью решения общей для всех проблемы — домашнего насилия в отношении женщин. Примерами такого взаимодействия в сфере профилактики домашнего насилия может являться налаженный контакт образовательного учреждения, органов опеки и попечительства, органов социальной защиты и правоохранительных органов, так как признаки насилия способны зафиксировать специалисты различных учреждений. Например, школьный учитель может заметить замкнутость в сочетании со следами побоев на теле ребенка или его матери и передать эту информацию в соответствующие органы [14].

К сожалению, в России, с одной стороны, бытует мораль «моя хата с краю» и «бьет — значит любит», из-за которой проявление конструктивного интереса к событиям в чужой семье не приветствуется. С другой стороны, система профилактики домашнего насилия не имеет систем-

ный характер, не выстроена в технологию предотвращения насильственных действий, а организация межведомственного взаимодействия государственных органов по данной проблеме становится проблематичной между учреждениями разного уровня подчинения. Данное мнение подтверждает «Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в Российской Федерации» [21]. Эксперты утверждают, что в России отсутствует разработанная или принятая к исполнению какая-либо стандартизированная модель межведомственного взаимодействия для решения проблем насилия в отношении женщин или домашнего насилия, а межведомственное взаимодействие в области оказания помощи пострадавшим от насилия в отношении женщин и домашнего насилия, как правило, носит разовый характер, основано на личных связях и не формализовано. Кроме того, государственная помощь и поддержка для пострадавших от семейного насилия зачастую приоритетно оказывается женщинам с детьми или беременным женщинам. В таком случае, женщины, не имеющие детей, выпадают из поля зрения государственных социальных служб [22].

Под межсекторным (межсекторальным) взаимодействием мы понимаем установление отношений между организациями и учреждениями, относящимися к разным секторам экономики: государственному сектору, бизнес-сектору и третьему сектору (сектору некоммерческих организаций). Цели взаимодействия с теми или иным субъектами будут отличаться.

Рассмотрим цели взаимодействия на примере НКО. В данном случае целью взаимодействия с организациями третьего сектора будет являться обмен опытом и ресурсами; с государственными учреждениями и социальными службами — решение конкретных проблем благополучателей и обучение специалистов государственных органов; с бизнес-сектором — принятие спонсорской помощи. В рамках межсекторного взаимодействия государству будет полезным развитие сети кризисных центров и убежищ для жертв семейного насилия. Это могут быть как государственные учреждения, так и ответвления некоммерческих организаций. К процессу обучения сотрудников органов правопорядка и медицинского персонала должны быть привлечены НКО, заинтересованные в данном вопросе. Причем такое обучение не может носить формальный характер, а действительно должно быть полезным для помогающих специалистов и представителей юридических специальностей.

Важным субъектом социального партнерства в организации профилактической деятельности в сфере семейного насилия являются средства массовой информации. Именно они становятся информационными площадками для освещения профилактической деятельности государственных учреждений и/или НКО. Данный тезис подтверждается и мнением ученых. С. Н. Мальцева отмечает, что формирование культуры семейных отношений, нетерпимость и общественное порицание семейного насилия должны осуществлять именно СМИ [12].

В России наблюдается недостаток освещения проблемы семейного насилия, которое может выступать эффективным механизмом профилактики этого явления. Одним из инструментов *просветительской* рабо-

ты, противодействующей распространению домашнего насилия, может стать социальная реклама. Согласно Федеральному закону «О рекламе», социальная реклама – информация, распространенная любым способом, любыми средствами и методами, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к проблеме. Важным условием распространения такой рекламы – признание проблемы на государственном уровне, например, через появление профильного законодательного акта на территории государства. Социальная реклама позволяет привлечь внимание граждан к общественно важным проблемам и целям, обеспечить качественные изменения в кризисных сферах общественной жизни.

На государственном уровне требуется *пересмотр ряда нормативно-правовых актов* и их применения, в том числе, правоохранительными органами. Принятие профильного законодательного акта, например ранее предложенного проекта закона «О профилактике семейно-бытового насилия», позволил бы закрепить в нормативных актах термин «семейно-бытовое насилие», который бы стал основой для конкретизации преступления против близкого человека. В РФ предлагалось добавить квалифицирующий признак (отягчающее обстоятельство) преступления в ст. 116.1 УК РФ. Но в окончательной редакции этот признак не сохранился.

Вторым преимуществом принятия подобного закона является создание механизма профилактики дальнейшего совершения подобных преступлений через запрет сторонам конфликта вступать в контакт на определенное время. Также этот механизм можно было бы использовать в качестве новой меры пресечения в период рассмотрения уголовного или административного дела в суде. Такое защитное предписание минимизирует риск повторного совершения преступления в адрес жертвы и несовершеннолетних детей (если такие имеются) до вынесения приговора.

Стоит отметить, что предметом рассмотрения в уголовном судопроизводстве являются преступления, связанные с причинением не только физического насилия, но и психологического. Так, ст. 119 УК РФ предусматривает в качестве состава преступления угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью человека. Согласно судебной практике по Северо-Западному федеральному округу, данный состав преступления может быть как самостоятельным, так и совокупным с другими составами. За совершение преступного деяния по этой статье предусмотрен максимальный срок наказания в виде 2 лет лишения свободы или до 2 лет принудительных работ, либо ареста до 6 месяцев. В качестве приговора правоприменитель обязывает лицо, совершившее преступление, к наказанию в виде принудительных работ на срок от 100 до 300 часов в зависимости от обстоятельств дела. Например, в судебном деле № 1-9/2018, рассматриваемом мировым судьей Сысольского района судебного участка Республики Коми, было установлено, что жертву насилия умышленно душил муж, сопровождая угрозами убийства. Приняв во внимание добровольное признание вины, суд приговорил преступника к 160 часам принудительных работ [10]. Отметим, что во время совершения преступления он находился в состоянии алкогольного опьянения. Это обстоятельство объединяет в общий признак и прочие судебные дела по федеральному округу. При этом степень наказания

избирается незначительной, дальнейшей профилактики не проводится, что несет риск повторного совершения преступления. Добавление квалифицирующего признака «применение насилия в адрес близкого лица» позволит его снизить.

Работа с акторами насилия является достаточно инновационной практикой в сфере профилактики девиаций. В России этим занимаются несколько НКО в Москве и Санкт-Петербурге. Эти проекты помогают агрессорам, решившим отказаться от насилия, изменить свою жизнь и изжить насилие в себе. Такая форма работы носит перспективный характер, так как стремится изменить мировоззрение насильника, пересмотреть систему ценностей и раскрывает перед ним потенциал уважительного и бережного отношения к себе, жизни, женщине, семье [8]. Мы считаем, что государство должно поддерживать инициативы НКО, прилагать усилия для масштабирования практик на территории всей страны, а возможно и самостоятельно перенимать их для внедрения в государственных учреждениях.

Совокупность мероприятий, воздействующая комплексно на проблему домашнего насилия в отношении женщины, поможет укрепить ценности семьи, основанной на взаимном уважении, бережном отношении и любви. Это, в свою очередь, сформирует привлекательность семейного образа жизни и основы для трансляции семейных ценностей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 г. №1618-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420217344> (дата обращения: 10.11.2023).
3. Семейный кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/qcDRpNRKdqbkAX8mD0TP9z02hAhAJAT4.pdf> (дата обращения: 10.11.2023).
5. АНО Ресурсный центр «АННА». URL: <https://анорцанна.местныйресурс.рф> (дата обращения: 10.11.2023).
6. Бесчасная А. А. Детство и родительство в исследованиях ВЦИОМ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2021. №3 (63). С. 58–61.
7. Бесчасная А. А. Семья и детство: изменение традиций или традиция изменений? // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. №171. С. 147–153.
8. Бесчасная А. А. Ценность детско-родительских отношений в контексте ценности жизни // Ценности и смыслы. 2015. №3 (37). С. 121–129.
9. Глава «Кризисного центра» — о связи насилия, бодипозитива и локдауна. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/13/03/2021/60452d9d9a7947c763af88b3?ysclid=1s7u2vytfv232476660&from=copy (дата обращения: 10.11.2023).

10. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: bsr.sudrf.ru (дата обращения: 10.11.2023).

11. Консорциум женских неправительственных объединений. URL: <https://wcons.net/novosti/proekt-algoritm-sveta-pobedil-v-konkurse-nauchnyh-i-nauchno-populjarnyh-rabot-niu-vshje/?ysclid=lsei8rfw1a515960799> (дата обращения: 10.11.2023).

12. Мальцева С.Н. Актуальные проблемы профилактики семейного насилия // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 2: Юридические науки. 2018. №2 (15). С. 71–74.

13. Матвеева Е.В., Пинегина Н.М. Домашнее насилие: проблема, факторы его определяющие и последствия у женщин, жертв домашнего насилия // Научный альманах. 2021. №12-2 (86). С. 97–101.

14. Механизмы межведомственного взаимодействия и социального партнерства : монография // под ред. О.Г. Прохоровой, С.А. Анисимовой. М., 2018.

15. Насилие в отношении женщин. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> (дата обращения: 10.11.2023).

16. Приоритет социальной политики государства – забота о благополучии граждан. URL: <http://duma.gov.ru/news/57737/> (дата обращения: 10.11.2023).

17. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.11.2023).

18. Санкт-Петербургская Региональная Общественная Организация «ИНГО. Кризисный центр для женщин». URL: <https://crisiscenter.ru/about/> (дата обращения: 10.11.2023).

19. Семья как ценность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 10.11.2023).

20. Соляник В.В. Домашнее насилие в России: общая характеристика // The Scientific Heritage. 2021. №65-4 (65). С. 16–18.

21. Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в Российской Федерации. URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/napravleniya_deyatelnosti/mezhdunarodnaya_deyatelnost/vzaimodejstvie/uno/hro_commentary/Приложение2.pdf?ysclid=lsf5odpuzz570726399 (дата обращения: 10.11.2023).

22. Черникова Т.А., Шайдуклова Л.Д., Ямаева Е.В. Проблема социальной профилактики семейного насилия в современных условиях // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. №9 (99). С. 52–57.

23. Щербакова Е. Демографические итоги I полугодия 2022 года в России. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom05.php> (дата обращения: 10.11.2023).

Об авторах

Альбина Ахметовна Бесчасная – д-р социол. наук, доц., Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия.

E-mail: aabes@inbox.ru

Дарья Викторовна Протопопова – магистрант, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия.

E-mail: darya.pr.2000@gmail.com

Сергей Викторович Фокин — магистрант, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия.

E-mail: fokinkv5@mail.ru

A. A. Beschasnaya, D. V. Protopopova, S. V. Fokin

**DOMESTIC VIOLENCE AGAINST WOMEN:
FACTS, LAW, PREVENTION MEASURES**

North-West Institute of Management — branch of RANEPA, St. Petersburg, Russia

Received 20 May 2024

Accepted 13 June 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-2

30

To cite this article: Beschasnaya A. A., Protopopova D. V., Fokin S. V. 2024, Domestic violence against women: facts, law, prevention measures, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 19–30. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-2.

The paper presents an analysis of the issue of domestic violence against women in Russia over the past decade. Practices of domestic violence contradict the goals of state family policy aimed at strengthening family values, promoting the appeal of family life, discouraging youth from entering into marriage, and undermining their reproductive intentions. The authors approached the problem of domestic violence comprehensively, presenting relevant facts, conducting an in-depth analysis of legislative acts, regulatory documents, and their application in the context of preventing and eradicating domestic deviations. The primary research method was the secondary analysis of data from open sources and Rosstat statistics. The review resulted in proposals for implementing measures to prevent domestic violence. The main approach to working with victims of violence should be based on interagency cooperation, while preventive activities should focus on addressing the perpetrators of violence.

Keywords: family, traditional values, domestic violence, children, protection, interdepartmental interaction

The authors

Prof. Albina A. Beschasnaya, Associate Professor, North-West Institute of Management — branch of RANEPA, Russia.

E-mail: aabes@inbox.ru

Darya V. Protopopova, Master Student, North-West Institute of Management — branch of RANEPA, Russia.

E-mail: darya.pr.2000@gmail.com

Sergey V. Fokin, Master Student, North-West Institute of Management — branch of RANEPA, Russia.

E-mail: fokinkv5@mail.ru

Д. В. Бурин

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ
С ОРГАНАМИ МИЛИЦИИ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 09.04.2024 г.

Принята к публикации 13.06.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-3

Для цитирования: Бурин Д. В. Взаимодействие партийных органов с органами милиции в Калининградской области в послевоенный период // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 31 – 40. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-3.

Анализируется процесс взаимодействия органов милиции с партийными органами на территории Калининградской области в послевоенное время. Рассмотрен период с момента образования органов милиции на территории области в 1946 г. до завершения депортации немецкого населения в 1948 г. В работе в основном применяются общенаучные методы, такие как анализ, синтез и индукция. Актуальность статьи объясняется необходимостью изучения особенностей становления отечественной правоохранительной системы. Новизна исследования обусловлена тем, что данная проблема впервые рассмотрена на примере послевоенной Калининградской области. Также описывается процесс формирования партийных организаций на территории Калининградской области и способы влияния партийного руководства на органы милиции. Автор приходит к выводу о том, что сильное влияние партийного руководства обусловлено руководящей ролью партии в СССР.

Ключевые слова: МВД, КПСС, СССР, коммунистическая партия, правоохранительная деятельность, Калининградская область

Особую роль в развитии современного российского государства и права сыграли преобразования, которые проводились в советский период. Эти изменения также напрямую повлияли на формирование правоохранительной системы, в связи с чем, изучение того, как выстраивались отношения между органами правопорядка и партийным руководством, представляется актуальным.

Новизна данной статьи обусловлена тем, что тема взаимодействия партийных органов с органами милиции СССР впервые будет рассмотрена на примере Калининградской области. Ее становление происходило в особых условиях, которые не могли не отразиться на деятельности правоохранительной системы.

Проводя анализ этой проблемы необходимо учитывать роль, которую играла Коммунистическая партия в управлении государством, поскольку еще на этапе становления советской власти произошла «подмена советских органов партийными в деле практического осуществления государственного управления» [11, с. 19]. Таким образом, СССР с самого начала стал формироваться как «партия-государство» [11, с. 15]. Политбюро ЦК фактически руководило государственными структурами, не только определяло их стратегию, но и регламентировало повседневную работу [9, с. 18].

В 1919 г., оценивая процесс становления советской власти, Г. Е. Зиновьев заметил: «всем известно, ни для кого не тайна, что фактическим руководителем Советской власти в России является ЦК партии» [12, с. 36].

В дальнейшем главенство партийного руководства было закреплено в ст. 126 Конституции СССР 1936 г., которая определяла партию как «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» [10].

Правоохранительные органы не являлись исключением из общего правила, а поскольку их деятельность была крайне важна как для функционирования, так и для существования советского государства, партийное руководство обращало на их деятельность пристальное внимание.

В. В. Филатов указывает на то, что партийные органы постоянно вмешивались в правоприменительную практику и решение кадровых вопросов правоохранительных органов. «Не являясь конституционным органом власти, руководство коммунистической партии выносило решения, обязательные для государственных структур. Работники правоохранительных инстанций входили в номенклатуру партийных комитетов и обязаны были выполнять партийные постановления» [14, с. 49].

Н. А. Шабельникова отмечает, что органы милиции нередко «руководствовались не циркулярами и распоряжениями вышестоящих органов, а предписаниями партийных комитетов, формально исходившими от органов государственной власти» [15, с. 114]. По ее мнению, следование указаниям партийных органов означало, что органы, наделенные функциями охраны правопорядка, становились на путь его нарушения.

Но в послевоенные годы влияние партийных органов несколько ослабло. Так, И. В. Говоров отмечает, что «хотя руководители силовых структур в регионах регулярно отчитывались о деятельности правоохранительных органов в партийно-советских инстанциях, последние не обладали действенными рычагами влияния на них» [3, с. 392–393]. По мнению исследователя, подобная ситуация не устраивала партийные инстанции районного и областного звена. Усилившаяся в годы войны региональная номенклатура в послевоенное время предпринимала меры по усилению своего влияния на правоохранительные органы на местах.

Калининградская (Кёнигсбергская) область была основана в 1946 г. по решению Советского правительства. [6, л. 1]. Изначально функции милиции на ее территории осуществлялись оперативными группами МВД. Создание и развертывание служебно-оперативной деятельности милиции началось с 1 июля 1946 г., а свое функционирование органы милиции начали с сентября того же года [6, л. 1].

С учреждением органов милиции Калининградской области политчастью областного управления милиции (далее – ОУМ) начали создаваться первичные комсомольские организации. На 1 января 1947 г. было создано 8 первичных организаций, объединявших в своих рядах 57 членов ВЛКСМ. А по мере прибытия новых контингентов работников создавались первичные комсомольские организации периферийных органов милиции [6, л. 2].

По состоянию на 1 июля 1948 г. на территории Калининградской области по органам милиции имелось уже 28 первичных комсомольских организаций, в которых состояло 543 человека [6, л. 54].

Одной из основных задач комсомольских организаций помимо ведения агитационно-пропагандистской работы являлся подбор новых кадров в органы МВД, но из-за проблем, связанных с организационным периодом в работе и низкой квалификацией сотрудников, комсомольские организации не справились с ней должным образом.

Так, согласно докладу заместителя начальника по политчасти УМВД Калининградской области Канаева №3/10/0016 от 16 января 1948 г., комсомольские организации крайне слабо провели работу среди несоюзной молодежи, так как за 1947 г. в члены ВЛКСМ было принято всего 2 человека. Согласно материалам доклада, это объясняется тем, что Политчасть плохо справилась с партийно-политическим руководством организациями ВЛКСМ. Наиболее слабым звеном являлись подбор, воспитание и обучение руководящих комсомольских кадров [6, л. 16].

4 декабря 1947 г. был проведен первый Пленум Калининградского обкома ВКП(б) [7, л. 1]. Калининградский обком ВКП(б) оказывал влияние на органы милиции через политчасти ОУМ и созданные ими комсомольские организации.

Таким образом, партийное руководство постоянно стремилось к усилению своего влияния на органы милиции множеством способов. В первую очередь, партийные организации активно принимали в свои ряды сотрудников милиции. Это привело к тому, что значительная часть личного состава милиции области входила в партийную номенклатуру и, следовательно, была обязана выполнять указания партии. Так, на 1 июля 1948 г. 41,7 % сотрудников милиции Калининградской области состояли в партийных организациях [6, л. 54].

Кроме того, многие офицеры МВД «на местах постепенно включались в систему льгот и привилегий и “срачивались” с местной номенклатурой» [13, с. 1]. Важно понимать, что именно от партийных учреждений во многом зависело снабжение правоохранительных органов продовольствием и жильем. Попытки улучшения материально-бытового положения сотрудников милиции имели особое значение в условиях послевоенного восстановления области. Так, в докладе Управлению МВД Калининградской области начальника УМВД по Калининградской области Навалихина №3/1/10077 от 18 апреля 1947 г. отмечалось наличие нездоровых настроений среди личного состава из-за острого недостатка в продовольственном снабжении [5, л. 9 – 10]. Также был выявлен высокий процент нарушений служебной дисциплины, который объяснялся плохими бытовыми условиями и проблемами с денежным и продовольственным снабжением [5, л. 29].

Кроме того, тяжелой была ситуация с жилым фондом. Например, во 2-м квартале 1948 г. 30 % сотрудников Балтийского городского отделения МВД не имели квартир [6, л. 53].

Тяжелые бытовые условия, отсутствие должного денежного и продовольственного обеспечения привели к кадровому голоду в органах МВД, а также сказывались на состоянии служебной дисциплины, поскольку многие сотрудники были в большей мере озабочены решением своих личных проблем и нередко шли на нарушение должностных инструкций. Среди сотрудников нередко были случаи злоупотребления служебными полномочиями, взяточничества, пьянства на рабочем месте.

В связи с этим райкомы Калининграда уделяли большое внимание улучшению материально-бытовых условий личного состава органов милиции [5, л. 58], созданию базы дополнительных источников их снабжения [5, л. 55]. Например, в 1947 г. Сталинградским райкомом была оказана помощь личному составу 7-го городского отделения милиции (далее – ГОМ) в обеспечении жилплощадью и промтоварами [5, л. 57].

Однако партийные органы не всегда могли помочь органам милиции. Так, во 2-м квартале 1948 г. Управление МВД Калининградской области выдвинуло вопрос перед городским комитетом партии об обеспечении сотрудников милиции жилой площадью, но ввиду острого недостатка жилого фонда данный вопрос не был вовремя разрешен [6, л. 68].

Помимо этого, партийные организации уделяли пристальное внимание повышению дисциплины личного состава органов милиции. Одной из главных задач политчасти и первичных партийных организаций на этапе становления органов МВД Калининградской (Кёнигсбергской) области было развертывание воспитательной работы. Ее политчасть и партийные организации проводили в условиях отсутствия руководящих партийных и комсомольских органов, которые начали создаваться в Калининградской области только в мае 1947 г., что отрицательным образом сказалось на общем уровне работы комсомольских организаций [6, л. 2].

Например, в докладе УМВД по Калининградской области от 6 февраля 1948 г. №3/10/0016 упоминается о многочисленных нарушениях дисциплины среди работников милиции, наличие которых объясняется недостатками в работе первичных комсомольских организаций. Во-первых, обсуждение служебных проступков происходило с большим опозданием, в результате чего комсомольские взыскания теряли свою воспитательную силу. Во-вторых, комсомольские организации уделяли мало внимания воспитательной работе с комсомольцами, в результате чего такие нарушения, как злоупотребление служебными полномочиями, взяточничество, пьянство очень часто совершались офицерами-комсомольцами. К числу таких организаций относились организации Полеского, Приморского районного отделения милиции МВД и Черняховского городского отделения МВД [6, л. 10].

Обычным явлением для органов милиции СССР были партийные собрания, на которых коммунисты «вскрывали недостатки в работе милиции, ее парторганизации, вносили предложения по улучшению их организационной, воспитательной работы» [8, с. 72]. Поэтому, когда состояние внутривнутрипартийной работы в ряде партийных организаций нала-

дилось, стали регулярно проводиться партийные собрания, на которых обсуждались вопросы служебной дисциплины и практической работы коммунистов. Согласно докладу Управления МВД 1948 г., служебно-оперативная работа и дисциплина труда в тот период изменились в лучшую сторону [6, л. 34].

На 1 января 1948 г. в организациях ВЛКСМ Калининградской области состояло 24 человека. Все секретари комсомольских организаций регулярно занимались в системе постояннодействующих семинаров и политкружков при горкомах и райкомах. В целях улучшения работы комсомольских организаций в сентябре 1947 г. был проведен областной семинар, на котором изучались вопросы укрепления дисциплины, роли комсомольцев в служебно-оперативной деятельности, ведения хозяйства первичной организаций ВЛКСМ и др. [6, л. 12–13].

Во 2-м квартале 1948 г. партийные и комсомольские организации провели большую работу по улучшению материально-бытового положения сотрудников, что, в свою очередь, привело к существенному снижению нарушений дисциплины труда, а также правонарушений среди сотрудников органов МВД [6, л. 50].

Важнейшей задачей партийных организаций также было ведение агитационно-пропагандистской работы среди личного состава органов милиции. Она проводилась в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О недостатках и мерах улучшения организации с агитаторами в Сталинградской партийной организации» и Директивой Политотдела ГУМ МВД от 30 декабря 1947 г. №6/Е/1755. На этом основании личному составу милиции направлялись разъяснения решений партии и правительства, приказов и директив МВД СССР [4, л. 62].

В целях сближения партийного руководства с органами милиции и оказания постоянной помощи начальникам отделов ОУМ в каждом отделе были организованы партийные группы. По состоянию на 1 января 1947 г. при ОУМ было создано 7 таких групп, которые занимались проведением собраний коммунистов, мобилизуя последних на быстрое выполнение заданий командования [4, л. 43].

Также в первом полугодии 1947 г. Политчастью Областного Управления милиции в 1946 г. было разослано 16 письменных директив и указаний, в том числе по борьбе с нарушением революционной законности, о недостатках партийно-политической работы, о борьбе с уголовной преступностью, о задачах коммунистов, о задачах работников милиции в связи с постановлением Совета Министров от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельско-хозяйственной артели в колхозах», о политико-воспитательной работе с рядовым и сержантским составом органов милиции и др. [4, л. 70].

В добавок к этому в органах милиции регулярно проходили занятия по изучению коммунистической идеологии. Для их проведения партийные организации выделяли самых опытных пропагандистов.

Все органы и подразделения милиции занимались по программе политотдела главного управления милиции (далее – ГУМ) СССР. В 1-м квартале 1948 г. партийные организации стали больше заниматься

вопросами марксистско-ленинской подготовки и политических занятий. Был усилен партийный контроль посещаемости и самостоятельной подготовки слушателей к занятиям [6, л. 32].

Таким образом, даже беспартийные сотрудники были обязаны посещать данные занятия. А с 1 мая по 1 июля 1948 г. политчастью и руководящим составом Управления милиции была проведена проверка усвоения сотрудниками материала по «Краткому курсу истории ВКП(б)», которая показала, что состав Управления милиции «посредственно» отнесся к изучению материала [6, л. 61].

Необходимо отметить, что органы милиции в СССР осуществляли свою деятельность под контролем партийного руководства и регулярно отчитывались перед ним о проделанной работе. Например, по итогам работы во 2-м полугодии 1947 г. было проведено Областное совещание начальников милиции, их заместителей и секретарей первичных организаций по таким вопросам итогов оперативной работы во 2-м полугодии 1947 г. и работы с кадрами [4, л. 74].

Согласно докладу Управления МВД 1948 г., органы милиции тесно сотрудничали с партийными органами, постоянно информировали их по вопросам уровня уголовной преступности в области, политико-морального состояния личного состава органов милиции и партийно-политической работы [6, л. 39]. Начальники и секретари первичных партийных организаций часто приглашались для участия в заседаниях бюро райисполкомов по вопросам работы органов милиции [5, л. 57].

На бюро районных комитетов партии Гвардейского и Полесского районов были заслушаны доклады начальников райотделов милиции об охране социалистической законности. На основе докладов было принято решение об оказании практической помощи органам милиции [5, л. 76].

В целях повышения качества работы Политчастью ОУМ была разработана директива «О состоянии и мерах улучшения работы комсомольских организаций, органов и подразделений милиции» с указанием в ней конкретных практических мероприятий по устранению недостатков [6, л. 16].

Партийное руководство часто проводило проверки в органах милиции, по результатам которых, сотрудники, уличенные в тех или иных нарушениях и не прошедшие проверку, могли быть уволены. Так, в 4-м квартале 1948 г. областной комитет ВКП(б) вынес решение о проверке работы органов милиции, результаты которой были заслушаны на заседании Бюро Обкома ВКП(б) [6, л. 151].

В результате проведенных во 2-м полугодии 1947 г. проверок было выявлено, что ряд начальников городских и районных отделов милиции неудовлетворительно относился к организации мероприятий по политическому воспитанию личного состава. На основании этих проверок были освобождены от занимаемых должностей начальники Гурьевского, Краснознаменского РО МВД и Балтийского ГОМ, а начальники остальных отделений МВД были предупреждены, что за безответственное отношение к ним будут применены строгие меры взыскания. В целях повышения эффективности партийно-политической работы был проведен трехдневный семинар секретарей партийных организаций [5, л. 33].

Также органы милиции и партийные органы помогали друг другу в работе. Например, органы милиции Калининградской области оказали большое содействие партийным организациям по приему и размещению переселенцев-колхозников, обеспечивая охрану имущества и личную безопасность в момент перевозки и размещения. В свою очередь партийные организации помогли органам милиции в переселении немецкого населения с территории Калининградской области в советскую зону оккупации Германии [6, л. 39]. Согласно докладу Управления МВД за 3-й квартал 1948 г., органы милиции Калининградской области провели большую работу и успешно справились с этой задачей. К 31-й годовщине Великой Октябрьской Революции планировалось «полностью очистить Калининградскую область от немцев». В этих целях аппаратом политчасти через первичные партийные организации была проведена большая политически-воспитательная работа с личным составом милиции. В период подготовки к проводимой операции руководством ОУМ было созвано специальное совещание начальников органов, а затем на местах были проведены общие партийные собрания [6, л. 75].

В 4-м квартале 1948 г. органы милиции оказали большую помощь партийным и советским органам в период проведения выборов. Часть работников милиции, состоявших в комсомольских органах, выполняли работу агитаторов. Также сотрудники милиции обеспечивали охрану избирательных участков [5, л. 151].

Управление МВД обратилось к партийным органам с просьбой решить такие вопросы, как усиление контроля торговой сети, направленного на борьбу с растратой и расхищением государственной собственности и усиление борьбы с нарушителями паспортного контроля. В ответ на эту просьбу партийно-советскими органами был проведен ряд проверок в торговой сети, а в отдельных городах области пересмотрены и заменены не внушающие доверия кадры. Также бюро Калининградского ГК ВКП(б) дважды обсуждало вопрос о состоянии торговли [6, л. 68].

В связи с необходимостью восстановления общественного порядка в западных областях СССР в послевоенный период активно применялась такая форма привлечения общественности, как группы самоохранны или бригады содействия милиции. Для этих целей партийные и советские органы повсеместно выделяли на работу в милицию коммунистов и комсомольцев [2, с. 79]. Например, Ленинградские и Московские райкомы партии Калининграда принимали активное участие в организации бригад содействия милиции [5, л. 57].

Во 2-м квартале 1948 г. руководящим составом милиции и партийными органами была проведена совместная работа по мобилизации трудящихся области, по усилению борьбы с преступностью и охраны общественного порядка путем постановки докладов и проведения бесед на собраниях рабочих, служащих и колхозников [6, л. 69].

Одной из проблем, затронувших весь СССР в послевоенные годы, была детская беспризорность. Для принятия эффективных мер в этом направлении часто привлекались партийные, комсомольские и общественные организации [1, с. 130]. Так, с получением директивы Политотдела ГУ МВД СССР №6/Е/786 от 2 июля 1947 г. «Об усилении борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью» политчастью ОУМ

29 июля 1947 г. были разработаны и переданы соответствующие указания в периферийные партийные органы. Согласно докладу управления МВД по Калининградской области от 6 февраля 1948 г. №3/10/0016, отдельные комсомольские организации провели значительную работу по определению и изъятию беспризорных детей [6, л. 4].

Таким образом, сильное влияние партийных органов на деятельность органов милиции в Калининградской области было неизбежным вследствие доминирующей роли партии в управлении государством. Более того, в послевоенный период значительная часть личного состава милиции Калининградской области состояла в партийных организациях и, следовательно, должна была выполнять указания партии, что означало не только тесное сотрудничество партийных органов с органами милиции, но и их сращивание. В результате партийные органы контролировали работу органов милиции, вели пропагандистскую и воспитательную работу среди сотрудников милиции, проводили соответствующие проверки, давали указания органам милиции по улучшению их деятельности и могли влиять на решение кадровых вопросов.

Список литературы

1. Бурчак В. Я. Роль милиции Кемеровской области в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью (1943 – 1953 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета: Журнал теоретических и прикладных исследований. 2015. Т. 3, №1 (61). С. 127 – 131.
2. Беркутов А. С. Охрана общественного порядка наружной службой милиции в СССР в первые послевоенные годы (1945 – 1949) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Общественные науки. 2022. №1 (846). С. 74 – 82.
3. Говоров И. В. Государство и преступность в Советской России 1945 – 1953 гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004.
4. Государственный архив Калининградской области. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1.
5. Государственный архив Калининградской области. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2.
6. Государственный архив Калининградской области. Ф. 407. Оп. 1. Д. 3.
7. Государственный архив Калининградской области. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5.
8. Иванов В. А. Партийная жизнь в милицеских парторганизациях Марийской АССР в послевоенные годы (1945 – 1953 гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. 2015. №3. С. 70 – 75.
9. Камалова Г. Т. Советская модель правоохранительной системы: теоретический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2014. №2. С. 16 – 21.
10. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года).
11. Лившин А. Я. Коммунистическая партия в системе власти в СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. №3. С. 13 – 35.

12. Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). 1-е изд. М., 2018.

13. Упоров И. В. Взаимодействие органов внутренних дел с партийными структурами и кадровая проблема милиции в СССР в послевоенные годы // Концепт. 2018. №10. С. 169–175.

14. Филатов В. В. Правоохранительные органы и партийные комитеты уральского региона: история взаимоотношений в конце 1920-х — начале 1930-х годов // Право и государство: теория и практика. 2019. №9 (177). С. 47–49.

15. Шабельникова Н. А. Деятельность органов милиции в системе исполнительной власти советского государства в 1917–1930 гг.: организационные и правовые основы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. №1 (27). С. 110–116.

Об авторе

Денис Владиславович Бурин — аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: denisburin777@gmail.com

D. V. Burin

INTERACTION BETWEEN PARTY BODIES AND POLICE IN THE KALININGRAD REGION IN THE POST-WAR PERIOD

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Received 9 April 2024

Accepted 13 June 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-3

To cite this article: Burin D. V. 2024, Interaction between party bodies and police in the Kaliningrad region in the post-war period, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 31–40. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-3.

The article analyzes the process of interaction between the militia and party administration in the Kaliningrad region during the post-war period. The study covers the time from the establishment of militia authorities in the region in 1946 to the completion of the deportation of the German population in 1948. The research primarily employs general scientific methods, such as analysis, synthesis, and induction. The relevance of the article is due to the need to study the specific features of the formation of the domestic law enforcement system. The novelty of the research lies in the fact that this issue is examined for the first time in the context of the post-war Kaliningrad region. The article also describes the process of forming party organizations in the Kaliningrad region and the ways in which party leadership influenced the militia. The author concludes that the strong influence of party leadership was due to the party's leading role in the USSR.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, CPSU, USSR, communist party, related activities, Kaliningrad region

The author

Denis V. Burin, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: denisburin777@gmail.com

Э. Б. Зальцман^{1,2}, Ю. В. Королёва², А. А. Стрелковский³

ОСОБЕННОСТИ КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА
С ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА
ПРИБРЕЖНОЕ И УШАКОВО-3

¹ Институт археологии РАН, Россия; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

³ Институт археологии РАН, Россия

Поступила в редакцию 30.06.2024 г.

Принята к публикации 12.07.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-4

Для цитирования: Зальцман Э. Б., Королёва Ю. В., Стрелковский А. А. Особенности керамического производства с поселений эпохи неолита Прибрежное и Ушаково-3 // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 41–55. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-4.

Представлены результаты междисциплинарного исследования керамики из неолитических поселений Прибрежное и Ушаково-3, являющихся древнейшими среди поселенческих комплексов приморской культуры шнуровой керамики. Методом рентгено-флуоресцентной спектроскопии изучена керамика, принадлежащая различным этапам существования приморской культуры, а также культуры воронковидных кубков, сезонные поселения которой размещались в предшествующий период приблизительно на тех же участках. Главными целями являлись выяснение особенностей и общих черт керамического производства указанных неолитических поселений, определение месторасположения основных центров источников сырья. Была установлена существенная разница по микроэлементному составу между изделиями культур шнуровой керамики и воронковидных кубков. Кроме того, выяснилось, что посуда культуры воронковидных кубков в большинстве случаев была изготовлена из глин не местных по происхождению. Следовательно, значительная часть керамики могла быть принесена с собой, что, видимо, связано с сезонным характером поселений и спецификой занятий переселенцев. Напротив, результаты исследований фрагментов посуды приморской культуры двух поселений выявили очевидное родство, что связано с использованием одних и тех же источников глин. Однако в Ушаково-3 предпочтение в большей степени могло отдаваться глинам с месторождений, хотя и находящимся рядом, но имеющих локальные отличия в микроэлементном составе, что сказалось на технологических характеристиках керамики. При этом выявляются редкие случаи присутствия инородной керамики, демонстрирующие существование неких внешних связей. Таким образом, итоги междисциплинарных исследований, дающие, порой, совершенно неожиданные и од-

новременно важные результаты, получить которые традиционными методами затруднительно или даже невозможно, указывают на очевидный потенциал, который необходимо использовать и в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: керамика, сырьевые источники, приморская культура, культура воронковидных кубков, метод рентгено-флуоресцентной спектрометрии

Вступление

В начале III тыс. до н. э. на побережье Вислинского залива распространяется новое население, заложившее основы приморского / жуцевского образования, относящегося к кругу культур шнуровой керамики. В дальнейшем их поселения распространяются вдоль побережья Гданьского и Куршского заливов. Пока наиболее ранними среди них считаются Прибрежное и Ушаково-3, расположенные непосредственно вблизи одного из береговых уступов.

В Прибрежном сохранились остатки 9 жилых сооружений удлиненной формы, представляющих собой долговременные стационарные постройки полуподземного типа в среднем длиной 13–17 м, заглубленные в материк до 0,40–0,60 м. Постройка 7 имела особенно крупные размеры и достигала в длину 35 м [2, с. 30–31]. Наиболее точные радиоуглеродные определения, полученные по скорлупе ореха и углю, датируют сооружение в интервале 3050–2900 Cal BC [4, с. 93]. Находки большого количества посуды, орнаментированной шнуром (около 60%), судя по всему, указывают на более узкий диапазон 2950–2900 Cal BC.

В этих постройках содержалось значительное количество археологического материала, но преобладали многочисленные изделия из керамики. Она сохранилась не только во фрагментированном состоянии — были выявлены экземпляры и с полным профилем. Посуда отличается хорошим качеством обжига, в керамической массе преобладает примесь мелкого толченого кварца и слюды. Размер включений колеблется от 0,05 до 0,2 см, минеральная примесь обычно слабо заметна на поверхности сосудов, а внешняя поверхность хорошо обработана и заглажена. По форме посуда подразделяется на 8 типов, включая амфоры, кубки и миски, но превалировали разнообразные варианты широкогорлых горшков [2, с. 50].

Поселение Ушаково-3 было основано на 6,1 км юго-западнее Прибрежного. Оно возникло, судя по последним данным радиоуглеродного анализа, несколько позже — в промежутке 2850–2750 Cal BC. К сожалению, культурный слой под воздействием родниковых потоков был смыт на более нижнюю террасу, но отлагался он относительно равномерно, хотя зафиксированы и исключения. Причем потоки воды пробили в грунте два канала, культурная принадлежность керамики из которых различалась.

Уголь и древесные остатки удалось датировать с горизонтов 4, 7, 9–19. Как выяснилось, керамические материалы культуры шнуровой керамики (далее — КШК) с данного поселения относились, в основном, к двум периодам: раннему (первые столетия III тыс. до н. э.) и посткласическому (последняя четверть III тыс. до н. э.) — что показал и типологический анализ. Технологически керамика также несколько различа-

лась. Степень обжига, структура и примеси в керамической массе имели различный характер, в зависимости от периода, к которому относилась керамика. Посуда раннего этапа имела лучший обжиг, более высокую плотность, в керамической массе содержался дробленый кварц [2, с. 75].

В южной части раскопа зафиксировано скопление керамики иного облика. Формы сосудов, орнаментация и технология изготовления обладали совершенно другими характеристиками, чем посуда КШК [3; 7]. Аналогичная керамика известна только в культуре воронковидных кубков (далее – КВК), ближайшие поселенческие центры которой находятся на территории Польши [6].

Предположительно, до прибытия в этот район переселенцев КШК здесь уже проживали группы населения КВК, что доказывают и результаты радиоуглеродного анализа. Помимо стоянки КВК в Ушаково-3 на западной окраине поселения Прибрежное также были выявлены следы, как минимум, двух столбовых построек с материалами КВК [4, с. 47]. Но конструкция у этих сооружений была наземного типа, следовательно, и здесь незадолго до появления новых сообществ проживала община КВК. Существование стоянок определяется в пределах 4500–3000/2900 Cal BC [4, с. 48–49]. Как показывают результаты остеологического анализа со стоянки КВК в Жуцево с побережья Гданьского залива, где основной культурный слой также относился к КВК, важными занятиями населения были рыболовство и охота на морского зверя при параллельном существовании скотоводства и земледелия [5, с. 87].

Главными технологическими особенностями керамики местной КВК являлось наличие в керамической массе шамота совместно с незначительной примесью песка. Часть керамики характеризовалась исключительно примесью шамота. Однако традиция использовать в качестве примеси дробленый кварц также была известна, хотя подобного рода изделия встречались реже.

Настоящая работа проводилась с опорой на физико-химические методы исследования с целью выяснения особенностей и общих черт керамического производства с указанных неолитических поселений, определения месторасположения основных центров источников сырья.

Рентгено-флуоресцентная спектроскопия дает возможность идентифицировать количественный микроэлементный состав главных составляющих керамики и глинистых отложений с дальнейшим сопоставлением показателей. Анализ образцов выполнен в лаборатории Высшей школы живых систем образовательного научного кластера «Медбио» с использованием волнодисперсионного рентген-флуоресцентного спектрометра Спектроскан – Макс G. Образцы сканировали в нативном виде, без деструкции, а также в виде прессованных таблеток – излучателей, изготовленных из перетертого материала керамики на подложке из борной кислоты. Интенсивность флуоресценции измеряли по методике, разработанной производителем оборудования для элементного анализа почв и донных отложений (M-049-П/16).

Химический состав керамики определяется содержанием микро- и макроэлементов в осадочных породах. Главные оксиды и элементы в породах характеризуются кларками, под которым понимают среднее содержание элемента в земной коре. В настоящем исследовании набор определяемых

элементов и их оксидов ограничен техническими характеристиками оборудования (рабочий диапазон длин волн от 798 мÅ до 3334 мÅ, спектрометрическая камера без вакуумирования). По количеству главных оксидов и микроэлементов можно предположить, какие компоненты преобладают в исследуемом материале — керамике. Среднее содержание оксида титана в глинах, песчанике и известняке составляет соответственно 0,65; 0,25; 0,06 %; оксида железа (III) — 4,02; 1,07; 0,54 % [1].

Состав глин variabelен в зависимости от типа слагающих минералов (каолин, монтмориллонит, гидрослюда), в которых содержание оксида титана может приближаться к 2 %. Такая же изменчивость наблюдается и у оксида железа — от 1 (каолиновые) до 8 % (гидрослюдистые). Оксид марганца встречается только в гидрослюдистых глинах.

Элементный состав керамики зависит не только от глинистого сырья, но и от добавок: песка, почвы, органических материалов. Содержание элементов может изменяться за счет своеобразного «разбавления» исходной глины другими материалами, а также за счет внесения примесей «новых компонентов» нехарактерных для глинистого сырья. Содержание микроэлементов в песчанике и карбонатных породах в основном в несколько раз ниже, чем в глинах. Таким образом, при добавлении этих компонентов содержание этих элементов в керамике будет меньше, чем в исходном глинистом сырье. Исключение составляет свинцовая примесь — в глинистом сырье этого элемента меньше, чем в песчанике. Не исключено, что уровень свинца в керамике будет выше, чем в исходном материале. Органические добавки также могут обогатить глину такими элементами как железо, марганец, цинк, стронций, которые являются макрокомпонентами растений. Поэтому, если в образце содержание перечисленных элементов выше, чем в глинистом сырье, вероятно образец керамики содержит много органических остатков.

Всего было отобрано 79 образцов керамики, в том числе 20 фрагментов с минеральной примесью с нижнего уровня заполнения котлована постройки 7, 10 фрагментов с минеральной примесью с верхнего уровня культурного слоя поселения Ушаково-3, 21 фрагмент посуды с минеральной примесью с нижнего уровня культурного слоя того же поселения, 14 фрагментов с преобладанием примеси шамота из Прибрежного, также 14 фрагментов с аналогичной примесью из Ушаково-3 (табл. 1–5).

Таблица 1

Результаты РФ-анализа содержания микроэлементов и оксидов в образцах керамики приморской культуры (поселение Прибрежное, постройка 7)

№ п/п	Sr, мг/кг	Pb, мг/кг	As, мг/кг	Zn, мг/кг	Cu, мг/кг	Ni, мг/кг	Co, мг/кг	Fe ₂ O ₃ %	MnO, мг/кг	Cr, мг/кг	V, мг/кг	TiO ₂ %
1	213	25	8	136	55	47	31	11,38	1944	142	84	1,504
2	157	19	6	101	72	40	9	5,17	613	109	97	0,582
3	203	24	5	171	41	34	25	7,33	2799	108	120	0,927
4	85	32	5	119	40	31	10	5,93	596	106	53	0,67
5	198	21	8	133	54	42	18	6,25	908	134	105	0,375
6	101	22	4	132	63	43	16	6,03	1244	115	95	0,485

№ п/п	Sr, мг/ кг	Pb, мг/ кг	As, мг/ кг	Zn, мг/ кг	Cu, мг/ кг	Ni, мг/ кг	Co, мг/ кг	Fe ₂ O ₃ %	MnO, мг/ кг	Cr, мг/ кг	V, мг/ кг	TiO ₂ %
7	215	23	3	112	24	36	16	5,29	1148	87	71	0,421
8	171	12	9	134	110	35	26	9,48	757	136	78	1,371
9	284	28	4	121	46	42	17	5,13	1265	105	97	0,379
10	205	14	5	101	54	37	23	6,52	1166	115	103	0,62
11	149	28	4	127	68	39	16	5,47	1079	110	92	0,484
12	113	23	5	127	51	48	13	4,91	816	113	78	0,29
13	107	19	5	107	66	32	6	4,95	736	114	99	0,484
14	99	13	7	112	75	49	17	5,1	996	118	106	0,31
15	220	17	8	107	40	31	20	8,5	780	118	139	1,69
16	170	20	6	161	67	51	16	5,13	100	137	107	0,243
17	126	20	7	125	39	51	18	8,84	1633	138	85	0,821
18	102	18	10	110	100	53	20	5,49	1172	128	98	0,211
19	197	30	9	184	111	54	19	6,38	679	161	164	0,5
20	159	23	4	112	66	38	12	5,3	647	99	82	0,589

Таблица 2

Результаты РФ-анализа содержания микроэлементов и оксидов
в образцах керамики приморской культуры (поселение Ушаково-3,
верхний уровень культурного слоя, горизонты 5, 9, 10)

№ п/п	Sr, мг/ кг	Pb, мг/ кг	As, мг/ кг	Zn, мг/ кг	Cu, мг/ кг	Ni, мг/ кг	Co, мг/ кг	Fe ₂ O ₃ %	MnO, мг/ кг	Cr, мг/ кг	V, мг/ кг	TiO ₂ %
1	202	18	19	78	21	48	3	3,17	204	105	129	1,235
2	156	26	13	95	28	48	21	6,54	202	139	133	1,16
3	183	6	12	156	31	64	20	3,8	202	141	176	1,576
4	135	14	7	116	нпко	60	16	6,41	407	131	151	1,254
5	265,25	24,25	10	134	55,5	55	4,7	6,9525	433,25	149	143,5	0,8658
6	171,4	17,4	10,2	92,2	27,25	32,6	2	8,544	301,2	120	87	0,4494
7	124,7	19	9,7	124	64,5	58,3	16	5,44	306,7	130	142	0,5073
8	168,2	20,2	6,2	145,8	28,75	40,6	8	5,036	358,4	111,4	106	0,9964
9	160,5	28,75	8,25	100,5	72,5	40,25	9,7	5,015	153	107,7	119	1,0617
10	184,8	21,4	7,2	88,2	46,25	35,2	9,25	4,062	220,8	113,2	102,6	1,3484

Таблица 3

Результаты РФ-анализа содержания микроэлементов и оксидов в образцах
керамики приморской культуры (поселение Ушаково-3,
нижний уровень культурного слоя, горизонты 17–19)

№ п/п	Sr, мг/ кг	Pb, мг/ кг	As, мг/ кг	Zn, мг/ кг	Cu, мг/ кг	Ni, мг/ кг	Co, мг/ кг	Fe ₂ O ₃ %	MnO, мг/ кг	Cr, мг/ кг	V, мг/ кг	TiO ₂ %
1	185	23	10,33	85,3	67	55,3	9	3,39	246,7	119,3	143,3	1,3627
2	169	18,67	7	85,3	68	45	8,5	4,2	182	101	115,333	0,9077
3	112,4	23,8	8,8	84,6	8,25	33,8	1,25	6,674	327,2	112	110	0,8406
4	131,8	25,2	7,6	72,4	48,75	40,8	8,5	4,576	261	106,8	117,2	1,028
5	156	22,8	7,6	71,8	37,5	34	8,25	3,266	223,8	100,2	105,4	1,2168
6	160,5	28,75	8,25	100,5	72,5	40,25	9,67	5,015	153	107,7	119	1,0617
7	194,8	27	8	106,4	81	56,4	9	5,014	308,4	101,2	113,6	0,9598

№ п/п	Sr, мг/ кг	Pb, мг/ кг	As, мг/ кг	Zn, мг/ кг	Cu, мг/ кг	Ni, мг/ кг	Co, мг/ кг	Fe ₂ O ₃ %	MnO, мг/ кг	Cr, мг/ кг	V, мг/ кг	TiO ₂ %
8	127,4	30,8	10	115	79,75	61	14	5,78	260,8	123,2	144,8	1,1586
9	202	14	13	170	40	36	9	3,09	290	99	98	1,111
10	218	23	10	249	2	70	19	8,26	412	165	160	1,331
11	179	33	17	81	нпко	36	8	3,8	260	84	113	0,987
12	163,5	27	5,5	53,5	нпко	24	1,5	3,665	283	85,5	82,5	1,078
13	71,3	25,3	6,67	82,3	нпко	26,3	1,33	5,02	236,7	92,7	81,3	0,5713
14	124,5	30,5	6,5	87	82,5	40	4	4,52	230	96	101,5	0,675
15	103	17,5	7,5	81	52	45	7,5	4,855	215,5	108	109,5	1,1975
16	143	24	7	204,5	51,5	30	9,5	4,23	274,5	105,5	76,5	1,328
17	233	37,5	6	95	нпко	42	15	6,615	234	116,5	101,5	1,7655
18	140,5	27	7,5	100	46	30	9	6,91	311,5	104	86	0,99
19	143	24,5	6	89,5	нпко	25,5	13	6,86	212	108	95,5	1,6365
20	194	26	6,67	248,7	нпко	43,7	16,3	3,77	255	119	103,7	1,4573
21	149,5	18,5	5	63	нпко	24	2,5	3,4	286,5	76,5	83,5	0,834

Таблица 4

Результаты РФ-анализа содержания микроэлементов и оксидов
в образцах посуды с преобладанием шамота
в керамической массе с поселения Прибрежное

№ п/п	Sr, мг/ кг	Pb, мг/ кг	As, мг/ кг	Zn, мг/ кг	Cu, мг/ кг	Ni, мг/ кг	Co, мг/ кг	Fe ₂ O ₃ %	MnO, мг/ кг	Cr, мг/ кг	V, мг/ кг	TiO ₂ %
1	122	27	6	177	44	73	24	8,16	641	164	149	1,406
2	68	32	6	224	33	67,5	14	4,485	951	178	110	0,05
3	65	26,5	5	155,5	30,975	74	14,5	3,505	755	180	99	0,05
4	122	29	5	128	71	57	32	9,72	1196	155	131	1,574
5	77	26	6	234	53	67	12	4,77	635	144	136	0,222
6	209	43	6	158	91	67	39	12,33	1446	178	149	2,003
7	142	34	7	199	102	80	37	8,33	2161	208	129	0,824
8	111	31	7	171	53	72	36	8,17	2021	190	182	1,452
9	80	24	5	102	7,975	55	5,5	7,01	810,5	151,5	158,5	0,525
10	124	27	7	131	38	65	31	9,25	1437	178	137	1,239
11	57	22	3,5	74	10,975	20,5	1,5	5,595	567,5	96,5	44,5	0,818
12	99,5	22	12,5	126,5	33,5	80,5	13	11,01	1215	189	162	1,39
13	102	25,5	13	95,95	42,5	75	11,5	10,54	984	175,5	158	1,21
14	87	29	9	112,5	22,5	55,5	9,5	7,84	1669,5	122,5	134,5	1,04

Таблица 5

Результаты РФ-анализа содержания микроэлементов и оксидов
в образцах посуды с преобладанием шамота
в керамической массе с поселения Ушаково-3

№ п/п	Sr, мг/ кг	Pb, мг/ кг	As, мг/ кг	Zn, мг/ кг	Cu, мг/ кг	Ni, мг/ кг	Co, мг/ кг	Fe ₂ O ₃ %	MnO, мг/ кг	Cr, мг/ кг	V, мг/ кг	TiO ₂ %
1	190	23	10	190,5	52,5	55	16,5	6,025	201	157	104,5	1,3745
2	111,5	22,5	5,5	143,5	71,5	59	18	6,355	262	133	130	0,6115
3	253,5	30,5	9,5	140	92	69	25,5	5,58	281,5	169,5	183	2,2255
4	138,5	14	4,5	92,5	88,5	41,5	9,5	3,985	215,5	117,5	108,5	1,311
5	131,5	16	6,5	128	15,5	49,5	4	5,275	231	105,5	110,5	0,8515

№ п/п	Sr, мг/кг	Pb, мг/кг	As, мг/кг	Zn, мг/кг	Cu, мг/кг	Ni, мг/кг	Co, мг/кг	Fe ₂ O ₃ %	MnO, мг/кг	Cr, мг/кг	V, мг/кг	TiO ₂ %
6	127,5	29	6	141,5	71,5	57,5	19	5,82	248	123	132	1,1815
7	134	23,5	6,5	96	98,5	53	11,5	3,845	172,5	108	108,5	1,1985
8	132,5	23	4,5	108,5	51,5	45,5	12	4,89	219	114,5	103	1,056
9	128	24,5	4	103,5	94,5	42,5	11,5	4,15	190	96,5	81,5	1,0095
10	216,5	34,5	9	163	50,5	65,5	15	6,465	267	147	140,5	1,7645
11	158,5	18,5	5	72,5	64,5	33	7	2,56	178	92	77	1,234
12	208	22,5	17,5	121	55	66,5	14	4,41	263,5	161	210,5	1,7
13	178	23,5	15,5	114,5	46,5	63	10	4,21	252	151,5	199,5	1,54
14	173,5	30	13	84,5	72,5	66	11	2,77	205,5	131	174,5	1,37

Общепринятым считается, что древние гончары старались эксплуатировать участки месторождений глины, расположенные по соседству с поселениями. Соответственно, отбор образцов местных глин осуществлялся на месторождениях вблизи указанных археологических памятников (рис.). Образцы для керамики с поселения Ушаково-3 отбирались в первом случае всего в 180 м юго-восточнее памятника, где в настоящее время залегают большие массивы глин. Во втором случае использовался материал, добытый на одном из береговых глинистых уступов р. Прохладной, в 1,5 км от поселения. Кроме того, были собраны образцы глин, включая так называемую голубую, в 400 м северо-восточнее поселения Ушаково-3, непосредственно на участке берегового уступа, обрывающегося в залив.

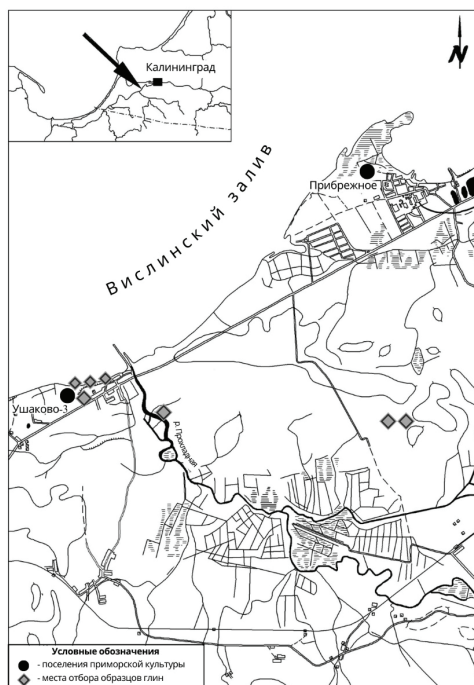

Рис. План расположения пунктов отбора сырья на месторождениях глины

Вблизи Прибрежного месторождения глины отсутствовали, поэтому образцы отбирались на 5,5 км южнее, где располагались ее значительные залежи. Расстояние между участками, где происходил сбор материала, составило около 50 м.

В целом, глины по микроэлементному составу оказались близки между собой (табл. 6). Но, естественно, каждое из глинистых месторождений отличалось локальными особенностями, что и выявили результаты анализа. Варьируется содержание стронция, меди, оксида марганца и ванадия (табл. 6). Остальные показатели имеют очень незначительные различия.

Результаты РФ-анализа содержания микроэлементов и оксидов в образцах глинистого сырья

№ п/п	Sr, мг/кг	Pb, мг/кг	As, мг/кг	Zn, мг/кг	Cu, мг/кг	Ni, мг/кг	Co, мг/кг	Fe ₂ O ₃ %	MnO, мг/кг	Cr, мг/кг	V, мг/кг	TiO ₂ %
Ушаково (А)	74,6	15,6	6	86,8	74	37,8	9,5	5,614	270,2	107	121,2	0,418
Ушаково (В)	100,5	28,5	6,5	72	нпко	33	9,5	6,01	864	92	92	1,035
Ушаково (С)	185	21	9	79	22	35	9	5,7	572	98	89	0,782
Ушаково (D)	203	23	5	110	78	63	14	7,54	713	111	122	0,95
Ушаково (Е)	437	16	21	96	52	43	20	7,63	719	131	122	0,906
Прибрежный (А)	143	30	4,5	98,5	31,5	51	12	7,26	479,5	118,5	155	0,7225
Прибрежный (В)	162,5	30,5	6,5	113	38,5	56,5	19,5	9,05	528,5	135,5	174,5	0,879

Керамика с минеральной примесью с нижнего уровня постройки 7 поселения Прибрежное

Все представленные фрагменты посуды, относящиеся к КШК, найдены на нижнем уровне заполнения котлована постройки 7, отличающейся наиболее крупными габаритами. Она содержала многочисленные фрагменты керамики и развалы посуды, которые характеризовались разнообразием форм и орнаментов. Кроме того, для данного жилого сооружения мы имеем наибольшее количество радиоуглеродных определений, в том числе полученных с помощью AMS-датирования.

Оксид железа, входящий в число основных микроэлементов, за исключением одного случая (№1), остается в тех же пределах, которые зафиксированы в местной глине (табл. 1). Невозможно определить, использовались ли глины, добытые вблизи Ушаково или южнее Прибрежного, так как показатели этого микроэлемента приблизительно одинаковы (табл. 1, 2). Столь же равномерно распределен среди репрезентованных образцов мышьяк. Но процентное содержание цинка и кобальта в большей степени соответствует глинам как вблизи Прибрежного, так и с одного из месторождений береговой зоны (табл. 1). Относительно оксида титана, свинца и ванадия сложилась противоположная ситуация, указывающая в большинстве случаев на месторождения в Ушаково. Подобного рода картина также подразумевает возможность смешивания глин из различных месторождений. Что характерно, примеси меди, никеля

и оксида марганца имеют близкий микропримесный состав как среди глин из Ушаково, так и вблизи Прибрежного. Почти половина подвергнутых анализу фрагментов отличалась завышенным содержанием стронция, что соответствует только одному месторождению глин с побережья вблизи Ушаково-3 (Ушаково D). Часть образцов содержало повышенную концентрацию оксида марганца, что может быть объяснено индивидуальными характеристиками местных месторождений глины (табл. 1: 3, 5, 7, 9, 16, 17, 10).

Отдельные образцы на фоне остальных отличаются завышенной концентрацией одновременно нескольких элементов¹. В особенности выделяется фрагмент №1 (табл. 1). Завышение не столь аномальное, однако оно относится к существенному числу из всего выявленного микроэлементного состава, что может указывать на инородное происхождение сосуда.

Керамика с минеральной примесью с верхнего уровня поселения Ушаково-3

По керамике с данного уровня, в целом, складывается впечатление, что для изготовления посуды использовалось смешанное сырье из местных источников, и это хорошо прослеживается относительно таких микроэлементов, как оксид титана, ванадий, хром, оксид железа, кобальт, никель и свинец (табл. 2).

Количественное содержание микроэлементов в образцах №8–10, в целом, соответствует таковым в глинах вблизи поселка Ушаково, причем это особенно верно для месторождений, залегающих непосредственно рядом с памятником (табл. 2). Тем не менее, обитатели поздненеолитического поселка могли использовать широкий спектр глин, находящихся в радиусе около 6–7 км. Исключение составляют фрагменты №1 и 3, которые по ряду микроэлементов характеризуются завышенными или, напротив, низкими показателями, в совокупности не соответствующими набору микрокомпонентов местных глин. Анализ показал, что содержание оксидов железа, марганца и кобальта в образце №1 в два и более раз ниже, чем в среднем по остальным исследованным фрагментам. Это, видимо, объясняется его инородным происхождением (табл. 2). Образец №3 также имеет близкие показатели по оксиду железа и мышьяка. Вместе с тем у него оказался занижен уровень содержания свинца и, напротив, повышенными являются параметры присутствия цинка. Остальные аномалии единичны и, скорее всего, относятся к свойствам местных глин.

Керамика с минеральной примесью с нижнего уровня поселения Ушаково-3

Показатели микроэлементного состава фрагментов керамики, извлеченных с нижнего уровня культурного слоя поселения Ушаково-3 (горизонты 17–19) в известной степени отличаются (табл. 3). Очевиден сдвиг по основным показателям в сторону крупных месторождений глин вблизи берегового уступа рядом с поселением (Ушаково С) и зале-

¹ Здесь и далее выделено курсивом.

гающих вдоль левого берега р. Прохладной (Ушаково В). Следовательно, предпочтения в отношении глиняного сырья на раннем этапе существования поселения были несколько иными. Лишь один фрагмент (№8), по преимуществу, имел состав, близкий глинам из Прибрежного. Как и в предыдущем случае, среди фрагментов выделяется экземпляр (№10), ряд показателей которого имеет, хотя и не критический, но повышенный или, напротив, заниженный характер. Кроме данного образца, привлекает внимание еще один (№20), полученные сведения по которому показывают аналогичный микроэлементный состав. Их происхождение вряд ли стоит связывать с местной керамикой.

Итак, результаты рентгено-флуоресцентного анализа фрагментов керамики с нижнего (горизонты 17–19) и верхнего уровня (горизонты 5–10) культурного слоя поселения Ушаково-3, показывают, что на протяжении длительного времени происходили изменения в предпочтениях сырья для изготовления керамических изделий. Стоит подчеркнуть, что технологические характеристики позднейшей керамики с поселения уступают таковым из начального периода существования памятника, что, видимо, не в последнюю очередь связано с низким качеством глины в непосредственной близости от поселения (Ушаково А).

При сравнении фрагментов КШК из двух поселений выясняется, что жители поселка Прибрежное иногда могли придерживаться технологии, при которой происходило смешение сырья из различных источников. Напротив, в Ушаково-3 на раннем этапе по преимуществу акцент делался на использование глины из одного-двух ближайших месторождений, расположенных в нескольких сотнях метров от поселения. Но среди использованных для анализа фрагментов керамики в обоих случаях встречаются образцы, выбивающиеся из общего ряда и, может быть, имеющие инородное происхождение. Сверх того, по крайней мере, по микроэлементному составу между ними отмечается возможное родство. Еще раз отметим, что близкие значения завышенной концентрации мышьяка, цинка и оксида титана выявлены у образцов из Ушаково-3 (№1 и 3 с верхнего уровня культурного слоя и №10 с последнего горизонта). Аналогичные завышенные показатели для близкого набора микроэлементов имел фрагмент (№1) из постройки 7 в Прибрежном. Разница состоит лишь в том, что в Прибрежном в указанных выше образцах имелись также завышенные отклонения по оксиду марганца, оксиду железа и хром, но в Ушаково-3 ситуация была противоположной – показатели по оксиду марганца и оксиду железа оказались аномально низкими. Однако в данном контексте все эти образцы могут иметь не местное происхождение.

Керамика с преобладанием в керамической массе шамота с поселения Прибрежное

Всего для соответствующего типа керамики из Прибрежного анализу было подвергнуто 14 фрагментов (табл. 4). Среди них только один (№11) происходит из культурного слоя, остальные выявлены в преде-

лах столбовой постройки наземного типа. Все эти образцы, в отличие от основного керамического комплекса, имели в керамической массе примесь шамота и песка.

Рентгено-флуоресцентный анализ выявил заметные отклонения от показателей местной глины. Причем существенные различия фиксируются для большинства анализируемых фрагментов. В среднем завышенными в полтора раза являются параметры оксида титана (напротив, в двух случаях образцы оказались с очень низким показателем оксида титана), повышенные значения имеют результаты по хрому, выглядят чрезмерно увеличенными (в 2–2,5 раза) данные по оксиду марганца, завышены или занижены показатели по оксиду железа, хотя и не во всех случаях, аномально высоки параметры содержания кобальта, меди, никеля и цинка (табл. 4). Лишь два фрагмента (№5 и 14) по большинству показателей были близки к местным глинам. В целом, исходя из результатов анализа, только концентрация стронция, свинца, мышьяка и ванадия схожа с результатами местной глины.

Керамика с преобладанием в керамической массе шамота с поселения Ушаково-3

В Ушаково-3 у керамики, ассоциируемой с культурой воронковидных кубков, близкий с местными глинами микропримесный состав преимущественно прослеживается лишь по концентрации свинца, мышьяка, никеля, кобальта и ванадия (табл. 5). Кроме того, фрагменты (№2, 8–9) явно связаны с посудой, изготовленной из местной глины, и единичные завышенные показатели не отменяют этого факта. Основные аномалии касаются преимущественно высокой концентрации оксидов титана и марганца, в несколько меньшей степени цинка, меди, оксида железа, стронция и хрома. Большинство фрагментов (№1, 4, 5, 7, 11–14) имеют завышения по 4–5 показателям (табл. 5). Но по оксидам железа и марганца результаты оказались ниже нормы, иногда в два раза.

При сравнении результатов микроэлементного анализа керамики с преобладанием шамота, выяснилось, что в образцах с обоих памятников проявляется повышенная концентрация цинка, меди, оксидов магния и титана, в меньшей степени мышьяка и стронция. Кроме того, родство проявляется в содержании свинца, никеля, оксида железа, ванадия, которые, в большинстве своем, по концентрации оказались в пределах нормы. Естественно, имеются образцы и с повышенными показателями по данным микроэлементам, но их количество невелико. В наибольшей степени обращают на себя внимание фрагменты №3 из Ушаково-3 и №6 из Прибрежного, особенно близкие по основным параметрам (табл. 4, 5). Существуют и некоторые различия, которые выражаются в высокой концентрации в керамике из Прибрежного хрома и кобальта.

Подводя итоги, даже если не касаться частных, не остается сомнений, что по микроэлементному составу между фрагментами с примесью шамота из Ушаково-3 и Прибрежного существует явное родство, хотя и не полное.

Лишь по степени присутствия стронция, свинца, никеля и кобальта, в целом, показатели сближаются с образцами КШК с минеральной приме-

стью, относящихся к верхнему и нижнему уровню культурного слоя поселения Ушаково-3. По всем остальным микроэлементам фиксируются значительные отклонения, хотя и не в каждом конкретном случае. Таким образом, трудно сомневаться в отсутствии близкого сходства данной керамики с фрагментами КШК, относящимися к основному культурному комплексу. Но отдельные прецеденты среди посуды КШК из Ушаково-3 присутствуют. Здесь имеются ввиду фрагменты № 1 и 3 с верхнего уровня, а также № 9, 10 и 20 с нижнего уровня культурного слоя, среди которых фиксируются аналогичные завышенные значения.

Фрагменты КВК из Прибрежного имеют общие показатели с керамикой КШК только по уровню концентрации стронция, свинца, ванадия, частично мышьяка и оксида железа. Но, как выясняется, среди керамики КШК, обнаруженной в постройке 7, присутствует по крайней мере один образец (№ 1), аналогичный по микроэлементному составу посуде КВК. Следовательно, этот фрагмент гипотетически является индикатором наличия импортной керамики в постройке 7.

Заключение

Как и следовало ожидать, основная часть исследованной керамики с минеральной примесью, принадлежащая приморской культуре периода позднего неолита и происходящая с поселений Прибрежное и Ушаково-3, по количественному содержанию микропримесей имеет близкие характеристики. Это объясняется сходством микроэлементного состава и вероятностным смешиванием глин из нескольких месторождений, располагавшихся не далее 6 км от поселений. Но при изготовлении керамики раннего этапа, найденной в постройке в Прибрежном, местное население, исключая отдельные случаи, использовало по преимуществу глины из месторождений вблизи Ушаково, локализуемых на высоких береговых террасах. Хотя они расположены в 6 км от поселения, до них было легко добираться водным путем.

Противоположная картина возникает при рассмотрении результатов исследования керамики с преобладанием примеси шамота с тех же памятников. В Прибрежном и Ушаково-3 большинство проанализированных образцов с подобной примесью показали существенные отличия от керамики КШК по микроэлементному составу, что явно указывает на их инородный характер. Кроме того, выяснилось, что по микроэлементному содержанию такая керамика с обоих памятников проявляет отчетливое, хотя и неполное, сходство между собой. Следовательно, мы получили дополнительное подтверждение распространения на побережье со второй половины IV тыс. до н.э. нового населения, которое принесло эту керамику с собой. Неожиданностью стало наличие в постройке 7 фрагмента с близкими показателями, что может служить доказательством присутствия среди материалов приморской КШК хронологически одновременной привозной посуды. Отдельные образцы с родственными по микроэлементному составу включениями,

выявленные путем анализа, среди керамики с минеральной примесью и происходящие с поселения Ушаково-3, видимо, также принадлежат чужеродной керамике.

Таким образом новая и весьма неожиданная информация требует дальнейших исследований аналогичного рода. В первую очередь, они должны коснуться керамики, выявленной в остальных постройках поселения Прибрежное, которая, судя по проведенному анализу материалов из жилища 7, характеризуется многообразием и различиями в происхождении.

Список литературы

53

1. *Войткевич Г.В., Кокин А.В., Мирошников А.Е., Прохоров В.Г.* Справочник по геохимии. М., 1990.
2. *Зальцман Э.Б.* Восточная группа приморской культуры. Анализ материалов поселенческих комплексов // Материалы спасательных археологических исследований. М., 2019. Т. 26, ч. 1.
3. *Зальцман Э.Б.* Культурная и хронологическая принадлежность средненеолитических материалов с поселений Ушаково 3 и Прибрежное // Краткие сообщения Института археологии. 2020. № 258. С. 46 – 64.
4. *Зальцман Э.Б.* Восточная группа приморской культуры. Проблемы происхождения и развития // Материалы спасательных археологических исследований. М., 2022. Т. 27.
5. *Felczak O.* Domostwa słupowe na osadzie ludności kultury pucharów lejkowatych w Barłoźnie, gmina Skórcz, stanowisko 9 // Pomorania Antiqua. Gdańsk, 2005. T. XX. S. 183 – 229.
6. *Felczak O.* Kultura pucharów lejkowatych w jej środkowym okresie trwania na obszarze stanowiska nr 1w Rzucewie // Zespół osadniczy z epoki kamienia – Rzucewo, gmina Puck stanowisko 1. Fontes Commentationesque ad Res Gestas Gedani et Pomeraniae. Muzeum Archeologiczne w Gdańsku, 2018. T. VII. S. 83 – 107.
7. *Wierzbicki J.* Łupawski mikroregion osadniczy ludności kultury pucharów lejkowatych. Poznań, 1999.
8. *Zaltsman E.* Pottery of the Funnel Beaker Culture in Settlement Contexts of the North-Eastern Coast of the Vistula Lagoon: Case Studies of Ushakovo and Pribrezhnoye Sites // Baltic-Pontic Studies. 2019 – 2020. Vol. 24. P. 7 – 26.

Об авторах

Эдвин Борисович Зальцман – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт археологии РАН, Россия; доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: edwin_zalzman@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9726-9273>

Юлия Владимировна Королёва – канд. геогр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: yu.koroleff@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7612-4454>

Александр Александрович Стрелковский — мл. науч. сотр., Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: a-a-strelkovskij@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0261-9021>

E. B. Zaltsman¹, Yu. V. Koroleva², A. A. Strelkovsky³

**PECULIARITIES OF CERAMIC PRODUCTION FROM
THE NEOLITHIC SETTLEMENTS PRIBREZHNOYE
AND USHAKOVO-3**

54

¹ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

³ Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Received 30 June 2024

Accepted 12 July 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-4

To cite this article: Zaltsman E. B., Koroleva Yu. V., Strelkovsky A. A. 2024, Peculiarities of ceramic production from the Neolithic settlements Pribrezhnoye and Ushakovo-3, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 41 – 55. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-4.

The article presents the results of an interdisciplinary study of ceramics from the Neolithic settlements of Pribrezhnoye and Ushakovo-3, the earliest among the coastal culture complexes with corded ware. Using X-ray fluorescence spectrometry, ceramics from various stages of the coastal culture, as well as from the Funnel Beaker culture, whose seasonal settlements preceded them in approximately the same locations, were analyzed. The main objectives of the study were to identify the characteristics and common features of ceramic production from these Neolithic settlements and to determine the locations of the primary raw material sources. A significant difference in the trace element composition between the corded ware and Funnel Beaker culture ceramics was established. Moreover, it was found that most of the Funnel Beaker pottery was made from non-local clays, suggesting that a substantial portion of the ceramics may have been brought by the settlers, likely reflecting the seasonal nature of the settlements and the specific activities of the migrants. In contrast, the results of the analysis of pottery fragments from the coastal culture at the two settlements revealed a clear similarity, which can be attributed to the use of the same clay sources. However, at Ushakovo-3, there appears to have been a stronger preference for clays from nearby deposits that, while geographically close, exhibited local differences in trace element composition, impacting the technological characteristics of the ceramics. Additionally, rare instances of foreign ceramics were identified, indicating some external connections. Thus, the results of these interdisciplinary studies, which sometimes yield unexpected and significant insights that are difficult or even impossible to obtain using traditional methods, demonstrate the clear potential for further research in this field.

Keywords: ceramics, raw material sources, Primorskaya culture, Funnel Beaker culture, X-ray fluorescence spectrometry

The authors

Dr Edwin B. Zaltsman, Senior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia; Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: edwin_zalcman@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9726-9273>

Dr Yulia V. Koroleva, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: yu.koroleff@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7612-4454>

55

Alexander A. Strelkovsky, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: a-a-strelkovskij@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0261-9021>

С. А. Денисов

СОСТАВ И ФУНКЦИИ ПРУССКИХ ЛОКАТОРОВ
В ВАРМИЙСКОЙ ЕПИСКОПИИ В XIV ВЕКЕ

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Поступила в редакцию 13.04.2024 г.

Принята к публикации 16.07.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-5

56

Для цитирования: Денисов С. А. Состав и функции прусских локаторов в Вармийской епископии в XIV веке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 3. С. 56–69. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-5.

Социальный институт локаторов, наряду с системой ленного землевладения, был одним из главных способов освоения земель в государстве Тевтонского ордена. Должность локатора подразумевала основание поселения, привлечение на его территорию жителей и управление социальной жизнью новой общины. Формирование данной группы из среды местного населения в период 1300–1370 гг. ставит вопрос о том, каким было их положение в новой социальной системе, ключевыми характеристиками которого являются их состав и функции. Эти аспекты определены на основе применения типологического и историко-сравнительно-методов на материале актов Вармийской епископии. Всего в актах зафиксированы пожалования 190 локаторам, основная часть которых составляет две группы: персоны, обязанные нести службу и платить налоги, и лица, освобожденные от службы и вносившие только подати. Представители обеих групп имели право строительства в своих владениях мельниц и таверн, а также обязались выделить участки для возведения приходской церкви. Их юрисдикция включала права малого и большого судов. На протяжении рассматриваемого периода в среде локаторов происходили процессы социально-имущественного расслоения, усугубляемые сокращением свободных земель и литовскими вторжениями. Меры для поддержки локаторов (наследование должности и имущества по обеим линиям, предоставления прав рыбной ловли и охоты и др.) применялись исходя из ситуации в каждом владении, что обеспечило стабильное освоение земель епископии.

Ключевые слова: Вармийская епископия, военная служба, локатор, налог, поселение, пруссы

Становление государства Тевтонского ордена в Пруссии во второй половине XIII в. привело к значительным переменам в системе расселения местных этнотерриториальных общностей. Возведение системы орденских замков, являвшихся военными и административными центрами, сопровождалось формированием в их округах новых в социальном

отношении типов хозяйств, основанных на условном землевладении. Данная ситуация подразумевала различную степень перемен в структуре расселения. С одной стороны, в густонаселенных и интенсивно освоенных к XIII в. областях Самбии [27, S. 158–184] и Помезании [26, S. 130–324] новые центры, как правило, формировались на месте городищ и селищ, уже существовавших до прихода Тевтонского ордена. С другой стороны, в менее освоенных областях Надровии [2, с. 28–29] и Судовии [3, с. 147–149] происходило полное изменение системы расселения, сопровождавшееся миграцией части автохтонных жителей. В этом контексте реконструкция социальных процессов, происходивших в Пруссии после орденского завоевания, подразумевает изучение перемен в расселении, произошедших во всех составлявших ее 9 землях: Самбии, Наттангии, Помезании, Погезании, Вармии, Сассовии, Надровии, Галиндии, Бартии. При этом перечисленные области включались в состав государства Тевтонского ордена в различном административном статусе: одни из них находились под управлением Ордена, другие — в ведении Церкви. Данная практика привела к объединению в административных границах областей, различных по степени освоения (как Самбии и Надровии в комтурстве Кёнигсберг). В этом контексте возникает вопрос о том, как происходило становление системы расселения пруссов в условиях объединения неоднородных по степени освоения земель под одним административным управлением.

Наиболее явно данное положение представлено в Вармийской епископии, которая объединила области Вармии и Бартии. Первая из них расположена в центральной части Пруссии между р. Фришинг на северо-востоке, р. Алле на юго-востоке, р. Пассарге на юго-западе и заливом Фришес Хафф на северо-западе. Вторая область расположена в юго-восточной части Пруссии между р. Алле на западе и оз. Даргинское и Ширдинг на востоке, имея общую западную границу с Вармией. Названные области объединяли в себе районы, освоенные с различной степенью интенсивности: Вармия включала в себя хорошо освоенный район побережья Фришес Хафф, в то время как к Бартии относились менее освоенные земли, граничащие с Мазурскими озерами.

Освоение земельных фондов Вармии и Бартии, происходившие в виде формирования системы поселений условных землевладельцев, позволило обеспечить стабильный доход Вармийским епископам. Если к концу XIII в. епископ Генрих, по словам Петра из Дусбурга, получал только одну марку от мельницы [18, S. 119. № 140], то в 1329–1388 гг. его преемники смогли выстроить на средства, полученные в том числе от использования земельного фонда, кафедральный собор во Фрауэнберге, где проводил заседания капитул епископии [15, р. 712; 20, S. 76].

Во время становления системы условного землевладения в Вармийской епископии существовало два вида собственности: ленные хозяйства, владельцы которых были обязаны нести военную службу и/или выплачивать налог, и владения локаторов — орденских подрядчиков, обязанных возвести на полученном участке поселение и руководивших затем социальной жизнью создаваемой общины. Вторая группа занимала особое место в политике епископов, так как позволяла широко при-

влекать поселенцев к освоению земельного фонда, увеличивая доходы от этого процесса. Формирование второй группы из среды прусского населения, являвшееся способом интеграции в новую социальную систему, ставит вопрос о том, каким было их положение в политике Вармийской епископии. Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к ключевым аспектам положения рассматриваемой группы, которыми являются состав и функции.

Несмотря на интерес в историографии к становлению системы условного землевладения в Вармии, поставленные вопросы не были специально рассмотрены в предшествующих работах. Исследователи обращали внимание на включение пруссов на положении локаторов в систему условного землевладения в Вармии [7, S. 8; 11, S. 211; 13, S. 47; 14, S. 89–101; 19, S. 107–114; 24, S. 37, 66–67, 80–81; 25, S. 4], однако при этом имущественное положение и функции данной группы систематически не изучались, а главенствующее место в основании новых поселений отводилось немецким колонистам [6, S. 53–57; 13, S. 11, 26–33, 46; 17, S. 4; 21, S. 129; 23, S. 39–47; 24, S. 65, 66].

Для решения поставленных задач используем типологический и историко-сравнительный методы, позволяющие выделить категории внутри исследуемой социальной группы и сопоставить их правовой статус, функции и имущественное положение на протяжении заданного периода.

Хронологическими рамками исследования являются 1300–1370 гг., которые представляют собой время интенсивного освоения Вармийского диоцеза [14, S. 98–100].

Земельные владения предоставлялись прусским локаторам Вармии по кульмскому праву, в основе которого находились общеевропейская и немецкая правовые традиции (нормативные системы, принятые в северогерманских землях, Фламандии, Силезии и др.) [5, с. 55]. В актах Вармийской епископии (всего 51 документ) упомянуты 190 персон, получившие участки для основания новых поселений. Эти документы имеют следующий состав: публичное объявление, указание дарителей и получателей участка, описание границ и/или размера надела, перечисление условий, при которых действовало право собственности, сведения о штрафе за угрозу жизни и здоровью ленника. В завершающей части грамот определялись гарантии исполнения документа и указывались время, место и свидетели его составления, а также перечислялись прилагаемые удостоверительные знаки (сигнатура и печать).

Критерии для выделения пруссов в актах: прямое указание на национальность – прусс («Pruthenus») [9, S. 7. № 7; S. 20–21. № 22; S. 99. № 95a; S. 181–182. № 182; S. 215. № 217; S. 277–278. № 279; S. 353. № 347; S. 359. № 351; S. 383. № 369; S. 383. № 369; S. 436. № 435, etc.], личные имена Вопе, Гедете, Сандер и др., имеющие балтское происхождение [9, S. 18–19. № 20; S. 78–79. № 76; S. 100–101. № 97; S. 436. № 435, etc.; 12], эпитет «известный муж» («discretus vir») [8, S. 290–292. № 168; 9, S. 179–181. № 179–181; S. 184–185. № 186, 187; S. 273. № 272; S. 328. № 312; S. 331–333. № 318; S. 336. № 323; S. 395–396. № 381, etc.], указание на обязанность службы по обычаю земли, в которой располагалось владение («cum armis secundum

terre consuetudinem») [8, S. 474–475. №290; S. 488–489. №292; 9, S. 5–6. №5; S. 21–22. №23; S. 49–51. №46; S. 59–60. №53; S. 72–73. №72; S. 125. №119; S. 129–130. №125; S. 136. №133; S. 158–159. №159; S. 368. №361; S. 383. №369].

По имущественному положению и функциям прусские локаторы разделяются на 3 группы. Первая включает 49 персон, получивших для основания поселения от 11 до 81 гуффена, из которых их личную собственность составляли 1–16 гуффенов. Они были обязаны нести службу епископу и выплачивать налог. Служба подразумевала участие в походах против врагов церкви и защиту ее земель на коне и с оружием, предусмотренным обычаем (11 персон, в сопровождении от 1 до 4 воинов (17 персон) [8, S. 343–346. №200; S. 474–475. №290; S. 488–489. №292; S. 483–484. №297; S. 486–487. №299; 9, S. 5–6. №5; S. 21–22. №23; S. 49–51. №46; S. 59–60. №53; S. 72–73. №72; S. 125. №119; S. 126. №120; S. 129–130. №125; S. 136. №133; S. 158–159. №159; S. 183–184. №184; S. 184. №185; S. 205–207. №204; S. 212–214. №215; S. 221–222. №223; S. 328–329. №313; S. 368. №361; S. 383. №369]. При этом в 9 случаях к военной службе добавлялось строительство новых укреплений и ремонт обветшавших [8, S. 488–489. №292; 9, S. 21–22. №23; S. 49–51. №46; S. 125. №119; S. 158–159. №159; S. 183–184. №184; S. 205–207. №204; S. 212–214. №215; S. 368. №361; S. 383. №369]. Для 20 персон служба состояла только в строительных работах [8, S. 329–332. №193, 194; S. 337–339. №196; S. 452–454. №272; S. 472–473. №288; S. 489–490. №302; 9, S. 7. №7; S. 18–19. №20; S. 353. №347; S. 176–178. №177]. Еще в одном случае прусс Велун исполнял обязанности управляющего волостью, камерария [9, S. 109–110. №103]. Налог выплачивался в денежно-натуральном (29 персон) или только денежном / натуральном виде (20 персон). Денежно-натуральная подать включала в себя в различных сочетаниях следующие выплаты: деньги (0,5 марки или 1 кельнский / 6 кульмских денариев), 1–2 шеффеля зерна (пшеницы, либо овса и ржи, либо овса с немецкого плуга), а также 1–2 шеффеля ржи с каждого прусского плуга, камень воска и 2 курицы [8, S. 337–339. №196; S. 343–346. №200; S. 453–454. №272; S. 474–475. №290; S. 488–489. №292; S. 483–484. №297; S. 489–490. №302; 9, S. 5–6. №5; S. 21–22. №23; S. 49–51. №46; S. 59–60. №53; S. 72–73. №72; S. 109–110. №103; S. 125–126. №119, 120; S. 129–130. №125; S. 136. №133; S. 176–178. №177; S. 183–184. №184; S. 184. №185; S. 205–207. №204; S. 212–214. №215; S. 221–222. №223; S. 368. №361; S. 383. №369]. Денежная и натуральная подати рассчитывались с каждого немецкого плуга составляли соответственно 0,5 марки [8, S. 329–332. №193, 194; S. 452–454. №272; S. 240–241. №242; S. 472–473. №288; S. 486–487. №299; 9, S. 7. №7; S. 18–19. №20; S. 328–329. №313; S. 353. №347] или фунт перца и 15 куриц [9, S. 158–159. №159].

Ко второй группе относятся 112 персон, получившие для основания поселения 6–100 гуффенов, из которых личную собственность составляли 0,5–12 гуффенов. Представители данной группы были освобождены от службы церкви и платили только денежно-натуральную (63 персоны) или денежную подати (48 персон). Денежно-натуральная подать включала в себя различные сочетания денег (0,5 марки, 6 кульмских

денариев или 1–3 фертона), 2 куриц, 1–2 шеффелей зерна (овса, ржи или пшеницы) за каждый гуффен, а также — из 1–2 шеффелей пшеницы и шеффеля ржи с каждого немецкого плуга и шеффель ржи с каждого прусского плуга [8, S. 460–461. №277; 9, S. 20–21. №22; S. 37–38. №36; S. 78–79. №76; S. 87–88. №85; S. 100–101. №96, 97; S. 106. №99; S. 107–108. №101; S. 131. №127; S. 148–149. №148; S. 162–164. №164, 165; S. 178. №178; S. 180–182. №180–182; S. 184–185. №186, 187; S. 215. №217; S. 234–235. №233; S. 246. №247; S. 248. №250; S. 258–259. №259; S. 260–261. №262; S. 263. №264; S. 273. №272; S. 278–279. №280; S. 281–283. №284, 285; S. 284–285. №287; S. 293–294. №294; S. 297. №296; S. 298–299. №298; S. 300. №300; S. 331–333. №318; S. 339. №326; S. 346. №335; S. 347. №337; S. 354–356. №347; S. 359. №351; S. 377–379. №365; S. 379. №366; S. 388. №375; S. 395–396. №381; S. 397. №383; S. 411–412. №399; S. 414–416. №403; S. 432. №427; S. 434. №430; S. 436. №435]. Денежная подать составляла от 1 фертона до 0,5 марки за гуффен [8, S. 221–223. №125; S. 258–259. №149; S. 290–292. №168; S. 320–322. №186; S. 466. №283; S. 482–483. №296; 9, S. 2–3. №2; S. 17–18. №18, 19; S. 45. №42; S. 57–58. №50; S. 63–63. №57; S. 70–71. №68; S. 76–77. №75; S. 99. №95b; S. 99–100. №95c; S. 153. №154; S. 160–161. №161; S. 179. №179; S. 189–191. №192; S. 237–238. №236; S. 240. №241; S. 270–272. №270; S. 277–278. №279; S. 291–292. №291; S. 298. №297; S. 301–302. №303; S. 326. №310; S. 328. №312; S. 331–333. №318; S. 334–335. №320; S. 336–337. №323; S. 340–341. №327, 328; S. 342–344. №331; S. 351–352. №344; S. 354, 356–357. №347, 348; S. 360. №352; S. 377. №364; S. 411. №398]. В одном случае размер и состав подати точно не указан [9, S. 377–379. №365].

Третью группу составляют лица, обязанные нести службу и освобожденные от выплаты налогов. К ним относятся 2 персоны, выделенные, несмотря на малочисленность, в отдельную группу вследствие кардинального отличия в статусе. Иоганн де Лейссен, первый из них, получил 62 гуффена для основания поселения и был обязан нести военную службу с 2 воинами и 2 конями [9, S. 210–211. №211]. Второй локалатор Калуко Хохенберг получил для основания поселения 20 гуффенов и был обязан нести службу на коне и принимать участие в строительстве укреплений [9, S. 228. №225].

Вне рассматриваемых групп находятся 26 персон, для которых в документах не указаны обязанности, выполняемые за полученные участки. Размер владений, выделяемых им для основания поселений, составил от 6 до 100 гуффенов. Размер личных владений — от 1 до 7 гуффенов [9, S. 94–95. №89; S. 182–184. №183, 184; S. 189–191. №192; S. 205–206. №204; S. 209–210. №209; S. 263. №264; S. 282–283. №285; S. 326. №310; S. 329–330. №314; S. 336. №323; S. 340. №327; S. 351–352. №344; S. 353–354. №347; S. 360. №352; S. 411–412. №399]. Причинами неполных сведений являются краткие упоминания о данных персонах, как о владельцах участков, соседствующих с выделяемым наделом или как о его предыдущих собственниках.

Представители групп 1 и 2 имели право построить на своих участках таверну и водяную мельницу, а также были обязаны выделить участок для строительства приходской церкви.

Право построить таверну упомянуто в актах, пожалованных 115 персонам. Из них 33 локатора полностью распоряжались доходами от нее [8, S. 63–63. №57; S. 221–223. №125; S. 258–259. №149; S. 320–322. №186; S. 337–339. №196; S. 343–346. №200; S.452–454. №272; S. 466. №283; S. 472–473. №288; S. 482–483. №296; 9, S. 59–60. №53; S. 160–161. №161; S. 300. №300; S. 301–302. №303; S. 328. №312; S. 354–356. №347; S. 377. №364], а 70 персон – только половиной [8, S. 489–490. №302; 9, S. 5–6. №5; S. 7. №7; S. 17–18. №18, 19; S. 18–19. №20; S. 45. №42; S. 72–73. №72; S. 76–79. №75, 76; S. 87–88. №85; S. 99. №95a, b; S. 100–101. №97; S. 106. №99; S. 129–130. №125; S. 148–149. №148; S. 162–164. №164, 165; S. 178–181. №178–181; S. 184–185. №185–187; S. 189–191. №192; S. 215. №217; S. 237–238. №236; S. 246. №247; S. 248. №250; S. 258–259. №259; S. 260–261. №262; S. 263. №264; S. 277–279. №279, 280; S. 281–283. №284, 285; S. 284–285. №287; S. 293–294. №294; S. 297. №296; S. 326. №310; S. 336–337. №323; S. 339. №326; S. 346. №335; S. 347. №337; S. 353, 355. №347; S. 359. №351; S. 377–379. №365, 366; S. 388. №375; S. 397. №383; S. 411–412. №398, 399; S. 432. №427; S. 434. №430; S. 436. №435]. Еще 3 локатора получали лишь треть доходов от таверны [9, S. 109–110. №103; S. 414–416. №403]. Три локатора могли иметь несколько таверн с выплатой половины дохода [9, S. 270–272. №270; S. 331–333. №318; S. 342–344. №331]. Еще 2 локаторам разрешено иметь по 2 таверны, чинш с одной они оставляли у себя, а со второй отдавали церкви [8, S. 290–292. №168; 9, S. 221–222. №223]. В одном случае таверна полностью принадлежала епископу [9, S. 107–108. №101]. Размер участка, выделяемого для строительства таверн, упомянут только в одном акте и составил 2 гуффена [9, S. 291–292. №291].

Право построить на своих участках водяную мельницу имели 16 персон [8, S. 221–223. №125; S. 343–346. №200; S.452–454. №272; 9, S. 176–178. №177; S. 341. №328; S. 342–344. №331; S. 360. №352]. При этом в двух случаях отдельно указывался размер участка, выделяемого для ее размещения. Для этого Герман Генненберг получил 29 июня 1358 г. 0,5 гуффенов, а Николай 5 февраля 1362 г. – 2 гуффена [9, S. 270–272. №270; S. 336–337. №323]. Практически во всех случаях доходы от мельниц поступали в полное распоряжение локаторов, за исключением двух случаев, когда они были обязаны отдать половину [9, S. 281–282. №284; S. 354–355. №347].

Участок для строительства приходской церкви упомянут в актах, пожалованных 50 локаторам. Его размер составляет от 2 до 6 гуффенов. При этом локаторы были обязаны выплачивать налог на содержание клира и церкви, который составлял по шеффелю пшеницы и овса с каждого гуффена [8, S. 290–292. №168; S. 329–332. №193; S. 337–339. №196; S.452–454. №272; S. 466. №283; S. 472–473. №288; S. 482–483. №296; 9, S. 59–60. №53; S. 76–77. №75; S. 176–178. №177; S. 179. №179; S. 189–191. №192; S. 221–222. №223; S. 260–261. №262; S. 270–272. №270; S. 281–282. №284; S. 284–285. №287; S. 291–292. №291; S. 293–294. №294; S. 297. №296; S. 298–299. №298; S. 336–337. №323; S. 340–341.

№327; S. 342—344. №331; S. 351—352. №344; S. 354—356. №347; S. 377—379. №365; S. 395—396. №381; S. 411—412. №399; S. 414—416. №403; S. 434. №430].

Следующей функцией локатора был разбор судебных дел, включающий права малого и большого судов. Первое из них состояло в том, что локатор разбирал преступления, наказание за которые предусматривало штраф до 4 солидов¹. Второе подразумевало разбор более тяжких преступлений, наказание за которые могло достигать усечения руки или головы. Всего права большого и малого судов были пожалованы 158 персонам, в состав которых входят представители всех рассмотренных категорий локаторов. При этом правом малого суда пользовались все из них, в то время как право большого суда было пожаловано дифференцировано. Полностью данным видом юрисдикции пользовались 8 персон [8, S. 343—346. №200; 9, S. 59—60. №53; S. 99. №95a; S. 176—178. №177; S. 205—207. №204; S. 210—211. №211; S. 212—214. №215; S. 228. №225], в то время как остальные 150 персон получали только третью часть от штрафов² [8, S. 221—223. №125; S. 258—259. №149; S.452—454. №272; S. 460—461. №277; S. 483—484. №297; S. 489—490. №302; Bd. 2: S. 2—3. №2; S. 5—6. №5; S. 7. №7; S. 17—19. №18—20; S. 20—21. №22; S. 21—22. №23; S. 37—38. №36; S. 49—51. №46, etc.]. В актах, пожалованных 48 локаторам, указано, что большой суд передан нотарию [8, S. 290—292. №167; S. 320—322. №186; S. 329—332. №193, 194; S. 337—339. №196, etc.; 9, S. 45. №42; S. 63—63. №57; S. 72—73. №72; S. 76—77. №75; S. 125. №119, etc.]. При этом в 4 актах специально подчеркнута, что с его решением локаторы должны были соглашаться [9, S. 270—272. №270; S. 329—330. №314; S. 340—341. №327; S. 377—379. №365]. Это позволяет предположить, что данная мера была принята не только для квалифицированного разбора дела, но и для контроля над судебной деятельностью землевладельцев.

Установив состав и функции локаторов, обратимся далее к их географическому распределению (рис.).

Как видно, основная часть землевладельцев была расселена в южных районах Вармии и Бартии (окрестности замков Алленштейн, Рёссел, Вартенбург), граничивших с Мазурскими озерами. Выбор именно этих районов обусловлен малой степенью их освоения из-за наличия лесов и болот, что делало их малопривлекательными для колонистов. Решить эту проблему было призвано привлечение местных локаторов, для которых данная местность была хорошо знакомой. В то же время возведение перечисленных замков было призвано защитить поселенцев от внешних вторжений. Помимо локаторов для освоения указанной области привлекались также ленники из числа прусского населения епископии [10, p. 484—486].

¹ В актах это право определено как «с полным правом малого суда и выплатами от него 4 солидов или ниже» («cum omnibus Judiciis minoribus et eorum emendis quatuor solidorum vel citra») [9, S. 329. №14].

² В актах эта доля определена как «третья часть поступлений/третья часть всех выплат от большого суда» («tercia pars obventionum/tercia pars omnium emendarum de Judiciis Majoribus») [9, S. 297. №296; S. 300. №300].

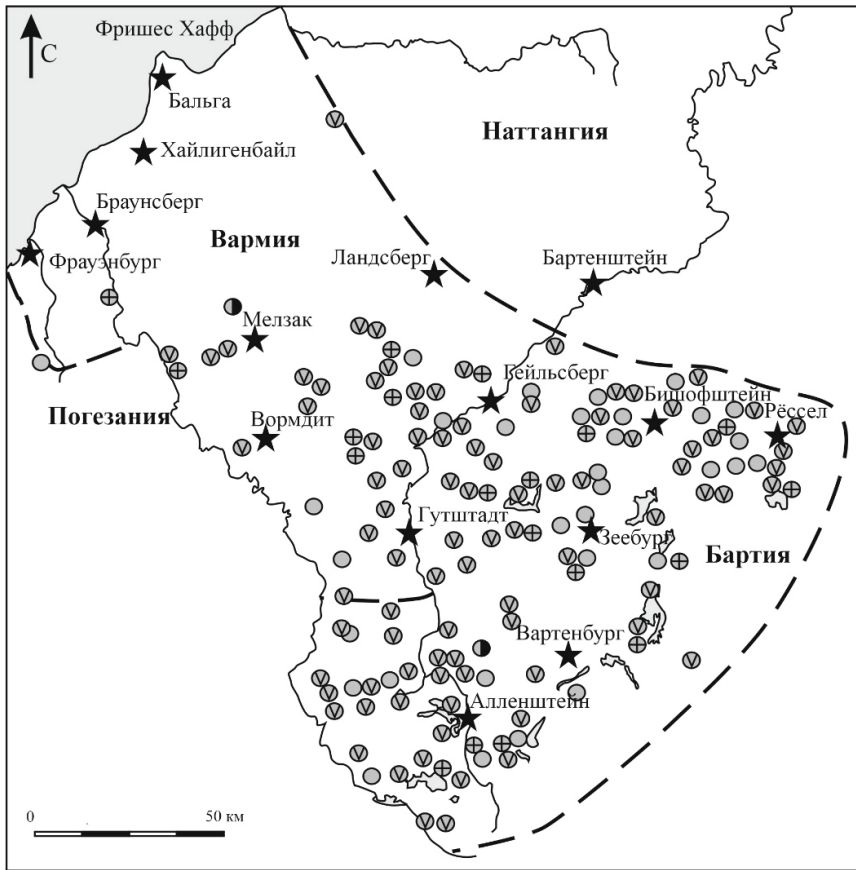

Рис. Владения прусских локаторов: ● — группа 1, ⊕ — группа 2, ⊙ — группа 3, ⊕ — вне группы 1–3, ★ — замки Тевтонского ордена, — — — граница Вармийской епископии

Далее суммируем сведения о численности выделенных групп локаторов, чтобы определить динамику ее изменения (табл.).

Таблица

Количество новых локаторов в правление Вармийских епископов.

Группа	Эберхард (1301–1326)	Герман (1337–1349)	Иоанн I (1350–1355)	Иоанн II (1355–1373)
1	5	34	6	4
2	7	34	16	55
3	—	—	2	—
Вне групп	—	6	8	13
<i>Всего</i>	12	74	32	72

Как видно, резкий рост численности групп 1 и 2 произошел при епископе Германе в конце 1337–1349 гг., однако затем при епископе Иоан-

не I прирост числа новых локаторов уменьшился и продолжил уменьшаться при епископе Иоанне II в группе 1 и резко увеличился в группе 2. Данная динамика свидетельствует о постепенной смене приоритетов в Вармийской епископии в отношении освоения земельного фонда. К середине XIV в. основное значение приобретают условия, по которым локатор обязан только выплачивать подати без несения военной службы или участия в фортификационных работах. При таком положении локатор мог непрерывно заниматься управлением новым поселением. Это стало возможно вследствие широкого распространения к указанному времени ленных участков, владельцы которых были обязаны нести военную службу [10, р. 485–486], что компенсировало отсутствие в походах локаторов. Напротив, распределение участков локаторам только за военную службу без выплаты налогов, предпринятое Иоанном I, не получило дальнейшего развития.

Следующей ключевой характеристикой рассматриваемой группы, позволяющей определить стабильность ее развития, являются процессы социально-имущественного расслоения, к которым относятся:

1. Аккумуляция земель в руках отдельных семейств. В актах упоминаются 10 персон, получивших вторые и третьи участки [8, S. 126. №120; S.452–454. №272; S. 240–241. №242; S. 486–487. №299; 9, S. 205–206. №204; S. 328–329. №313; S. 331–333. №318; S. 354–355. №347; S. 377–379. №365].

2. Разорение части локаторов (4 персоны), из-за которого они продавали свои участки [9, S. 263. №264; S. 282–283. №285].

Негативное влияние перечисленных процессов усугублялось двумя обстоятельствами. Первое из них заключалось в сокращении свободного земельного фонда, из-за которого участки выделялись в малопригодных для культивации местах: лесах [9, S. 326. №310], на каменистых почвах [9, S. 158–159. №159; S. 342–344. №331], на полях, покрытых кустарником и ежевичником [9, S. 176–178. №177; S. 432. №427]. Второе обстоятельство состояло в нападениях литовских князей на территорию Вармии и Бартии, происходившие на протяжении XIV в. [1, с. 128, 131; 4, с. 419; 16]. Последствия литовских вторжений зафиксированы в актах, пожалованных локаторам в 1304, 1338, 1356 и 1359 г. [8, S. 221–223. №125; S. 240–241. №242; S. 478–479. №292; 9, S. 240. №241; S. 282–283. №285].

Перечисленные процессы оказывали дестабилизирующее влияние на положение локаторов, что вызвало необходимость ряда мер, принятых церковью:

1. Должность и имущество локатора могли наследоваться как по мужской, так и по женской линии [9, S. 164. №165; S. 189–191. №192; S. 483–484. №297; S. 368. №361].

2. Устанавливалась очередность наследования: сначала на должность и имущество имели право прямые потомки, а в случае их отсутствия — остальные родственники локатора [9, S. 176–178. №177; S. 228. №225]. Эта мера была призвана не допустить дробления имущества.

3. Вводился запрет на передачу имущества лицам, не состоявшим в родстве с локатором [8, S. 290–292. №167].

4. Локаторам предоставлялось право рыбной ловли в близлежащих реках и озерах. Такое право было пожаловано 89 персонам. Для его ис-

пользования существовал ряд условий. Во-первых, рыбная ловля разрешалась небольшими снастями («parvi instrumenti»)¹, к которым относились крючок («hamus»), небольшие сети («Rethi») и удочка («Angil») [9, S. 331–333. №318; S. 351–352. №344; S. 355. №347; S. 359. №351; 9, S. 432. №427]. Допускалось также использование бродней («Wathen») [9, S. 355. №347], а также устройство запруды («Wehr») на половине водоема [9, S. 148–149. №148; S. 354. №347]. Во-вторых, улов использовался только для нужд локаторов и не продавался [9, S. 162–164. №164, 165; S. 178–180. №178–180; S. 183–185. №184–187; S. 189–191. №192; S. 205–207. №204; S. 210–211. №211. etc.].

5. Локаторам предоставлялось право охоты на оленей, лис, зайцев и мелких птиц в округе деревни [9, S. 76–77. №75; S. 260–261. №262; S. 340–341. №327; S. 432. №427].

6. В случае, если на территории поселения уже находились участки, выданные ленникам, последние включались в его состав [9, S. 37–38. №36; S. 331–333. №318; S. 397. №383].

7. Отсрочка от выплаты налогов или несения службы на период от 2 до 18 лет. Такое право получили 89 персон [8, S. 290–292. №167; S. 320–322. №186; S. 329–330. №193; 9, S. 2–3. №2; S. 49–51. №46; S. 57–58. №50, etc.]. В актах, пожалованных еще 2 локаторам, сообщается, что время уплаты налогов перенесено на более поздний срок в течении года из-за обстоятельств, препятствующих его выплате, к которым относилось участие жителей деревни в военном походе [9, S. 341. №328] или нарушения путей для доставки подати [9, S. 209–210. №209].

8. Вводился штраф (вергельд) за угрозы жизни и здоровью локатора [8, S. 472–473. №288].

9. В случае малой плодородности выделенного участка жители деревни получали дополнительные наделы [9, S. 158–159. №159].

Локатор и жители деревни могли таким образом осваивать земельные наделы и близлежащие угодья, пользуясь поддержкой церкви, однако при этом выходящая за рамки данной деятельности добыча металлов, минералов и известняка строго запрещалась [9, S. 176–178. №177; S. 205–207. №204; S. 212–214. №215].

Важной чертой перечисленных мер поддержки стало их применение в строгом соответствии с ситуацией, сложившейся в каждом отдельном владении, что говорит об их точечном характере, позволявшем обеспечивать поддержку локатору, исходя из его нужд.

Схожее положение (рост внутренней дифференциации, сокращение свободного земельного фонда) наблюдалось также среди прусских ленников и регулировалось при помощи тех же мер, что применялись для локаторов (наследование имущества по обеим линиям, введение вергельда и т.д.) [10, p. 488–493]. Это свидетельствует о наличии единой системы мер, используемых в качестве поддержки для обеих групп.

Итак, по составу и функциям среди прусских локаторов Вармийской епископии можно выделить 2 основные группы: персоны, обязанные

¹ Из снастей исключался невод, запрещенный в статье 12 Кульмской грамоты [22, S. 188].

платить налоги и нести службу епископу (49 человек), и лица, обязанные только вносить подати (112 человек). Служба локаторов состояла в защите земель епископии и участии в военных походах и/или строительстве укреплений и ремонте уже существующих сооружений. Налоги выплачивались преимущественно в денежном, денежно-натуральном и реже в натуральном видах. Динамика изменения численности обеих групп различалась на протяжении XIV в.: прирост первой постепенно уменьшался, в то время как прирост второй после локального спада при епископе Иоанне I резко увеличивался при его приемнике Иоанне II. При этом наиболее значительным был прирост группы ленников, освобожденных от службы, что стало возможно вследствие распространения ленов, владельцы которых привлекались к военным походам и строительству укреплений.

Представители обеих групп обладали соизмеримым имуществом: первые получали от 11 до 81 гуффена для основания нового поселения, из которых их личную собственность составляли 1–16 гуффенов, в то время как вторые 6–100 гуффенов, из которых личную собственность составляли 0,5–12 гуффенов. И те, и другие имели право построить мельницу и таверну, за которые отдавали часть доходов церкви, а часть оставляли себе. Помимо этого, в их владениях постановлялось возвести приходскую церковь, для которой выделялся отдельный участок. Локаторы обладали полной или частичной юрисдикцией над жителями поселения, пользуясь правами большого и малого судов.

На протяжении рассматриваемого периода среди локаторов наблюдался рост социальной дифференциации, негативное влияние которой усугублялось сокращением свободных земель и литовскими вторжениями. Для уменьшения данного влияния были приняты меры, направленные на поддержку локаторов: наследование собственности по обеим линиям, вергельд, отсрочка от выплаты налогов и несения службы, представления прав рыбной ловли и охоты в близлежащих угодьях и др. Перечисленные меры, стабилизировали развитие рассматриваемой социальной группы, о чем говорит прирост ее численности в середине — второй половине XIV в. Применение аналогичных мер для прусских ленников свидетельствует о единой политике Вармийских епископов в отношении двух групп местных землевладельцев, в основе которой лежал принцип индивидуальной поддержки, что обеспечило ее гибкость и позволило получить стабильное освоение земельного фонда, ставшее залогом благосостояния Вармийской епископии.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Археологические древности Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№ НИОКТР 124012400322-9).

Список литературы

1. Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1 : С древнейших времен до 1569 г. / пер. Г. И. Ефремова. М., 2005.

2. Денисов С.А. Ленники из Надровии в государстве Тевтонского ордена в 1340—1370 годах // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2022. Вып. 2 (57). С. 23—32.
3. Новиков А.С. Ятвягия в системе международных отношений XIII века : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2009.
4. Паушто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.
5. Рогачевский А.Л. Очерки по истории права Пруссии XIII—XVII вв. СПб., 2004.
6. Bender J. Ermland's politische und nationale Stellung innerhalb Preussen's an den Hauptmomenten seiner Geschichte und Verfassung. Braunschweig, 1872.
7. Białuński G. Pruskie związki terytorialno-osadnicze w dorzeczu środkowej Łyny w XIII wieku // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2004. T. 1. S. 3—17.
8. Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 1 / hrsg. von C.S. Woelky, J.M. Saage. Mainz, 1860.
9. Codex Diplomaticus Warmiensis. Bd. 2 / hrsg. von C.S. Woelky, J.M. Saage. Mainz, 1864.
10. Denisov S. Prussian landholders from Warmia in the Teutonic State in the second half of the XIIIth — first half of the XIVth centuries // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2020. №4 (310). P. 475—496.
11. Długokęcki W. Kolonizacja ziemi chełmińskiej, Prus i Pomorza Gdańskiego do 1410 r. // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa, 2008. S. 200—217.
12. Dukavičienė I. XIII amžiaus prūsų asmenvardžiai prūsų registre // Acta Linguistica Lithuanica. 2015. T. LXXII. S. 221—245.
13. Engelbrecht E. Die Agrarverfassung des Ermland und ihre historische Entwicklung. München ; Leipzig, 1913.
14. Kasiske K. Die Siedlungstätigkeit des Deutschen Ordens im östlichen Preussen bis zum Jahre 1410. Königsberg, 1934.
15. Kielbik J. Administration of Warmia region in the light of its domestic laws // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2016. №4 (294). P. 709—725.
16. Koperkiewicz A. «Anno 1354 Kynstute, Algard... festinant in Wartenberg». O trudnych początkach Barcewa // Homini qui in honore fuit. Księga pamiątkowa poświęcona śs. Profesorowi Grzegorzowi Białuńskiemu / red. A. Dobrosielska, A. Pluskowski, S. Szczepański. Olsztyn, 2020. S. 285—308.
17. Kopiczko A. Głotowo w świetle dokumentu lokacyjnego i najstarszych zachowanych źrydeł archiwalnych // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2014. №1 (283). S. 2—20.
18. Petri de Dusburg. Chronicon terrae Prussae // Scriptores rerum prussicarum. Bd. 1 / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. S. 21—219.
19. Pollakówna M. Osadnictwo Warmii w okresie krzyżackim. Poznań, 1953.
20. Pottel B. Das Domkapitel von Ermland im Mittelalter. Borna ; Leipzig, 1911.
21. Powierski J. Państwo krzyżackie w Prusach // Warmia i Mazury. Zarys dziejów / Red. B. Łukaszewicz. Olsztyn, 1985. S. 95—136.
22. Preussisches Urkundenbuch. Bd. 1, Hft. 1 / hrsg. von R. Philippi. Königsberg, 1881.

23. Riemann E. Ostpreussische Volkstum um die ermländische Nordostgrenze. Königsberg ; Berlin, 1937.
24. Röhrich V. Geschichte des Fürstbistums Ermland. Braunsberg, 1925.
25. Schmauch H. Besiedlung und Bevölkerung des südlichen Ermlandes. Königsberg, 1932.
26. Szczepański S. Pomezania Pruska. Dzieje osadnictwa w XIII—XV wieku. Olsztyn, 2016.
27. Vercamer G. Siedlungs-, Sozial- und Verwaltungsgeschichte der Komturei Königsberg in Preussen (13.—16. Jahrhundert) / Einzelschriften der Historischen Kommission für ost- und westpreussische Landesforschung. Bd. 29 / hrsg. von U. Arnold. Marburg, 2010.

Об авторе

Сергей Александрович Денисов — канд. ист. наук, мл. науч. сотр., Институт археологии РАН, Россия.

E-mail: Densera@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

S. A. Denisov

THE COMPOSITION AND FUNCTIONS OF PRUSSIAN LOCATORS IN THE WARMIAN EPISCOPATE IN THE 14th CENTURY

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 13 April 2024

Accepted 16 July 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-5

To cite this article: Denisov S. A. 2024, The composition and functions of Prussian locators in the Warmian Episcopate in the 14th century, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 56—69. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-5.

The social institution of locators, alongside the feudal land tenure system, was one of the main methods for land development in the Teutonic Order's state. The position of a locator entailed establishing a settlement, attracting residents to its territory, and managing the social life of the new community. The formation of this group from the local population during the period of 1300-1370 raises the question of their status within the new social system, the key characteristics of which include their composition and functions. These aspects have been defined using typological and historical-comparative methods based on the records of the Warmian Episcopate. The records document land grants to a total of 190 locators, the majority of whom fall into two groups: those obligated to provide service and pay taxes, and those exempt from service but required to pay dues. Representatives of both groups had the right to build mills and taverns on their lands and were also responsible for allocating plots for the construction of parish churches. Their jurisdiction included both minor and major judicial powers. Throughout the period under review, the locators experienced processes of socio-economic stratification, exacerbated by the shrinking availability of free land and Lithuanian invasions. Measures to

support locators (such as inheritance of their position and property through both male and female lines, as well as rights to fishing and hunting) were applied according to the situation in each estate, ensuring stable land development within the episcopate's territory.

Keywords: Warmian episcopate, military service, locator, tax, settlement, Prussians

The author

Dr Sergey A. Denisov, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: Densera@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1080-223X>

Я. Г. Шепель

КАПШОВСКИЙ ПУТЧ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 12.06.2024 г.

Принята к публикации 18.07.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-6

70

Для цитирования: Шепель Я. Г. Капшовский путч в Восточной Пруссии: политические последствия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 70–80. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-6.

На основе архивных документов, материалов региональной и общегерманской прессы и личных источников рассмотрены отклики в Восточной Пруссии на Капшовский путч 1920 г., направленный на свержение законного правительства Веймарской республики. В отличие от большинства других германских земель в Восточной Пруссии путчисты были поддержаны многими представителями региональной политической элиты и бюрократии. В статье предпринимается попытка объяснить причины этой аномалии и выявить последствия поддержки путча частью местных политических акторов для дальнейшего развития провинции. Сделан вывод о том, что путч оказал заметное влияние на Восточную Пруссию, став своеобразной манифестацией постепенно назревавшего конфликта между региональной элитой и центральными властями в Берлине. Поражение путчистов и осуществленные правительством республики изменения в кадровом составе восточнопрусского чиновничества положили начало новому этапу в отношениях между столицей государства и самой восточной прусской провинцией.

Ключевые слова: Август Винниг, Веймарская республика, Вольфганг Капп, Восточная Пруссия, Капшовский путч, Кёнигсберг

Произошедший в марте 1920 г. Капшовский путч стал одним из первых политических кризисов Веймарской республики. Продлившись всего пять дней (с 13 по 17 марта), он имел важные политические последствия для первой германской демократии: изменился состав рейхстага, сменилось правительство рейха, претерпел изменения партийный ландшафт, произошли кадровые перестановки на уровне земель, в частности — в Пруссии [31, S. 191].

Историография путча довольно обширна, первые работы появились еще в 1920-е гг. [11; 27], а после 1945 г. увидели свет и серьезные исследования [18; 23]. При этом региональные аспекты истории путча не становились предметом изучения, пожалуй, за исключением Рурской области, где он перерос в локальную гражданскую войну. Интерес к этому

событию проявили и отечественные историки [3; 6], однако отклики на путч в восточных провинциях Пруссии до сих пор остаются практически не исследованными.

Цель настоящей статьи — реконструировать контекст событий Капповского путча в Восточной Пруссии, оценить мотивацию и действия его сторонников и оппонентов, охарактеризовать политические последствия. В качестве источников использованы неопубликованные архивные документы из Федерального архива Германии, материалы региональной прессы, воспоминания обер-президента Восточной Пруссии Августа Виннига.

Капповский путч в центре и на периферии

71

Организаторами путча выступили высокопоставленные военные и консервативные политики из Немецкой национальной народной партии (НННП) во главе с генералом Вальтером фон Лютвицем и Вольфгангом Каппом, поэтому в историографии события 13–17 марта 1920 г. часто называют путчем Каппа — Лютвица. Военных и гражданских, вышедших из среды консервативной буржуазии и остэльбского дворянства, объединяло неприятие Версальского договора и ненависть к демократическим завоеваниям Ноябрьской революции.

Вольфганг Капп имел тесные связи с Восточной Пруссией: в 1884 г. он женился на Маргарите Розенов, знакомство с семьей жены позволило ему войти в среду остэльбского дворянства, В. Капп также получил во владение поместье в Пильцене (округ Прейсиш-Эйлау). С 1907 по 1920 г. (с перерывом в 1916–1917 гг.) В. Капп возглавлял Восточнопрусское генеральное ландшафтное управление (*Ostpreußische Generallandschaftsdirektion*) — организацию, предоставлявшую кредиты провинциальным фермерам. Во время Первой мировой войны В. Капп занимался и политической деятельностью, в сентябре 1917 г. на собрании в Кёнигсберге он объявил о создании Немецкой отечественной партии [8]. В нее вошли такие восточнопруссские деятели, как обербургомистр Кёнигсберга Зигфрид Кёрте и ландесхауптман (глава провинциального ландтага) Манфред фон Брюннек [24, S. 117].

Однако отношение к будущему организатору путча со стороны провинциальной аристократии было довольно прохладным. Есть сведения о том, что Каппа считали сомнительным интриганом и «опасным прожектером» [24, S. 118], будущий руководитель путчистов не пользовался широкой поддержкой и среди населения, не был народным политиком. В 1919 г. у Каппа произошел конфликт и с обер-президентом Августом Виннигом [32, S. 38–39].

Утром 13 марта морская бригада Эрхардта заняла правительственный квартал Берлина. Законное правительство рейха бежало из столицы в Дрезден, а затем в Штутгарт и оттуда призвало граждан к всеобщей забастовке. Этот шаг был поддержан со стороны других парламентских партий. В условиях отсутствия поддержки со стороны чиновников и широких слоев населения путчисты довольно быстро потерпели поражение.

Исследователи сходятся в том, что в дни путча в Кёнигсберге сохранялась спокойная обстановка [22, S. 35; 28, S. 195] и население не присое-

динилось к всеобщей забастовке. В историографии без ссылок на первоисточники встречаются сведения и о том, что известие о путче вызвало в провинции «стихийный энтузиазм и демонстрации симпатий среди широких слоев населения» [24, S. 118]. Тезис о спокойной обстановке в провинции во время путча подтверждает и тот факт, что и после 17 марта в прессе нет сведений о произошедших уличных столкновениях, погибших защитниках республики или путчистах.

Видимо, в условиях отсутствия активной политической жизни местные политические игроки ограничивались тем, что выражали свою позицию с помощью символических актов. Например, о позиции того или иного чиновника можно было узнать по тому, какой флаг развевается над его ведомством: черно-бело-красный флаг кайзеровской Германии или черно-красно-золотой флаг республики [22, S. 35—36]. Единственным массовым политическим собранием в эти дни, вероятнее всего, стала торжественная смена караула перед Королевским замком 14 марта, организованная военными по дореволюционному образцу. В заметке об этом событии корреспондент писал, что над замком в тот момент развевалось «черно-бело-красное знамя нового германского республиканского правительства» и что этому примеру последовали бесчисленные города в провинции [19].

Можно выделить следующие причины подобного протекания путча в провинции. Во-первых, Восточная Пруссия в начале XX в. не славилась традициями политического радикализма — это была аграрная провинция, в которой социал-демократы стояли на довольно умеренных позициях, а независимые социалисты и коммунисты не имели большого политического веса. Во-вторых, пробудившаяся после Ноябрьской революции активность левых политических сил, например, солдат и матросов, сошла на нет после проведенной в марте 1919 г. акции по разоружению [2, с. 143—144; 5, с. 66—67]. В-третьих, жители провинции находились в информационной блокаде: из-за всеобщей забастовки в Германии отсутствовало стабильное телефонное, телеграфное и почтовое сообщение. Не ходил и железнодорожный транспорт между Кёнигсбергом и Берлином. Единственные «официальные» новости поступали из захваченного путчистами Берлина, которые в Кёнигсберге, судя по воспоминаниям А. Виннига, проходили цензуру в штабе военного округа [32, S. 75]. Например, неизвестно, дошла ли до Восточной Пруссии подписанная Ф. Эбертом листовка с призывом ко всеобщей забастовке [26].

Август Винниг — искренний сторонник путча?

Особого внимания заслуживает поведение главного восточнопрусского чиновника Августа Виннига, который в январе 1919 г. был назначен на должность имперского и государственного комиссара в Восточной и Западной Пруссии, а с августа того же года занял и кресло обер-президента Восточной Пруссии. Должность комиссара, подчиненного одновременно и правительству рейха, и правительству Свободного государства Пруссия, предполагала наличие довольно широких полномочий — от политических вопросов до вопросов снабжения. Старый социал-демократ Винниг обладал большим партийным и профсоюзным

опытом, в годы Первой мировой войны, работая в балтийских странах, он сблизился с консервативными офицерами. К моменту назначения на должность обер-президента Восточной Пруссии в 1919 г. Винниг уже имел довольно натянутые отношения с руководством СДПГ. Путч поставил точку в его чиновничьей карьере, однако позиция Виннига была не такой однозначной.

В первый день путча в ответ на вопрос журналиста кёнигсбергской газеты о том, какие последствия путч будет иметь для Восточной Пруссии, вернувшийся из Берлина Винниг коротко ответил, что «стремится обеспечить нейтральное положение провинции», а для ее жителей главное — «сохранить порядок и безопасность» [33]. На третий же день путча в «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» было опубликовано совместное заявление А. Виннига и генерала Эсторфа, в котором они признали «деятели нового правительства фактическими обладателями власти» и согласились поддерживать реализацию программы правительства Каппа [10]. Позже Винниг в воспоминаниях написал о том, как он принял такое решение. Это случилось вечером 13 марта, когда в кабинет к нему зашел офицер и сообщил, что он приглашен в штаб к Эсторфу. При встрече командующий округом объявил, что намерен поддержать правительство Каппа, зачитав Виннигу телеграммы из Берлина о том, что в столице успешно ведутся переговоры о создании коалиционного правительства и что социал-демократический полицай-президент Берлина уже вошел в состав нового кабинета. Позже Винниг вспоминал, как взвешивал все «за» и «против» и в итоге решил поддержать правительство Каппа.

Очевидно, что это решение было вынужденным. Исследователи вслед за Виннигом объясняют его тем, что обер-президент находящейся во «враждебном окружении» провинции стремился сохранить порядок накануне плебисцита в южных районах [22, S. 35; 28, S. 191]. Представляется, что свою роль сыграли и другие факторы.

Во время Первой мировой войны Восточная Пруссия стала единственной германской землей, на территории которой велись активные боевые действия. Восточным районам провинции был нанесен серьезный материальный ущерб. Согласно Версальскому договору, Восточная Пруссия оказалась отделена от основной территории Германии, была вытолкнута за пределы единого германского рынка [4, с. 229]. С началом войны также были разорваны существовавшие прежде тесные экономические связи с Россией. Воссозданные в Восточной Европе государства — Польша и Литва — активно претендовали на приграничные территории провинции, в которых проживало польскоговорящее и литовскоговорящее население. В условиях ослабления внимания со стороны правительства рейха, занятого решением множества других вопросов, население Восточной Пруссии и провинциальные элиты стали разочаровываться в политике Берлина. Один из осведомителей докладывал в ноябре 1919 г. секретарю рейхсканцелярии, что у жителей провинции усиливалась «усталость от рейха» („Reichsmüdigkeit“), им казалось, что родина оставила их на произвол судьбы [13, Bl. 12].

Между различными провинциальными и центральными ведомствами велась переписка по ключевым вопросам. Периодически проис-

ходили и личные встречи. Так 9–11 марта 1920 г. в Берлине в Министерстве внутренних дел была организована первая «Восточнопрусская конференция». В ней приняли участие представители провинциальной элиты: обер-президент и рейхскомиссар А. Винниг, обербургомистр Кёнигсберга Х. Ломайер, восточнопруссские депутаты рейхстага, главы торговых палат и т.д. Руководил совещанием сам рейхсминистр Эрих Кох-Везер, 11 марта к переговорам присоединился рейхсканцлер Бауэр, министр-президент Пруссии и трое министров прусского правительства [16, Вл. 17–18, 21–21об].

На конференции обсуждалось требование представителей провинции создать в Берлине специальное восточнопруссское представительство, подчиняющееся обер-президенту. Глава этого органа должен был также стать представителем провинции в рейхсрате, присутствовать и голосовать на заседаниях правительств рейха и Пруссии по вопросам, касающимся провинции [16, Вл. 15об]. Кроме того, они требовали расширить полномочия обер-президента, создать провинциальный экономический совет и обеспечить стабильное транспортное сообщение между провинцией и основной территорией Германии [16, Вл. 16].

Примечательно, что на конференции одним из представителей провинции был Вольфганг Капп, он посетил только первое заседание 9 марта. 11 марта ландшафтсдиректор сослался на плохое самочувствие и не пришел на заседание [32, S. 73]. В этот же день министр Носке, узнавший о готовящемся путче, отдал приказ об аресте Каппа, но тот был предупрежден и скрылся [1, с. 143]. В те дни в министерстве присутствовали и другие будущие участники Капповского путча: регирунгспрезидент Магнус фон Браун и ландесхауптман Брюннек [16, Вл. 17–18, 21–21об].

Возвращаясь к вопросу о том, что сподвигло Виннига поддержать Каппа, нельзя не обратить внимание на неудачное завершение «Восточнопруссской конференции», когда «никто не снизошел до того, чтобы нас выслушать» [32, S. 74]. В опубликованных уже в нацистской Германии воспоминаниях автор писал о Капповском путче с позиций последовательного критика республики:

«Я не могу скрыть тот факт, что мне казалось, будто нам очень повезло. Год с лишним я с нарастающим неудовольствием наблюдал за работой нового руководства, видел их беспомощность, а то и некомпетентность, месяцами сомневался в их доброй воле. Теперь позади остались три дня, которые еще раз показали мне, что это руководство не соответствует тем задачам, которые на него возложены; я не мог сожалеть о его падении, оно того заслуживало, и Капп избавил нас от него» [33, S. 294–295].

Брешь в бастионе немецкой демократии?

После завершения путча правительство Пруссии, пораженное масштабами поддержки путчистов в восточных провинциях, изменило кадровую политику, министр-президентом самой большой германской земли стал уроженец Кёнигсберга Отто Браун, а пост министра внутренних дел занял Карл Северинг. Новые люди должны были ускорить демократизацию бюрократического аппарата и наказать сторонников

Каппа. Это условие было также одним из пунктов Билефельдского соглашения, заключенного во время Рурского восстания между представителями германского правительства и Рурской Красной армии. В Восточной Пруссии местные деятели СДПГ 20 марта потребовали отпустить в отставку Эсторфа, Виннига, Брюннека, регирунгспрезидента Брауна и всех ландратов, поддержавших путч, аналогичное требование звучало и со стороны городского совета Тильзита [17; 21]. Историк Генрих-Август Винклер писал, что в ходе кадровых перестановок были созданы предпосылки для превращения Пруссии в «бастион» немецкой демократии [1, с. 154]. Однако детальное изучение хода «демократизации» в Восточной Пруссии склоняет к более умеренной оценке достигнутых результатов.

На высшем уровне провинциальной бюрократии действительно произошли громкие перестановки: 22 марта обер-президент А. Винниг подал прошение об отставке, одновременно с этим он был исключен из СДПГ [25, S. 58; 34]. Временно исполняющим обязанности обер-президента 14 апреля был назначен Эрнст Зир — уроженец Инстербурга, видный член Немецкой демократической партии, депутат рейхстага от Восточной Пруссии [25, S. 58]. Должность рейхскомиссара и государственного комиссара Восточной и Западной Пруссии 31 марта занял кенигсбергский социал-демократ Альберт Боровский [12, Bl. 14]. Таким образом, занимаемые Виннигом должности теперь были разделены между двумя чиновниками¹.

Рейхспрезидент Ф. Эберт в распоряжении о назначении А. Боровского поставил ему две задачи: во-первых, выяснить, кто из военных или гражданских поддержал путч или выступил против него, а следовательно должен быть взят под стражу или, наоборот, выпущен на свободу; а, во-вторых, назвать имена тех, кто должен быть отстранен от службы из-за своего участия в путче. В распоряжении Эберта было также указано, что все гражданские и военные чиновники провинции должны всячески поддерживать расследование рейхскомиссара [12, Bl. 14.]. Новый рейхскомиссар создал специальную комиссию по расследованию событий Капшовского путча в Восточной Пруссии. С одной стороны, в нее вошли местные политики, представлявшие партии Веймарской коалиции: редактор «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» Дюк (НДП), земельный экономический советник (Landesökonomierat) Грац (Партия Центра); с другой стороны, членами комиссии стали чиновники: судебный советник Крюгер, почтовый секретарь Лаубшат, городской архитектор Темминг [14, Bl. 184–185].

Несмотря на требование рейхспрезидента о содействии расследованию, работа комиссии А. Боровского саботировалась на местах. Например, отделение Союза почтовых работников в Тильзите на общем собрании 17 апреля приняло следующую резолюцию: «По соображениям человеческой и коллегиальной порядочности мы раз и навсегда отказываемся от любого содействия в обличении коллег. Ни при каких обстоятельствах и никогда мы не поддадимся на призывы к подобным доносам» [12, Bl. 410].

¹ О конфликте между Боровским и Зиром см: [7, с. 107].

Военнослужащие также препятствовали деятельности рейхскомиссара. Так, в ходе путча и в первую неделю после него, когда обстановка все еще была накалена в контексте событий в Рурской области, военные задерживали гражданских, которые выступали против путчистов и призывали ко всеобщей забастовке (коммунистов, членов СДПГ и НДП). Впрочем, число задержанных было невелико. Например, в округе Лабиау 23 марта под стражу было взято всего девять человек [14, Вл. 180]. По требованию рейхскомиссара их постепенно освобождали, последний покинул заключение 3 мая.

Однако в ходе расследования А. Боровский узнал, что еще до путча военные и гражданские власти составили списки неблагонадежных граждан, прежде всего социал-демократов и представителей НДП, которые должны были быть интернированы в случае начала беспорядков. Рейхскомиссар потребовал эти списки у регирунгспрезидентов, чиновники ответили, что у них подобных списков нет. Представители окружного военного командования подтвердили факт составления списков до путча, но указали на то, что во время путча обнаружилось, что сведения, содержащиеся в них, устарели, и в итоге они были уничтожены. Дальнейшие поиски ни к чему не привели.

Третьего июля 1920 г. А. Боровский направил итоговый отчет о проделанной работе рейхспрезиденту Ф. Эберту, в котором признался, что расследование проводилось медленно, во многих случаях дела не удавалось возбудить из-за отсутствия каких-либо надежных документальных доказательств и в этих обстоятельствах он «был приговорен к роли обычного статиста». Интересна его характеристика поведения жителей провинции: «Когда я вступил в должность, это было встречено всем верным конституции населением как знак того, что правительство готово принять беспощадные меры против виновников и участников государственного переворота, собравшихся здесь, в Восточной Пруссии. Однако по мере того, как бездействие властей становилось очевидно, доверие населения к правительству ослабевало и уступало место тем настроениям, которые царили в Восточной Пруссии до 13 марта этого года» [14, Вл. 193].

К отчету прилагались именные списки чиновников и представителей рейхсвера, «против которых начато или предвидится следствие из-за поддержки государственного переворота» [14, Вл. 194–196]. В них включено 88 фамилий местных чиновников и коммунальных служащих (35 человек, из них 17 – ландраты), лесничих (9 человек), а также директоров учебных заведений, учителей, священников. Подозреваемые в причастности к путчу были из разных мест, в том числе по семь человек из Кёнигсберга и Гумбиннена, шестеро из Шталлупёнена, пятеро из Тильзита и т. д.

Судьбы высшего и среднего звеньев провинциальной бюрократии (регирунгспрезидентов и ландратов), поддержавших путч, заслуживают особого внимания. В Восточной Пруссии в то время на три правительственных округа было два регирунгспрезидента. Возглавлявший Кёнигсбергский и Алленштайнский округа Маттиас фон Оппен сохранил лояльность, а руководитель Гумбинненского округа Магнус фон Браун из-за публичной поддержки Каппа в ведомственной газете «Gumbinner Kreisblatt» был отстранен от должности после путча [9; 25, S. 62].

Рассмотрим общую характеристику сорока восточнопрусских ландратов, назначавшихся прусским правительством при одобрении местного крайстага. Это были чиновники среднего возраста (среднее значение — 43 года), имевшие преимущественно дворянское происхождение, в основном беспартийные. Двадцать из сорока заняли свой пост уже после Ноябрьской революции¹. Действия ландратов, обвиненных в причастности к путчу, сводились к тому, что они могли опубликовать в районной ведомственной газете свои личные заявления о поддержке путча или распорядились перепечатать заявления Виннига и Эсторфа. Некоторых из них также обвиняли в том, что они вывесили над зданием своей резиденции черно-бело-красный флаг или объявили о формировании отрядов гражданской самообороны [24, S. 129].

В историографии встречаются разные мнения относительно того, сколько ландратов потеряло свой пост после Капшовского путча. Французский историк Фербёф пишет, что от своих обязанностей были освобождены «все ландраты, кроме четырех», то есть 36 [20, p. 436—437]. Клаус фон Грёбен приводит сведения о двенадцати ландратах [24, S. 127]. По подсчетам автора, после путча своих должностей лишились 14 чиновников: в полном составе было отстранено 11 ландратов из Гумбинненского округа, за ними последовали 3 из Кёнигсбергского округа.

Приведенные данные позволяют, во-первых, обозначить особое положение Гумбинненского округа, он оказался единственным, в котором регирунгспрезидент поддержал Капша, а ландраты ориентировались на действия вышестоящего начальства [24, S. 129—130].

Во-вторых, большая часть отстраненных ландратов (10 из 14) заняла свои посты уже после ноября 1918 г., то есть они были назначены уже новым правительством Пруссии. Этот факт отражает характер кадровой политики прусских властей в первый год после Ноябрьской революции: правительство ради сохранения стабильности стремилось избежать массовых отставок в корпусе ландратов [24, S. 126].

В-третьих, примечательно, что в Алленштайнском административном округе ни один ландрат не потерял свою должность, хотя по своим взглядам они мало чем отличались от их коллег из Гумбиннена², многие были выходцами из дворянской аристократии, по крайней мере, трое состояли в Немецкой национальной народной партии. Можно предположить, что они избежали отставки из-за приближающегося плебисцита.

Необходимо также подчеркнуть, что не все ландраты, обвиненные Боровским в поддержке путчистов, были отстранены от должности: шестью удалось сохранить должности благодаря грамотной юридической защите и хорошо организованной общественной поддержке.

Капшовский путч не рассматривается в историографии как важная веха в истории Восточной Пруссии в период Веймарской республики. Между тем настоящее исследование показывает, что он был проявле-

¹ В НННП состояли: Г. фон Кюлевайн (Зенсбург), В. фон Мирбах (Найденбург), М. Петерс (Люк), Г. Готтхайнер (Йоханнисбург), Г. Роде (Гольдап), Н. Роберт-Горнов (Прейсиш Холланд), О. Константин (Лабиау). В Партии Центра: Й. Вальдхаузен (Рётцель). В СДПГ: Г. Хониг (Мемель).

² О монархических воззрениях ландратов см. подробнее: [29, S. 235—239].

нием постепенно назревавшего конфликта между политическими элитами Кёнигсберга и центральными властями в Берлине. Представители провинции, в частности, А. Винниг, были не удовлетворены исходом Восточнопрусской конференции и, вероятно, были задеты пренебрежительным отношением со стороны министров. Провинциальные деятели, даже не испытывавшие симпатий к Капшу, увидели в путче надежду на установление новых отношений между центром и периферией, тем более, что члены нового правительства были им «классово близкими» и имели давние связи с восточнопрусским истеблишментом.

Несмотря на то, что путчисты потерпели поражение, речи о сохранении статус-кво во взаимоотношениях Берлина и Кёнигсберга не шло. Под лозунгом демократизации правительство Пруссии назначило на пост обер-президента искреннего демократа и сторонника республики Э. Зира. В период его правления (1920–1932) будут расширены полномочия обер-президента, начнется активное восстановление восточнопрусской экономики, провинциальные и центральные власти совместно будут организовывать программы помощи провинции. Однако на среднем уровне бюрократии, в корпусе ландратов, кадровые изменения не приобрели характера чистки. Во многих случаях комиссия Боровского не смогла привести неопровержимые доказательства виновности подозреваемых, настоящие сторонники путчистов тихо покидали свои должности и впоследствии продолжали делать политическую карьеру. Для чиновников в Алленштайнском округе индульгенцией на освобождение от наказания стал чрезвычайно успешный для немцев плебисцит о государственной принадлежности Вармии и Мазур, состоявшийся 11 июля того же года.

Таким образом, Капшовский путч стал завершением определенного периода во взаимоотношениях между восточнопрусскими и центральными политическими акторами. Этот период связан с неудачными попытками обер-президентов А. фон Батоцкого и А. Виннига добиться для себя более широких полномочий в условиях новых вызовов после Первой мировой войны. После провала путча и назначения в Кёнигсберг Э. Зира отношения между высшей провинциальной бюрократией и центральными властями стали более доверительными. Однако отсутствие серьезного прогресса в обновлении и демократизации кадров на нижних уровнях провинциальной бюрократии предопределило формирование особой консервативной атмосферы в общественно-политической жизни самой восточной прусской провинции.

Список литературы

1. Винклер Г. А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М., 2013.
2. Гальцов В. И., Сергеев В. В. От войны к революции: Восточная Пруссия в 1917–1918 годах // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. СПб., 2018. № 18 (1). С. 134–147.
3. Дамье В. В. Немецкие анархо-синдикалисты и рабочие Рура (1919–1920 годы): от Ноябрьской революции до Капшовского путча // Новая и Новейшая история. 2020. № 5. С. 76–97.

4. Костяшов Ю. В. Геополитические последствия войн XVIII—XX веков для Восточной Пруссии // Русский сборник. 2016. Вып. 8/2. С. 228—232.
5. Кретилин Г. В., Макарычев А. С. «400 дней Восточной Пруссии» Августа Виннига: опыт конъюнктурной мемуаристики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. №1. С. 61—70.
6. Панкевич Ф. И. Капповский путч в Германии. М., 1972.
7. Шиндо Р. Расширение компетенции обер-президента провинции Восточная Пруссия в период Веймарской республики // Калининградские архивы. 2008. Вып. 8. С. 92—101.
8. [Eine neue deutsche Partei...] // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1917. 9. September. S. 1.
9. [Herr Regierungspräsident...] // Extra-Blatt zu №11 des "Gumbinner Kreisblatts". 1920. 15. März.
10. Bekanntmachung // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 15. März. S. 1.
11. Bernstein R. Der Kapp-Putsch und seine Lehren. Berlin, 1920.
12. Bundesarchiv. R 1501/20108 (Kriegszustand.- Revolutionäre Streiks, Aufstände und Unruhen, insbes. durch kommunistische und linksradikale Gruppierungen. Band 4. Teil 1).
13. Bundesarchiv. R 43-I/1847 (Ostpreußen, insbes. Hilfsmaßnahmen. Band 1).
14. Bundesarchiv. R 43-I/1848 (Ostpreußen, insbes. Hilfsmaßnahmen. Band 2).
15. Bundesarchiv. R 43-I/1849 (Ostpreußen, insbes. Hilfsmaßnahmen. Band 3).
16. Bundesarchiv. R 601/601 (Erhaltung und Förderung des Deutschtums in den abgetretenen Ostprovinzen).
17. Ein Tilsiter Stadtverordneten-Beschluß // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 20. März. S. 8.
18. Erger J. Der Kapp-Lüttwitz-Putsch. Ein Beitrag zur deutschen Innenpolitik 1919/1920. Düsseldorf, 1967.
19. Fahnenwechsel am Königsberger Schloß // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 14. März. S.
20. Ferrebeuf F. Le district de Königsberg en Prusse-Orientale. Strasbourg, 2023.
21. Forderung der Mehrheitssozialisten // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 20. März. S. 5.
22. Gause F. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Band III: Vom Ersten Weltkrieg bis zum Untergang Königsbergs. Köln, 1996.
23. Gietinger K. Kapp-Putsch: 1920 — Abwehrkämpfe — Rote Ruhrarmee. Stuttgart, 2020.
24. Groeben K., von der. Verwaltung und Politik 1918—1933 am Beispiel Ostpreußens. Kiel, 1988.
25. Hertz-Eichenrode D. Politik und Landwirtschaft in Ostpreußen 1919—1930. Untersuchung eines Strukturproblems in der Weimarer Republik. Wiesbaden, 1969.
26. Historisches Flugblatt der SPD vom 13. März 1920. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kapp-Putsch-Plakat_Lehnert.jpg (дата обращения: 01.05.2024).
27. Jansen R. Der Berliner Militärputsch und seine politischen Folgen. Berlin, 1920.
28. Klatt R. Ostpreussen unter dem Komissariat. Heidelberg, 1958.
29. Kossert A. Ostpreußen: Geschichte und Mythos. München, 2005.
30. Oberpräsident Winnig: neutral // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 13. März. S. 3.

31. Orlow D. Preussen und der Kapp-Putsch // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1978. Jahrgang 26. Heft 2. S. 191 – 236.

32. Winnig A. 400 Tage Ostpreussen. Dresden, 1928.

33. Winnig A. Heimkehr. Berlin, 1935.

34. Winnigs Parteiverrat // Volkswacht. 1920. 30. März. S. 3.

Об авторе

Яков Геннадьевич Шепель — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: iakovshep@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9160-2140>

80

Ia. G. Shepel

THE KAPP PUTSCH IN EAST PRUSSIA: POLITICAL CONSEQUENCES

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 12 June 2024

Accepted 18 July 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-6

To cite this article: Shepel Ia. G. 2024, The Kapp Putsch in East Prussia: political consequences, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 70 – 80. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-6.

Based on archival documents, materials from regional and national German press, and personal sources, the article examines the reactions in East Prussia to the Kapp Putsch of 1920, which aimed to overthrow the legitimate government of the Weimar Republic. Unlike most other German territories, the putschists in East Prussia were supported by many representatives of the regional political elite and bureaucracy. The article attempts to explain the reasons for this anomaly and to identify the consequences of the support for the putsch by part of the local political actors on the further development of the province. The article concludes that the putsch had a significant impact on East Prussia, serving as a manifestation of the growing conflict between the regional elite and the central authorities in Berlin. The defeat of the putschists and the changes in the composition of the East Prussian bureaucracy made by the republican government marked the beginning of a new phase in the relations between the state capital and the East Prussian province.

Keywords: August Winnig, Weimar Republic, Wolfgang Kapp, East Prussia, Kapp Putsch, Königsberg

The author

Iakov G. Shepel, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: iakovshep@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9160-2140>

И. И. Жуковский¹

**ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
«ИНИЦИАТИВЫ ТРЕХ МОРЕЙ»
В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПОВЕСТКЕ
ПОЛЬСКИХ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ**

81

ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия
Поступила в редакцию 14.06.2024 г.
Принята к публикации 06.07.2024 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-7

Для цитирования: Жуковский И. И. Политико-экономическая проблематика «Инициативы трех морей» в исследовательской повестке польских экспертно-аналитических центров // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 81–91. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-7.

Проведено изучение исследовательской повестки наиболее влиятельных польских экспертно-аналитических центров, занимающихся информационным и экспертным сопровождением внешнеполитической деятельности. Выявлены основные политико-экономические аспекты реализации «Инициативы трех морей», которые находятся в фокусе внимания польского экспертного сообщества. Исходя из массива представленных в открытом доступе экспертиз и аналитических докладов, представлена оценка характера деятельности экспертно-аналитических центров, содержательно обеспечивающих формирование зоны преимущественных внешнеполитических и внешнеэкономических интересов Республики Польша в рамках реализации «Инициативы трех морей».

Ключевые слова: «Инициатива трех морей», внешнеполитическая экспертиза, международные отношения в регионе Балтийского моря, внешняя политика Польши

Введение

«Инициатива трех морей» (далее – ИТМ) – проект, инициированный президентом Польши Анджеем Дудой совместно с президентом Хорватии Колиндой Грабар-Китарович в 2015 г. как попытка определить и консолидировать новые источники роста национальных экономик стран-членов ЕС, расположенных между тремя морями: Балтийским, Черным и Адриатическим. Изначальный замысел проекта

предполагал преимущественно инфраструктурное (ресурсное) изменение: транспортное (построение эффективной транспортной сети в регионе), энергетическое (обеспечение энергетической безопасности и развитие конкуренции среди поставщиков энергетических ресурсов) и цифровое развитие (цифровизация экономики). Однако стремление Польши синхронизировать повестку и практические шаги по реализации проекта с целями политического и экономического освоения региона Балто-Черноморья, равно как и конфликт на Украине определили новую идентичность ИТМ — политизированную, конфронтационную по отношению к России.

Именно поэтому для российских исследователей весьма актуальным становится изучение ИТМ в самых разных контекстах: от проблематики роли ИТМ в формировании актуальной и перспективной системы безопасности до определения мотивов и форматов участия малых стран ЕС в ИТМ, а также алгоритмов и целей «втягивания» Молдавии, Грузии и Украины в орбиту проектов ИТМ. Учитывая роль Польши в формировании повестки и практических шагов реализации ИТМ, важно понимать взгляды и оценить возможности польского экспертного сообщества в информационно-аналитическом сопровождении и разъяснении ИТМ для целевых международных и внутривосточных аудиторий.

Методы и материалы

Российские исследования различных аспектов реализации ИТМ появились буквально «по горячим следам»: уже в 2018 г. Н.Л. Шишелина предприняла серьезный анализ истоков возникновения и современного облика политико-экономического проекта ИТМ (каковым он изначально и позиционировался) [5]. При оценке исторический опыт региона обращает внимание на факт операционализации Польшей идеи формирования буферной зоны между Россией и Германией (ядром Европы) как внешнеполитической амбиции при поддержке США. В свою очередь, М.В. Хорольская, изучая специфику подхода ФРГ к ИТМ, предлагает вполне рациональный и оправданный подход, в соответствии с которым можно оценивать участие конкретного государства в ИТМ (в случае автора — ФРГ) с точки зрения рисков и возможностей для российских внешнеполитических и внешнеэкономических интересов [4].

Отдельно вопрос о реализации ИТМ рассматривался отечественными исследователями, изучающими актуальную внешнеполитическую активность Польши: на страницах журнала «Россия в глобальной политике» опубликованы два солидных материала, в которых ИТМ представлена органичным инструментом польского стремления сформировать зону преимущественного влияния [1; 3]. Тем не менее проблематика стремительно политизирующейся и приобретающей измерение безопасности «Инициативы» создает множество интересных исследовательских зон и лакун.

Одним из значимых вопросов, учитывая нарастающую роль Польши в продвижении своей повестки в ИТМ, является понимание того, как изменяющаяся «Инициатива трех морей» представляется в результатах работы польского экспертно-аналитического сообщества — общедо-

ступных аналитических обзорах, интервью для СМИ, научных статьях в ключевых польских журналах и тематических докладах, которые и послужили источниковой базой для целей настоящего исследования (были проанализированы релевантные тематике ИТМ материалы за последние пять лет, опубликованные на официальных ресурсах польских экспертно-аналитических центров). Понимание ключевых нарративов, господствующих в польских экспертных кругах, необходимо сообществу не только российских, но и зарубежных экспертов-международников и внешнеполитических администраторов — в этом автор видит прикладное значение выполненного исследования. Используя методы сравнительного содержательного анализа документов и сопоставления полученных результатов с декларированными целями ИТМ, автор сформулировал следующую исследовательскую задачу: проанализировать доступные результаты работы ведущих экспертно-аналитических центров (далее — ЭАЦ) Польши по тематике ИТМ, чтобы выявить ключевые нарративы, транслируемые на международные и внутривосточные целевые аудитории. Важным дополнительным результатом исследования автор видит ввод в научный оборот ценных материалов по польскому взгляду на ИТМ и представление экспертного потенциала польских исследователей указанной проблематики. Рабочей гипотезой является предположение о преимущественно комплиментарном характере представления ИТМ в исследовательской деятельности польских ЭАЦ в целях поддержки внешнеполитических усилий страны по формированию зоны политического и экономического освоения.

Анализ

Республика Польша — ключевой игрок ИТМ, формирующий не только ее содержательную повестку, но и вкладывающий значительные средства в создание финансовых механизмов реализации проектов. Содержательное участие Польши в формировании повестки ИТМ с рубежа 2022 — 2023 гг. изменилось и теперь направлено на построение идентичности «Инициативы» как значимого регионального блока в рамках Европейского Союза при сопряжении политического наполнения ИТМ с целями польской внешней политики в регионе. Напомним, что в Польше существует надпартийный политический консенсус по ключевым внешнеполитическим вопросам: независимо от того, что ИТМ была выдвинута (и реализовывалась) до конца 2023 г. представителями партии «Право и справедливость», при смене правящей партии на «Гражданскую платформу» произошли лишь тактические корректировки внешнеполитического курса — в том числе и сохранилась преемственность в блоке вопросов ИТМ, что нашло свое отражение в представлении Министром иностранных дел Польши информации о задачах внешней политики на 2023 г. [8].

В польской системе экспертного обеспечения и организационного сопровождения внешнеполитической деятельности заметную роль играют ЭАЦ, реализующие разнообразные исследовательские проекты, в том числе и за счет средств органов государственной власти и фондов ЕС. Исследовательская повестка ЭАЦ фактически отражает актуальные

направления польской внешней политики: в рамках публичной части своей деятельности ЭАЦ собирают и обрабатывают внешнеполитическую информацию, разъясняют и обосновывают значимые проблемы международных отношений и транслируют результаты своей экспертизы на ключевые национальные и международные целевые аудитории. Более того, состоя в научно-академическом сотрудничестве и участвуя гуманитарном освоении ареалов преимущественных внешнеполитических интересов Польши, что само по себе является значимым ресурсом на международной арене [2; с. 24], ЭАЦ деятельно поддерживают реализацию задач внешней политики Польши, в том числе и в регионе реализации ИТМ.

Рассмотрим результаты работ ключевых польских ЭАЦ, классифицированных автором как релевантные в разрезе поставленных исследовательских задач.

Польский институт международных проблем (далее – ПИМП)¹ – один из ведущих ЭАЦ, обеспечивающих органы государственной власти Польши аналитической информацией по ключевым вопросам международных отношений и внешней политики зарубежных стран. Основной экспертный ресурс исследовательского подразделения ПИМП – Бюро анализа исследований – ведет аналитическую работу по направлениям польской внешней политики и внешнеэкономических интересов государственных корпораций на зарубежных рынках. В исследовательской повестке ПИМП тематика ИТМ фигурировала начиная с 2017 г. в контексте аспектов обеспечения энергетической безопасности, предполагалось использование коллективного лоббингового потенциала стран ИТМ для перераспределения ресурсов ЕС на так называемый «восточный фланг», обеспечивая взаимозаменяемость ключевых маршрутов транзита и перераспределения газа [6; 7]. Что характерно, в 2017–2018 гг. в экспертизах ПИМП не затрагивается политическое измерение ИТМ: опубликованные результаты исследований преимущественно касаются конкретных инфраструктурных проектов и видения образа будущего региона с учетом возможностей для польского бизнеса экономического освоения региона ИТМ.

ИТМ в позднейших публикациях ПИМП не фигурировала как отдельная значимая тема – лишь рутинно появлялись материалы, посвященные очередным саммитам ИТМ, детально описывались приоритетные зоны переговоров и оценивались принятые решения. В апреле 2024 г. ПИМП опубликовал солидный аналитический доклад «Региональное сотрудничество в Центральной Европе после нападения России на Украину – изменения и перспективы» авторства наиболее авторитетных своих экспертов по проблематике регионального развития: Якуба Пеньковского, Лукаша Огородника, Кинги Дудзиньской, Вероники Южвяк, Томаша Жорначука [16].

В докладе анализируется место регионального сотрудничества в существующих институционализированных форматах во внешней политике стран Центральной Европы. Одной из форм межрегионального сотрудничества авторы доклада видят ИТМ, но подчеркивают суще-

¹ Название на польском языке: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych.

ствование двух пулов государств-участников: продвигающих инициативу — Польши, Румынии и Хорватии, и выраженных пассивных участников — Австрии, Чехии, Словакии и Венгрии. Ключевой проблемой ИТМ и вызовом для польской внешней политики с точки зрения авторов доклада остается отсутствие значимого ресурсного обеспечения для реализации интегрирующих регион и формирующих региональную идентичность проектов, что с учетом преимущественного финансового вклада Польши не позволяет рассматривать ИТМ как органическую и устойчивую инициативу [16].

Обращает на себя внимание факт, что проблематика ИТМ имеет тенденцию к замещению во внешнеполитической повестке тематики Вышеградской группы (далее — ВГ), в которой существуют принципиальные разногласия между участниками (например, в приводимой уже выше информации министра иностранных дел Польши по направлениям реализации внешней политики в 2023 г. ИТМ упоминалась первой из региональных форм сотрудничества, а ВГ — третьей) [9].

Важным замечанием в резюмирующей части доклада стала увязка будущего облика ИТМ с активной ролью Польши: с учетом саммита 2025 г. в Варшаве и председательства Польши в ЕС в 2025 г. Предполагается, что повестка ИТМ будет наполняться в том числе и вопросами послевоенного будущего Украины, а также перспектив реализации инфраструктурных проектов ИТМ (заметим — изначально декларированного профиля инициативы) с учетом задач региональной безопасности и вовлечения новых региональных партнеров. В транслируемом нарративе ПИМП ИТМ представлена как проект, образ будущего которого активно формируется Польшей с учетом образования задела для экономического освоения польским бизнесом региона ИТМ и создания зоны исключительных внешнеполитических интересов Польши, щедро финансируемой из привлеченных средств фондов ЕС (между строк читается ожидание результатов от председательства Польши в ЕС как раз во время борьбы за долговременные финансовые потоки) и создаваемых проектных инструментов ИТМ (с участием США, Японии и др.).

Интересен для цели настоящего анализа опыт работы Исследовательского центра Инициативы трех морей при Институте политических исследований Польской академии наук (далее — ИЦ ИТМ)¹. Его заявленной целью является развитие научных исследований и введение в научный оборот знания по проблематике сотрудничества тринадцати государств между Балтийским, Черным и Адриатическим морями по приоритетным направлениям ИТМ. Кроме того, декларируется стремление к формированию международной экспертной сети (где ИЦ ИТМ играет роль точки сборки) по указанной проблематике.

ИЦ ИТМ является экспертно-аналитическим центром, наиболее активно продвигающим внешнеполитические интересы Польши по проблематике ИТМ в международном экспертном сообществе. Агнешка Ожельска-Стончек, руководительница ИЦ ИТМ, вовлекается в подготовку и проведение экспертных конференций в рамках официальных

¹ Название на польском языке: Centrum Badawcze Inicjatywy Trójmorza (CB3SI) przy Instytucie Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk.

мероприятий на высшем уровне (например, Бизнес-форума ИТМ с участием Президента Литовской Республики **Г. Науседы** и Президента Республики Польша **А. Дуды**). Г. Науседа в интервью телеканалу ТВП Вильно привел организованную ИЦ ИТМ конференцию в качестве примера эффективного взаимодействия литовских и польских исследователей, имеющих целью совместное лидерство в исследовательской повестке ИТМ [10].

Приоритетные зарубежные страны, в которых ИЦ ИТМ взаимодействует с лицами, принимающими решения и экспертным сообществом — это Словакия, Литва, Чехия, Венгрия, Румыния и Греция. ИЦ ИТМ сторонится вопросов военно-политической проблематики и проблематики безопасности и обороны, оставаясь академическим исследовательским центром, продвигающим выгодные для польской внешнеполитической повестки тезисы среди целевых аудиторий (экспертное сообщество, политические круги, журналистское сообщество).

Исходя из анализа научных публикаций, материалов аналитических докладов ИЦ ИТМ и выступлений экспертов ИЦ ИТМ в СМИ за последние пять лет, можно выделить несколько приоритетных в настоящее время направлений экспертно-аналитической работы:

- *ИТМ в практике внешней политики Польши и стран-участников;*
- *ИТМ как новая форма межрегионального взаимодействия стран-участников в рамках развития инфраструктуры, экономико-политических условий инвестиций, научно-образовательного сотрудничества;*
- *возможности малых государств в рамках инициативы.*

Ключевые тезисы, продвигаемые ИЦ ИТМ на международной арене:

- *резкое усиление значения ИТМ в повестке ЕС (в связи с украинским кризисом и актуальностью модернизации инфраструктуры в том числе в военных целях);*
- *особое значение грядущего саммита ИТМ в Варшаве в 2025 г. и председательства Польши в ЕС в точки зрения лоббирования в ЕС средств, предназначенных для проектов ИТМ в рамках Многолетнего финансового плана ЕС;*
- *необходимость формирования и прикладное значение международных экспертных групп по ключевым направлениям работы ИТМ (в которых предполагается активное участие польских экспертов).*

Коллективный региональный интерес с точки зрения экспертов ИЦ ИТМ проявляется не только в укреплении региональной идентичности, но и в конкретных лоббистских усилиях во имя финансовых интересов региона в рамках распределения ресурсов внутри ЕС — в рамках его Многолетнего финансового плана. Политическая составляющая проекта определяется как неизбежность повышения субъектности региона (в том числе с учетом перспективы польского председательства в ЕС), что определяет необходимость активного формирования международной повестки со стороны Польши в регионе ИТМ для достижения своих внешнеполитических целей.

В своей аналитической работе в 2024 г. ИЦ ИТМ сосредотачивается на изучении конкретных инструментов финансирования проектов ИТМ, подчеркивая роль Польши как неформального лидера ИТМ, в том числе и через создание финансовых инструментов реализации сотрудничества при помощи польского Банка народного хозяйства (далее — ВГК).

Тем не менее подчеркивается, что ИТМ носит характер взаимовыгодного регионального партнерства, которое способно формировать повестку ЕС в регионе [12].

Заметную роль в исследовательском ландшафте ИТМ играет Институт новой Европы (далее — ИНЕ)¹ — экспертно-аналитический центр, финансируемый из средств правительственной Программы развития общественных организаций 2018—2030 гг. ИНЕ связан через ключевых сотрудников с окологосударственными структурами, что определяет содержание исследовательской и организационно-событийной повестки (Агнешка Легуцка — сотрудник Польского института международных проблем; Роберт Кроплевский — экс-уполномоченный Министерства цифровизации по вопросам информационного общества; программным руководителем направления ИТМ является Томаш Павлушко — экс-сотрудник Академии сухопутных войск польской армии).

Приоритетные направления реализуемой экспертизы и организационной деятельности ИНЕ: безопасность и цифровое развитие, международные отношения и внешняя политика в контексте европейской интеграции. Важной особенностью деятельности ИНЕ является большая интенсивность публикаций и дублирование аналитических материалов на английском языке. Зарубежные экспертные сообщества и академические центры находятся в фокусе внимания ИНЕ, который активно поддерживается польскими бизнес-структурами (к примеру — Банком национальной экономики). Они включаются через государственные структуры в повестку международных форумов и экспертных центров (Давосский форум, работа Атлантического совета, мероприятия по линии МИД Республики Польша и т. д.).

ИНЕ выступил инициатором и организатором партнерской сети экспертно-аналитических центров стран ИМТ под названием «Экспертно-аналитический хаб трех морей». Участники партнерской сети (Институт новой Европы — Польша, Венский институт международных экономических исследований — Австрия, Институт точка зрения — Венгрия, Институт региональных и международных исследований — Болгария, Институт для политики и общества — Чехия, Балтийский фонд безопасности — Латвия, Европейский институт Румынии — Румыния) стремятся инициировать и содержательно наполнять экспертные и общественные дискуссии по вопросам безопасности, экономического и политического измерения реализации ИТМ.

Значимым результатом работы ИНЕ стал выпущенный на польском и английском языках экспертный доклад «Мягкое подбрюшье. Пророссийские политические силы в странах Инициативы трех морей» [13]. Автор доклада — Евгениуш Ромер, исследователь политических проявлений гибридных войн и информационных операций во внешней политике, описал факторы, способствующие продвижению так называемых «пророссийских» нарративов в политическом пространстве стран ИТМ. Доклад отличается значительным вниманием к деталям, большим

¹ Название на польском языке: Instytut Nowej Europy.

количеством обработанных источников информации, авторскими интерпретациями политических событий и процессов 2022 – 2023 гг. в странах-участницах ИТМ.

Анализ доступных материалов работы ИНЕ и публикаций ключевых экспертов за последние пять лет показал следующие ключевые направления деятельности ИНЕ:

- *инвестиции и финансирование проектов ИТМ;*
- *формирование новой региональной идентичности ИТМ.*

Ключевые тезисы, продвигаемые деятельностью ИНЕ на международном уровне:

- *ИТМ носит органический характер, она задумана как попытка сформировать сильную региональную идентичность в рамках ЕС;*
- *страны ИТМ проявляют все большую заинтересованность в активизации своего участия в инициативе, понимая возможности привлечения внешних инвестиций, в том числе и через структурные фонды ЕС.*

Полезным для исследовательской задачи автор считает включение в анализ результатов деятельности Варшавского института (далее – ВИ)¹ – который был основан в 2014 г. как независимый от государственного финансирования экспертно-аналитический центр по ключевым направлениям польской внешней политики, с акцентом на изучение возможностей использования «мягкой силы» для повышения эффективности внешней политики.

Тем не менее ВИ имеет репутацию «непублично аффилированного» ЭАЦ с центрами подготовки и принятия решений международной тематики в Польше, ведет активное взаимодействие как с польскими диспорами и польскими СМИ зарубежных стран (в том числе региона ИТМ), так и с зарубежными экспертами по международной проблематике, находящейся в сфере интересов ВИ.

ИТМ заявлена как одно из приоритетных направлений экспертно-аналитической работы ВИ. Анализируя доступные за пять лет выступления экспертов и публикации на сайте ВИ, а также в авторских колонках на официальном сайте проекта, отметим, что по тематике ИТМ публикуются аналитические материалы экспертов из Венгрии, Австрии, Латвии по следующим направлениям:

- *реализация ИТМ в регионе Балтийского моря с приоритетным вниманием к Литве, Латвии и Эстонии;*
- *проекты по развитию энергетической инфраструктуры;*
- *возможности ИТМ для втягивания в зону влияния Молдавии и критерии членства в ИТМ.*

На основе изучения материалов на сайте ВИ можно выделить несколько ключевых нарративов, продвигаемых в публикациях по тематике ИТМ:

- *нет акцента на «польском» характере ИТМ, подчеркивается именно международный характер ИТМ;*
- *формирование региональной идентичности ИТМ.*

Деятельность ВИ по отношению к ИТМ носит явно комплиментарный характер даже в публикациях зарубежных экспертов, подчеркивая

¹ Используется название на английском языке: Warsaw Institute.

возможности регионального взаимодействия для стран, находящихся в зоне непосредственного внешнеполитического интереса Республики Польша. Отдельное внимание в проблематике ИТМ уделяется возможностям развития инфраструктуры в целях повышения обороноспособности региона, снижению уровня внешних угроз при реализации сценариев вовлечения в ИТМ Молдавии и Украины.

Выводы

Завершая обзор исследовательской повестки ключевых польских ЭАЦ, необходимо отметить следующее: их внимание к проблематике ИТМ объясняется не только традиционным сопряжением своей повестки с задачами польской внешней политики, но и осознанием конъюнктуры (а значит, и возможности привлечения дополнительного финансирования своей деятельности) для продвижения среди внутристрановых и международных целевых аудиторий (политики, журналисты, академическое и экспертное сообщество) целевых нарративов. Отметим, что в части ЭАЦ происходит замещение повесткой ИТМ повестки ВГ: с начала 2020-х гг. снижается количество публикаций и докладов по ВГ при создании проектных групп по ИТМ, значительном росте числа публикаций и докладов по тематике ИТМ. Отдельно обратим внимание, что находящийся в прямой орбите центров принятия внешнеполитических решений Центр восточных исследований не включает в свою повестку тематику ИТМ, сохраняя в своем исследовательском поле ВГ.

Сопоставив основные направления аналитической работы польских ЭАЦ по проблематике ИТМ выделим следующие ключевые аспекты ее реализации, находящиеся в фокусе внимания:

- *возможности привлечения инвестиций в инфраструктурные проекты ИТМ, привлечение новых финансовых и политических партнеров к ИТМ;*
- *использование ИТМ как инструмент борьбы за ресурсы в рамках Многолетнего финансового плана ЕС;*
- *возможности ИТМ для малых стран (Литва, Латвия, Эстония, Молдавия);*
- *формирование идентичности ИТМ;*
- *научно-академическое сотрудничество и продвижение региональных исследований;*
- *украинский кризис и измерение безопасности в проектах ИТМ.*

По итогам изучения результатов работы польских ЭАЦ можно подтвердить исследовательскую гипотезу о преимущественно комплиментарном характере по отношению к ИТМ, которая рассматривается как значимый ресурс формирования зоны преимущественных внешнеполитических интересов Польши, зоны экономического освоения и в перспективе значимое региональное объединение в структуре ЕС, имеющее возрастающие возможности борьбы за средства бюджетов долгосрочных структурных и операционных фондов ЕС. Ключевое различие в нарративах для внешних и внутренних целевых аудиторий заключается в следующем: в рамках международной деятельности подчеркивается именно межгосударственное, международное измерение ИТМ — без акцентирования роли Польши как основного игрока, а вот для внутри-

страновых аудиторий подчеркивается как раз возможность для Польши сформировать зону перспективного политического и экономического освоения.

Список литературы

1. Буневич Д. С. Quo vadis, Polonia? // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, №4. С. 118–134.
2. Жуковский И. И. Эволюция моделей международного научно-образовательного сотрудничества в контексте современных внешнеполитических стратегий // Балтийский регион. 2015. №3 (25). С. 23–37.
3. Носович А. А. Куда заведет Польша? // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, №1. С. 188–204.
4. Хорольская М. В. Участие Германии в «инициативе трех морей»: перспективы для России // Балтийский регион. 2022. №2. С. 83–97.
5. Шишелина Л. Н. Идея «Триморья»: от возникновения до сегодняшнего дня // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №5. С. 33–38.
6. Bielszczuk B. Trójmorze: współpraca na rzecz unijnego i regionalnego rynku gazu // Biuletyn PISM. 2017. №63.
7. Bielszczuk B., Wąsiński M. Energy Transition and Climate Policy between the Three Seas, 1988–2018 // Raport PISM. 2018.
8. Inicjatywa Trójmorza w exposé ministra Radosława Sikorskiego. URL: <https://trojmorze.isppan.waw.pl/publikacje-w-ramach-centrum-badawczego-3si/inicjatywa-trojmorza-w-expose-radoslaw-sikorskiego> (дата обращения: 03.06.2024).
9. Informacja Ministra Spraw Zagranicznych o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2023 r., MSZ, 13 kwietnia 2023 r. URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/informacja-ministra-spraw-zagranicznych-o-zadaniach-polskiej-polityki-zagranicznej-w-2023-r> (дата обращения: 03.06.2024).
10. Nauseda G. Przyjazny sąsiad, bratni naród, wiarygodny partner i sojusznik. URL: <https://wilno.tvp.pl/77212144/gitanas-nausda-o-polsce-przyjazny-sasiad-bratni-narod-wiarygodny-partner-i-sojusznik> (дата обращения: 03.06.2024).
11. Orzelska-Stączek A. Inicjatywa Trójmorza w świetle teorii realizmu. Polityczne aspekty nowej formy współpracy dwunastu państw. Sprawy Międzynarodowe. 2019. №72 (1). S. 131–155.
12. Orzelska-Stączek A. Fundusz Inwestycyjny Inicjatywy Trójmorza: geneza i etapy rozwoju // Studia Polityczne. 2023. №51 (1). S. 133–149.
13. Romer E. Miękkie podbrzusze. Prorosyjskie siły polityczne w państwach Inicjatywy Trójmorza [Raport]. URL: <https://ine.org.pl/miekkie-podbrzusze-prorosyjskie-sily-polityczne-w-panstwach-inicjatywy-trojmorza-raport> (дата обращения: 03.06.2024).
14. Stępniewski T. Inicjatywa Trójmorza: w poszukiwaniu wspólnego mianownika: Recenzja książki Agnieszki Orzelskiej-Stączek i Pawła Ukielskiego pod tytułem Inicjatywa Trójmorza z perspektywy jej uczestników. Sprawy Międzynarodowe. 2020. №73 (2). S. 225–230.
15. Three Seas Initiative. URL: <https://www.gov.pl/web/diplomacy/three-seas-initiative> (дата обращения: 03.06.2024).

16. *Współpraca regionalna w Europie Środkowej po agresji Rosji na Ukrainę – zmiany i perspektywy*. URL: <https://www.pism.pl/publikacje/wspolpraca-regionalna-w-europie-srodkowej-po-agresji-rosji-na-ukraine-zmiany-i-perspektywy> (дата обращения: 03.06.2024).

17. *Wiśniewski B. Wymiar cyfrowy Inicjatywy Trójmorza // Raport PISM. 2018.*

Об авторе

Игорь Игоревич Жуковский – канд. полит. наук, доц., ст. науч. сотр., Группа комплексных исследований Балтийского региона, Центр изучения стратегического планирования ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Россия.

E-mail: igor@izhukovski.ru

I. I. Zhukovskiy

POLITICAL AND ECONOMIC PROBLEMS OF THE “THREE SEAS INITIATIVE” ON THE RESEARCH AGENDA OF POLISH THINK-TANKS

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 14 June 2024

Accepted 6 July 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-7

To cite this article: Zhukovskiy I. I. 2024, Political and economic problems of the “Three Seas Initiative” on the research agenda of Polish think-tanks, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 81 – 91. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-7.

The research agenda of the most influential Polish think tanks involved in providing informational and expert support for foreign policy activities has been examined. Key political and economic aspects of the implementation of the “Three Seas Initiative,” which are the focus of attention of the Polish expert community, have been identified. Based on the body of publicly available expert opinions and analytical reports, the article presents an assessment of the activities of these think tanks, which substantively contribute to shaping the zone of Poland’s primary foreign policy and foreign economic interests within the framework of the “Three Seas Initiative.”

Keywords: “Three Seas Initiative”, foreign policy expertise, international relations in the Baltic Sea region, Polish foreign policy

The author

Dr Igor I. Zhukovskiy, Associate Professor, Senior Researcher, Baltic Sea Region Integrated Research Group, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: igor@izhukovski.ru

*М. В. Кирчанов***КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО МОНАРХИЗМА**

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Поступила в редакцию 06.05.2024 г.

Принята к публикации 15.07.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-8

Для цитирования: Кирчанов М. В. Культура исторической памяти современного немецкого монархизма // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 92 – 105. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-8.

Рассматривается монархизм как форма мемориальной культуры и исторической политики современного немецкого общества. Целью исследования является анализ монархизма как формы исторической памяти. Автор разбирает роль и место монархических интеллектуалов в развитии исторической политики и той мемориальной культуры, которая формируется и развивается в рамках монархического исторического воображения. Новизна исследования состоит в изучении актуального (современного) этапа в развитии монархической идеологии в Германии не как формы политического участия, но как версии развития исторической памяти и мемориальной культуры, основанной на принципах как исторического ревизионизма, так и немецкого национализма. В статье показано, что (1) монархизм в современной Германии формирует и культивирует свои собственные представления о прошлом и истории, (2) историческое воображение немецкого монархизма является формой исторического ревизионизма, так как монархическое прошлое и наследие подвергается последовательной положительной мифологизации и идеологизации в политическом воображении сторонников монархии, (3) монархизм в своем историческом воображении формирует альтернативные версии исторической памяти и мемориальной культуры, отличающиеся от тех версий национальной исторической памяти, которые предлагаются гражданской идентичностью. В статье отражено, что монархические формы исторической памяти содействуют дальнейшим трансформациям мемориальной культуры, стимулируя параллельное развитие альтернативных контрпамятей, функционирующих в политических и идеологических координатах монархизма. Предполагается, что визуализация коллективной исторической памяти об уникальном историческом опыте монархии, включая нарративные и дискурсивные тактики и стратегии современных монархистов, содействует актуализации гетерогенного характера мемориальной традиции современной Германии, стимулируя консолидацию уникальных представлений о прошлом, формирующих основу монархического исторического воображения и мемориальной культуры как формы альтернативной памяти.

Ключевые слова: Германия, монархизм, политическая ностальгия, историческая память, политика прошлого, ревизионизм, контрпамять, мемориальная культура

Введение

Большинство современных национальных государств придерживаются республиканской модели развития. Между тем известно, что такие страны как Бразилия, Германия, Австрия, Венгрия, Франция ранее являлись монархиями, но историческая и политическая динамика привели к кризису монархического строя, который мог исчезнуть в результате революций или трансформировался вследствие глубоких политических кризисов, что вело к замене монархического режима республиканским. В подобных странах сторонники монархических идей в современном обществе — маргинальные и миноритарные политические группы в сравнении с другими идеологиями, представленными либерализмом, социальной демократией и различными формами централизма.

93

Таким образом, монархическая идеология не имеет широкой или даже минимальной поддержки со стороны граждан. Вместе с тем во внимание следует принимать, что подобные группы сформировали свои уникальные политические субкультуры. В рамках современного монархизма развивается особая историческая мифология, основанная на актуализации исторической травмы, связанной с утратой власти и намеренной маргинализацией монархических идеологий в республиканских политических системах. Поэтому мы можем констатировать, что современные монархические идеологии можно воспринимать как уникальные формы исторической памяти и связанной с ней мемориальной культуры. Кроме этого, монархизм в современном мире актуализирует такую версию мемориальной культуры, которая является внесистемной, но вместе с тем и оригинальной.

Цель и задачи статьи

В центре представленной статьи находится монархизм как форма альтернативной исторической памяти. Целью автора является изучение монархизма в современной Германии как альтернативной формы исторической коллективной памяти. В число задач входит анализ основных особенностей видения и восприятия прошлого современными монархистами в Германии, изучение особенностей исторического воображения в рамках мемориальной культуры немецкого монархизма и выявление перспектив развития монархической версии коллективной исторической памяти как альтернативной субкультуры в рамках исторической политики миноритарных политических групп в современном немецком обществе.

Методология и историография

В современной междисциплинарной историографии памяти историческая политика рассматривается в качестве одной из многочисленных идеологически мотивированных практик, которые используются государством в лице правящих политических элит в целях формирования, а также последующего поддержания, культивирования и воспроизводства таких коллективных представлений о прошлом [1], которые соответствовали интересам элит или в максимальной степени с ними кор-

религировали. Общей тенденцией в историографии стал неформальный компромисс между историками, вовлеченными в изучение исторической политики, в рамках которого состав участников политики памяти максимально и последовательно ограничивается.

В современной научной литературе такие участники обозначаются как «акторы» или «агенты» исторической политики [2]. Число последних обычно ограничивается лояльными политическим элитам интеллектуалами [3], так как их лояльность относительно четко фиксируется через каналы институционализации политики прошлого или может проявляться в прямом финансировании проведения исторической политики со стороны государства [4]. Современное общество отличается неоднородной структурой и гетерогенным характером. Эти социальные особенности проявляются не только в различном статусе и влиянии на общество политических идей, но и в различных концепциях и видениях истории [5], которые имеют не академический, но преимущественно публичный характер [6].

Отдельные социальные группы и политические движения могут не только быть носителями формально общей национальной гражданской памяти [7], но и иметь свои собственные коммеморативные предпочтения [8], генерируя и воспроизводя их в зависимости от идеологических и социальных контекстов [9]. Поэтому мы можем констатировать, что коллективная историческая память существует не только у больших групп и сообществ, включая нации, конфессии и классы, но и акторов иного порядка. К последним мы относим группы, объединенные по идеологическому признаку. Кроме этого, свои версии коллективной исторической памяти в современном мире имеет армия, полиция и специальные службы [10]. Таким образом, историческая политика развивается разнонаправленно, что фактически институционализируют ситуацию параллельного соразвития и софункционирования различных мемориальных культур [11].

Если формально «мейнстримные» акторы исторической политики имеют свои собственные коллективные представления о прошлом и связанные с ними культуры памяти [12], коммеморативные традиции и реконструкции коллективного исторического и политического опыта, то разные миноритарные группы и сообщества могут иметь свои версии памяти [13]. Критерием для выделения последних является не только этническая или религиозная, но и политическая миноритарность [14]. Память современного общества неоднородна, содержать и воспроизводить разные культуры памяти, степень актуализации, визуализации и презентации которых может быть различной в общественных и публичных в пространствах [15]. В рамках такой неформальной попытки иерархизировать или типологизировать память мемориальная культура современного немецкого монархизма может быть определена как форма альтернативной или миноритарной памяти, значение которой маргинально в сравнении с теми тенденциями развития коллективных представлений о прошлом, которые в ФРГ определяют основные векторы развития исторической памяти.

Исходя из вышеперечисленного, в плане методологии представленная статья актуализирует достижения современной историографии,

сфокусированной на изучении феномена развития, функционирования и воспроизводства коллективной исторической памяти в контекстах междисциплинарности [16]. Поэтому, анализируя формы исторической политики и производных от нее мемориальных культур [17], автор полагает возможным использовать концепции изобретения традиций и воображения сообществ, так как монархизм и его современный интеллектуальный вклад может быть проанализирован именно в рамках этих подходов.

Предполагается, что концепция воображения сообществ позволяет проанализировать, как и каким образом монархические интеллектуалы формируют и конструируют свои представления о прошлом, создавая альтернативные формы политической памяти, которые могут развиваться параллельно друг другу или конкурировать с национальными версиями исторической памяти, которые сформировались вне монархической системы, будучи вдохновленными принципами оппозиционного и альтернативного ей национализма и национального государства. Что касается концепции изобретения традиций, то в ее рамках различные формы памяти следует воспринимать и интерпретировать не просто как социальные культурные конструкты [18], но и как политические и культурные изобретенные традиции, позволяющие использовать мобилизационный потенциал прошлого для решения политических задач.

Монархическое наследие в немецкой политике исторической памяти: общие характеристики

Немецкая историческая память и связанная с ней мемориальная культура отличаются значительными особенностями, которые позволяют выделять их как в европейской, так и мировой перспективе.

Во-первых, если другие европейские памяти и мемориальные культуры, а также исторические политики в большей или меньшей степени актуализируют ресурс не только гражданского, но и этнического национализма, немецкая мемориальная традиция в современной ФРГ, наоборот, основана на маргинализации националистического воображения, в противовес которому культивируется идентичность, основанная не на национализме, а на гражданском активизме и коллективной ответственности.

Во-вторых, такая ситуация стала следствием институционализации той коллективной политической травмы, которую немецкая идентичность получила в XX в. в результате прихода к власти НСДАП, ее репрессивной политики и осознания ответственности за начало Второй мировой войны и связанных с ней военных преступлений, а также преступлений против человечности, в первую очередь — Холокоста.

В-третьих, учитывая столь негативную динамику развития коллективной памяти, Германия стала одной из первых стран в мире, где историческая политика стала компонентом государственной системы, что проявилось в целенаправленной проработке прошлого.

В-четвертых, такая политика памяти сфокусирована на актуализации в мемориальной культуре моментов, связанных с тоталитарным и авторитарным опытом диктатур НСДАП и СЕПГ.

В-пятых, в такой ситуации для исторической политики Германии характерна тенденция к значительной хронологической редукции проработки прошлого, что ограничивает активность агентов исторической политики преимущественно обращением к событиям XX в. работой в публичных и общественных пространствах почти исключительно с их образами.

В этой ситуации место и роль памяти о монархическом опыте выглядит маргинально в сравнении с политически и идеологически мотивированными интерпретациями и актуализациями опыта и травмы авторитаризма и тоталитаризма.

96

**Вспоминая 1871 год в 2021 году,
или Почему не состоялась «проработка прошлого» монархии
в мемориальной культуре**

Память о монархии в современной немецкой мемориальной культуре, с одной стороны, и в исторической политике, с другой, заметна в значительно меньшей степени чем травмирующая память о национал-социализме или политическом авторитаризме ГДР. Тем не менее игнорирование монархии в общей перспективе развития мемориальной культуры и культуры исторической памяти, как полагает автор, — неверное допущение, которое ведет к редукции гетерогенных представлений о прошлом. Несмотря на то, что центральными и системными элементами в современной немецкой мемориальной культуре являются образы и нарративы, связанные с памятью как травмой (две мировые войны, диктатура НСДАП и СЕПГ, Холокост, военные преступления) или памятью как преодолением травмы (объединение Германии), монархические мотивы в функционировании мнемонических пространств периодически подвергаются актуализации.

Последняя масштабная попытка визуализации в публичных и общественных пространствах памяти о монархии имела место в 2021 г. в связи с 150-летием событий 1871 г., которые привели к появлению Германской империи. По мнению немецкого аналитика Э. Конце, несмотря на попытки стимулирования амнезии в отношении империи, ее маргинализации и архаизации, монархическое прошлое сохранило свое значение для развития как немецкой идентичности, так и коллективной памяти. Эккарт Конце полагает, что «дебаты об Империи и ее месте в истории Германии велись и ведутся, но дебаты о национальном государстве 1871 г. с самого начала были нацелены на настоящее. Это была — и есть — историческая дискуссия о самопонимании среди немцев в 21 веке» [19].

В этом контексте представления об Империи и ее образы, то есть фактически исторический и политический монархический опыт подвергается инструментализации, а история превращается в ресурс для решения политических задач. Поэтому объективные кризисные тенденции в развитии и функционировании современной мемориальной и поли-

тической культуры немецкого общества (рост правого популизма, снижение доверия к власти, партийный кризис и т. д.) содействуют росту внимания к истории Германии в рамках монархической модели, так как «империя 1871 г. обсуждалась не как исторически закрытая эпоха, а, как предыстория современности, как история, которая все еще — или снова — проецируется в настоящее» [19].

В такой ситуации немецкой мемориальной культуре в отношении монархии в большей степени начинает проявляться политически и идеологически мотивированная ностальгия. Агенты политики памяти культивируют нарратив, согласно которому «до 1914 г. в Германии люди жили хорошо, по крайней мере, становились лучше; страна была на правильном пути благодаря политике Вильгельма II... царил мир — вплоть до Первой мировой войны, которая была навязана Германии» [19]. В этом контексте в восприятии монархического прошлого в начале 2020-х гг. стали заметны новые тенденции, связанные с определением роли национализма. Поэтому в мемориальной культуре стали в большей степени заметны нарративы, согласно которым «немецкое национальное государство не только было возможным, но и оставалось совместимым с 1871 года, не будучи дискредитированным национал-социализмом» [19].

Особенностью ситуации стало то, что история монархии не была подвергнута ни радикальной ревизии, ни реабилитации, и ей не было отведено новое место в мемориальной культуре, основанное на увеличении ее видимости. Параллели между 1871 и 2021 г. стали поводами для немецких интеллектуалов констатировать наличие «мрачной тени» монархического прошлого [20], которая свидетельствует об опасности национализма [21], втягивая интеллектуалов в войны памяти [22], содействуя еще большей идеологизации и политизации истории.

Таким образом, обсуждение монархического / имперского опыта в исторической политике в начале 2020-х гг. было не более чем поводом для дискуссий в отношении тех травм, которая немецкая память и идентичность получили в XX в. в результате тоталитарного и авторитарного опыта. В такой ситуации немецкая мемориальная культура, в функционировании которой участвуют множественные акторы, оставила образы монархии в почти исключительном ведении или академической исторической науки, или политически и идеологически мотивированных интерпретаторов истории, представленных монархистами, для которых актуализация монархического прошлого через формирование его положительного образа имеет основополагающее значение.

Мемориальная культура немецкого монархизма

Коллективная память современного немецкого монархизма основана на идеализации монархического прошлого Германии, а сторонники монархической модели развития в современных публичных и общественных пространствах склонны ссылаться на авторитет «магии монархии и социально-политической власти короны» [23]. В рамках исторического воображения монархизма Германская Империя подвергается значительной идеализации.

В рамках исторического воображения современных монархистов «глобальное пространство памяти бросает вызов национальному государству как законному вместилищу коллективных воспоминаний» [24], что ведет к актуализации монархической альтернативы нации-государству. При формировании исключительно положительного образа монархии в рамках монархической модели памяти подчеркивается, что «монархическая форма правления предлагала наилучшую возможность отдать должное всем группам населения. Король был королем меньшинств, представляя их законные интересы. В кризисные времена монарх как независимая личность имел возможность указать на общие точки зрения и защитить слабых» [25].

По мнению историков памяти, «начиная с последней четверти XX века, политика памяти сводилась к отходу от самовосхвалительных национальных нарративов в направлении продвижения космополитической памяти, вращающейся вокруг формального признания национальной вины и преступлений против человечества в прошлом» [26, р. 254]. Фактически одной из форм подобной памяти стала мемориальная культура современных монархистов, которые подвергают ревизии большие нарративы национальной памяти в целом, продвигая альтернативные версии контрпамяти. История и память, как показано в современной междисциплинарной историографии, фактически «демонстрируют разные феноменологические черты. Первая основана на предпосылке, что к прошлому можно подходить как к удаленному во времени объекту бесконечных измерений, что делает его доступным для изучения посредством использования рациональных и объективирующих методов исторического исследования. Вторую, напротив, лучше понимать не как объект, но как прошлое в исторической концепции» [27, р. 54].

В случае с восприятием прошлого в рамках монархического исторического воображения и формируемого в его рамках мемориальной культуры концепция становится не исторической, но политической. Именно поэтому, идеализируя Германию как монархию в той форме, в которой она существовала с 1871 по 1918 г., современные немецкие монархисты склонны акцентировать внимание на том, что именно тогда была «создана современная демократическая монархия. Немецкая корона создала одно из самых современных государств в мире того времени с парламентом, возникшим в результате свободных выборов... в этой монархии был применен принцип разделения властей. Корона представляла собой символ единства и свободы. Благодаря немецкой императорской короне Германия достигла единства в 19 веке» [28].

Созданную в 1918 г. республику монархисты склонны демонизировать, в отличие от идеализируемой монархии, настаивая, что она была вдохновлена «пустыми старыми фразами XIX века» [29], что, по их мнению, превращает республику в нелегитимное государство [30]. В рамках такого видения монархии современные немецкие монархисты в своей версии мемориальной культуры склонны противопоставлять монархию и республику, в чем проявляется общая политическая и идеологическая направленность современных стратегий актуализации прошлого, практикуемых в рамках монархического дискурса.

Критика республики в монархической мемориальной культуре

Дихотомия «монархия / республика» современными монархистами в Германии проецируется и на региональный уровень. Например, в Баварии именно монархия и ее наследие ассоциируется с «настоящим государством, которое благодаря своей 1400-летней истории, 800-летнему труду Виттельсбахов и культурному наследию проживающих здесь племен — старых баварцев, франконцев, швабов — сформировало государство граждан» [31]. Республиканская модель развития в историческом воображении монархизма позиционируется как опасность для идентичности, так как Бавария оказалась «под все большей угрозой в своих природных, культурных и исторически сложившихся характеристиках из-за политико-централистских, структурных и социальных изменений нашего времени» [32].

В монархической мемориальной культуре история, которая протекала в рамках республиканской модели, воспринимается идеалистически, интерпретируясь исключительно в негативном контексте. Так, монархическая мемориальная культура становится элементом «динамики популистской политической деятельности, так как монархисты используют конкретные, идеализированные и исторически укоренившиеся нарративы о прошлом страны» [33, р. 253]. Поэтому история XX в. монархическими интеллектуалами редуцируется до «разочарований, демифологизации мира, культурно-революционного гнева, который свирепствовал с 1789 года и достиг кульминации во всем мире в 1968 году, восстаний против якобы традиционных ценностей, табу и авторитетов, фактической переоценке всех ценностей во всех сферах жизни» [34].

Ликвидация Пруссии современными монархистами воспринимается как историческая травма. Поэтому в монархическом историческом воображении особое место занимает идея о реставрации Пруссии путем объединения федеральных земель Берлин и Бранденбург [35]. Более того, по мнению современных монархистов, «Германия 1871 года была узаконена революцией 1848 года и блестящей политикой Пруссии под руководством Бисмарка... Сегодняшняя Германия со столицей в Берлине основана на Империи 1871 года» [36]. Идеализируя наследие монархии в ее имперской форме, современные немецкие монархисты, таким образом, склонны использовать ресурсы исторического ревизионизма, отрицая или занижая роль республиканского наследия, и, наоборот, воспринимая монархический опыт как центральный и более важный в схеме национальной истории.

Комментируя подобные метаморфозы развития исторической памяти, Э. Хобсбаум подчеркивал, что «существует сумеречная зона между историей и памятью; между прошлым как обобщающими нарративами, открытыми для относительно беспристрастного рассмотрения, и прошлым как частью воспоминаний или фоном собственной жизни» [37, р. 3]. В такой ситуации мемориальная традиция современного немецкого монархизма подвергается постепенной антропологизации. Поэтому, по мнению монархистов, только в прошлом, когда Германия была монархией, существовала «реальная социально-политическая альтернатива, так как монархия была способна создать объединяющую связь вокруг

различных социальных групп и, таким образом, не только предотвращала раскол или распад общества, но и предотвращала экстремизм, а благодаря своим международным семейным связям монархия также являлась гарантией сплочения Европы» [38]. В этом контексте мемориальная культура монархизма функционирует как ностальгия или может быть редуцирована до определенных ее форм и проявлений [39], сфокусированных именно на последовательной и положительной идеализации монархического прошлого, которое оказывается в тени трагических моментов исторического опыта, определяющих векторы и траектории функционирования коллективной памяти и воспроизводимой в ее рамках мемориальной культуры.

Ностальгия как компонент исторической памяти

В случае с монархическим историческим воображением ностальгия — это не только «намеренный политический акт, направленный на позиционирование себя как политического существа в более широком мире, хотя и с использованием очень слабых возможных возможностей, с целью представить изменения в отвергаемом настоящем. Ностальгия не просто подтверждает утрату прошлого (независимо от того, существовало ли это прошлое на самом деле), но указывает на сопротивление политическому статус-кво или его неприятие. Ностальгия... может тогда указывать на конкретные политические действия, поскольку она отражает отсутствие потенциала граждан» [40].

Современные монархисты в рамках предлагаемой ими модели исторической и мемориальной культур склонны актуализировать ее общеевропейское измерение, указывая на то, что «Корона 1871 года была основана на старой императорской короне “Священной Римской империи немецкой нации” и, таким образом, призывала к объединению Европы. Корона являлась гарантией идентичности в Европе, представляя ценности христианского Запада» [28]. В этом контексте современный немецкий монархизм представляет собой форму политически и идеологически мотивированной ностальгии, которая в первой четверти XXI в. стала важным фактором развития исторической политики. В связи с этим во внимание следует принимать и то, что «ностальгия нарастает, когда современность оказывается в состоянии кризиса. Начиная с 1980-х годов широко распространено мнение, что повышенное внимание к прошлому было вызвано упадком или концом современности. На смену современности пришел постмодерн, экономическому росту — упадок, индустриализации — деиндустриализация, а вера в прогресс сменилась верой в ушедший золотой век» [41]. Последний в политическом воображении миноритарных групп может соотноситься с историческими формами государства, в том числе — с монархией.

Усилиями современных монархистов формируется особая версия монархической памяти как репрессированной и ранее преследуемой, так как деятельность монархистов с 1933 по 1945 г. была «запрещена нацистами в самом начале их тирании... Во время нацистской диктатуры монархисты одними из первых подвергались политическим преследованиям и все чаще оказывались в группах сопротивления» [38]. В рамках

современной монархической мемориальной культуры период национал-социализма описывается через призму травмы. На развитие именно такой версии памяти направлен проект «Rückkehr der Namen» [42], сфокусированный на большей визуализации в публичных и общественных пространствах Германии жертв национал-социализма, включая монархистов.

Кроме этого, в монархическом воображении особое внимание уделяется тем историческим фигурам, которые претендуют на статус отцов нации в рамках продвигаемого монархистами альтернативного пантеона. Особое место в исторической памяти монархизма занимает фигура принца Рупрехта (1869–1955), сына последнего баварского короля Людвига III, который, по мнению монархистов, был «убежденным баварским патриотом, так как в трудные годы Веймарской республики он стал олицетворением идеи баварского государства и его последовательного неприятия национал-социализма» [43]. В этом контексте монархическая версия исторической памяти в определенной степени утрачивает свой уникальный и, вместе с тем, маргинальный характер, приближаясь в общенациональной версии мемориальной культуры, критическое неприятие тоталитаризма для которой является одной из системных характеристик.

Выводы

Коллективная память монархизма функционирует как защитный механизм, который предлагает «новые» версии истории, сконструированные в парадигме исторического ревизионизма, склонного к пересмотру и ревизии некоторых фактов прошлого. В рамках такой версии мемориальной культуры монархисты подвергают сомнению как устоявшиеся нарративы республиканской историографии, так и связанные с ними мемориальные культуры. Кроме этого, последовательно пересматриваются исторические мифы, которые сложились в рамках коллективной исторической памяти, ранее развивавшейся в рамках республиканской политической модели.

Таким образом, монархическая форма исторической памяти может быть интерпретирована как альтернативная субкультура или альтернативная коллективная историческая память, то есть контрпамять. Вместе с тем, во внимание следует принимать и то, что роль и значение подобных мемориальных культур в современном мире, как правило, маргинально. Поэтому монархистов как агентов исторической политики мы можем отнести к числу миноритарных или маргинальных политических групп, так как их влияние на основные векторы и траектории развития исторической памяти незначительно. Вместе с тем монархические формы альтернативной исторической памяти оказываются самым тесным образом связаны с развитием национализма и внесистемных радикальных версий националистического воображения, что может содействовать еще большей фрагментации современных обществ и их политических и мемориальных культур.

В целом альтернативные версии мемориальной культуры, связанные с монархическими идеологиями, хотя и являются маргинальными фак-

торами в современной политической культуре, тем не менее формирует уникальную версию коллективной памяти, что указывает на пластичность восприятия прошлого современными политическими и идеологическими мотивированными интерпретаторами. Все эти факторы указывают на важность и необходимость дальнейшего комплексного и междисциплинарного изучения современной коллективной памяти монархизма как уникальной субкультуры в современных мемориальных традициях и идентичностей, которые актуализируют альтернативные видения и понимания прошлого в преимущественно республиканских государствах-нациях.

Список литературы

1. *Aymard M. Histoire et mémoire: construction, déconstruction et reconstruction // Diogène. 2003. №201. P. 5–16.*
2. *Winter J., Prost A. Agents of memory: Witnesses and historians, 1918–2000: how did the memory of the First World War unfold over the course of the twentieth century? // The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present. Cambridge, 2020. P. 173–192.*
3. *Barash J. A. Collective Memory and the Historical Past. Chicago, 2016.*
4. *Baumeister R. F., Hastings S. Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves // Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives / eds. J. W. Pennebaker, B. Rim, D. Paez. Mahwah, 1997. P. 277–292.*
5. *Klein K. L. On the Emergence of Memory in Historical Discourse // Representations. 2000. №69. P. 127–150. doi: 10.2307/2902903.*
6. *Sá C. P. As memórias da memória social // Memória, imaginário e representações sociais / ed. C. P. Sá. Rio de Janeiro, 2005. P. 63–86.*
7. *Bos B. A. Historical Memory and the Representation of History: Forging Connections Between National Historic Sites and Gender History // Conserveries mémorielles. 2011. №9.*
8. *Cubitt G. History and Memory. Manchester, 2007.*
9. *Schuman H., Belli R. F., Bischooping K. La base generacional del conocimiento histórico // Memorias colectivas de procesos culturales y políticos / eds. D. Páez, J. F. Valencia, J. W. Pennebaker, B. Rimé, D. Jodelet. Bilbao, 1998. P. 83–120.*
10. *Moore R. S. Guest Historian's Footnote: Regaining the Army's Memory // Army History. 2016. №101. P. 63–73.*
11. *Neustadt R. E., May E. R. Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers. N. Y., 1988.*
12. *Noël P.-M. Entre histoire de la mémoire et mémoire de l'histoire // Conserveries mémorielles. 2011. №9.*
13. *Landínez D. El uso político de la historia. Una aproximación al discurso de la Revolución mexicana // Polisemia. 2022. Vol. 18, №34. P. 30–47.*
14. *Hoepken W. War, memory, and education in a fragmented society: The case of Yugoslavia // East European Politics and Societies. 1999. Vol. 13, №1. P. 190–227.*
15. *Wiersma J. M. Politics of the Past: The Use and Abuse of History / eds. H. Swoboda, J. M. Wiersma. Wien, 2009. P. 15–28.*
16. *Cohen G. Political Uses of Memory. L., 2009.*

17. *Hassner P.* Beyond History and Politics. The Need for Conceptual and Ethical Dialogue // *Politics of the Past: The Use and Abuse of History* / eds. H. Swoboda, J.M. Wiersma. Wien, 2009. P. 71 – 80.

18. *Gaunt D., Lane T.* Constructions and Instrumentalization of the Past. A Comparative Study on Memory Management in the Region / eds. J. Ekman, D. Gaunt, T. Lane, B. Törnquist-Plewa. Södertörn, 2020. P. 9 – 14.

19. *Conze E.* Erinnerungskulturelle Rechtswende // *Blätter für deutsche und internationale Politik*. 2021. Dezember. URL: <https://www.blaetter.de/ausgabe/2021/dezember/erinnerungskulturelle-rechtswende> (дата обращения: 15.04.2024).

20. *Conze E.* Schatten des Kaiserreichs. Die Reichsgründung von 1871 und ihr schwieriges Erbe. München, 2020.

21. *Geppert D.* Neuer Nationalismus? Vom deutschen Bedürfnis, das Kaiserreich schwarzzumalen // *Neue Zürcher Zeitung*. 2021. Mai 5.

22. *Gatzka C.C.* Das Kaiserreich zwischen Wissenschaft und Public History // *Merkur*. 2021. №7. S. 5 – 15.

23. *Willkommen* auf der Internetpräsenz von Tradition und Leben. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

24. *Lim J.-H.* Mnemonic Solidarity in the Global Memory Space // *Global- E*. 2019. Vol. 12, №4.

25. *Häufige Fragen*. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024). (https://tanzfonds.de/wp-content/uploads/2015/07/Tanzfonds_Haeufige-Fragen.pdf).

26. *Couperus S., Tortola P.* Historical legacies and the political mobilization of national nostalgia: Understanding populism's relationship to the past // *Journal of Contemporary European Studies*. 2023. Vol. 31, №2. P. 253 – 267.

27. *Schultze-Kraft M.* Historical Memory and Its (Dis)contents // *Education for Sustaining Peace through Historical Memory*. L. : N. Y., 2022. P. 37 – 61.

28. *Logo*. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

29. *Umsturz 1918 – Revolution 1989*. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

30. *Die politischen Systeme im Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation und im Kaiserreich von 1871*. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

31. *Bayern – unser Land*. URL: <http://www.bayernbund-traunstein.de/ziele.html> (дата обращения: 15.04.2024).

32. *Bayern – unser Lebensraum*. URL: <http://www.bayernbund-traunstein.de/ziele.html> (дата обращения: 15.04.2024).

33. *Couperus S., Tortola P.* Historical legacies and the political mobilization of national nostalgia: Understanding populism's relationship to the past // *Journal of Contemporary European Studies*. 2023. Vol. 31, №2. P. 253 – 267.

34. *Monarchie im dritten Jahrtausend, Chancen und Risiken, Vortrag von lic. phil. René Häusler* anlässlich der Mitgliederversammlung von Tradition und Leben. 20.5.2000, Mainz/Wiesbaden. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

35. *Den Staat Preußen wiederbeleben?* URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

36. *Republik 1848*. URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

37. *Hobsbawm E.* The Age of Empire 1875–1914. N. Y., 1987.

38. *Wir setzen der Demokratie die Krone auf!* URL: <http://www.pro-monarchie.de/> (дата обращения: 15.04.2024).

39. *Davis F. Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia.* L. : N.Y., 1979.

40. *Hawas M. The Politics of Nostalgia: Memory Restructuring in the Eastern Mediterranean.* URL: <https://globalejournal.org/print/pdf/node/2897> (дата обращения: 15.04.2024).

41. *Wienberg J. Chronic nostalgia // Heritopia.* 2021. March 09. URL: <https://www.manchesterhive.com/display/9789198469943/9789198469943.00008.xml?chapterBody=pdf> (дата обращения: 5.04.2024). doi: 10.7765/9789198469943.00008.

42. *Projekt „Rückkehr der Namen“: Wir Dürfen Nicht Vergessen, Was Geschehen Ist. Eltern Konnten Ihre Kinder Nicht Mehr Schützen!* URL: <https://www.bayernbund.de/projekt-rueckkehr-der-namen-wir-duerfen-nicht-vergessen-was-geschehen-ist-eltern-konnten-ihre-kinder-nicht-mehr-schuetzen/> (дата обращения: 15.04.2024).

43. *Kronprinz Rupprecht.* URL: <https://www.bayernbund-muenchen.de/index.php?cid=401&pid=401> (дата обращения: 15.04.2024).

Об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов — д-р ист. наук, Воронежский государственный университет, Россия.

E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

M. W. Kyrchanoff

CULTURE OF HISTORICAL MEMORY OF MODERN GERMAN MONARCHISM

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Received 6 May 2024

Accepted 15 July 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-8

To cite this article: Kyrchanoff M. W. 2024, Culture of historical memory of modern German monarchism, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 92–105. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-8.

The article examines monarchism as a form of memorial culture and historical policy in contemporary German society. The research aims to analyze monarchism as a form of historical memory. The author explores the role and significance of monarchist intellectuals in shaping historical policy and the memorial culture that evolves within the framework of monarchist historical imagination. The novelty of the study lies in examining the current stage of monarchist ideology in Germany, not as a form of political participation, but as a version of historical memory and memorial culture, grounded in the principles of both historical revisionism and German nationalism. The article demonstrates that (1) monarchism in contemporary Germany cultivates its own perceptions of the past and history; (2) the historical imagination of German monarchism is a form of historical revisionism, as the monarchist past and legacy are systematically mythologized and ideologized in the political imagination of monarchist supporters; (3) in

its historical imagination, monarchism constructs alternative versions of historical memory and memorial culture, distinct from those proposed by civic identity. The article highlights that monarchist forms of historical memory contribute to ongoing transformations in memorial culture, promoting the parallel development of alternative counter-memories that operate within the political and ideological framework of monarchism. It is suggested that the visualization of collective historical memory regarding the unique historical experience of monarchy, including the narrative and discursive tactics and strategies of contemporary monarchists, enhances the heterogeneous nature of Germany's memorial tradition, fostering the consolidation of unique perspectives on the past, which form the foundation of monarchist historical imagination and memorial culture as a form of alternative memory.

Keywords: Germany, monarchism, political nostalgia, historical memory, politics of the past, revisionism, counter-memory, memorial culture

The author

Prof. Maksym W. Kyrchanoff, Associate Professor, Voronezh State University, Russia.

E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

М. Г. Яковлева

**СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
И ТЕХНОЛОГИИ ВЛИЯНИЯ
НА ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРАЖДАН**

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета,
Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия

Поступила в редакцию 16.03.2024 г.

Принята к публикации 05.07.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-9

106

Для цитирования: *Яковлева М. Г.* Средства массовой информации и технологии влияния на электоральное поведение граждан // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 106 – 128. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-9.

Проблема инструментального использования государственных СМИ для обеспечения поддержки населением проводимой государством политики остается значимой для России. В статье проанализирована деятельность электронной версии государственного издания «Российская газета» в области освещения темы голосования по поправкам в Конституцию РФ с целью выявления основных технологий воздействия на электоральное поведение граждан. Эмпирической базой исследования, осуществленного методом контент-анализа, стал 471 материал, затрагивающий тематику голосования по поправкам в Конституцию РФ и опубликованный на сайте RG.RU в период с 1 июня по 1 июля 2020 г. включительно. В качестве гипотезы исследования использовалось предположение, что государственные издания склоняют аудиторию к конформизму в области электорального поведения, задействовав информационную и нормативную технологии влияния. В числе методов информационного влияния нами были выявлены следование официальной повестке дня, преимущественное освещение событий в информационных жанрах, фрагментарная подача информации. Нормативное влияние, согласно полученным результатам, реализовывалось изданием «Российская газета» через подбор спикеров, спираль молчания и стереотипизацию.

Ключевые слова: влияние средств массовой информации, конформизм, электоральное поведение, спираль молчания, стереотип, повестка дня, голосование по поправкам в Конституцию

Введение

Значимость информационного воздействия на поведение людей все возрастает. СМИ используются различными агентами — экономическими, политическими, культурными — как инструмент для оказания влияния на мнения и поведение аудитории. В предлагаемом исследовании

мы решили выявить основные технологии, используемые государственными СМИ с целью повлиять на электоральное поведение граждан. Данная проблема была изучена на материале публикаций в электронной версии издания «Российская газета», посвященных голосованию по поправкам в Конституцию РФ (25 июня – 1 июля 2020 г.).

«Российская газета» – это государственное общественно-политическое издание. В исследуемый период – лидер по аудитории среди деловых и общественно-политических СМИ с сертифицированным тиражом 99 620 экз. (ежедневная «Российская газета») и 3 243 198 экз. («Российская газета – Неделя») [46, с. 36]. Согласно данным исследовательской компании Mediascope, по итогам 2019 г. «Российская газета» заняла второе место среди печатных СМИ по цитируемости материалов в эфире радио и телевидения [Там же]. Аудитория электронной версии газеты – сайта RG.RU – в период пандемии 2020 г., включающий и исследуемый нами промежуток времени, увеличилась более чем в 1,5 раза и составила 50 млн посетителей в месяц при 3–3,5 млн просмотров ежедневно [Там же].

Проблема влияния СМИ на электоральное поведение граждан привлекала внимание социологов, политологов начиная с 1920-х гг. В числе ее исследователей были такие авторы, как У. Липшман, П. Лазарсфельд, Р. Мертон, Э. Ноэль-Нойман, П. Бурдьё, П. Шампань, Ю. Хабермас, Ж. Бодрийяр, Н. Больц. Весьма продуктивным в изучении данного вопроса нам представляется использование теории конформизма, в частности наработки таких авторов, как М. Шериф, М. Дейч и Г. Жерар, С. Аш, С. Милгрэм, Д. Мэйерс, Ш. Немет и С. Чайлз.

Гипотезой исследования стало предположение, что в период, предшествующий голосованию, а также в сами дни голосования государственное издание «Российская газета» использовало технологии, склоняющие аудиторию к конформизму в области электорального поведения. Под конформизмом социальные психологи понимают изменение индивидуум своего поведения или убеждений в результате реального или воображаемого давления группы [33, с. 271]. О том, что мнение большинства может влиять на электоральное поведение, говорил еще американский исследователь П. Лазарсфельд, изучая президентскую предвыборную кампанию 1940 г. Он указал на так называемый эффект оркестрового вагона: 3–4 % не определившихся граждан в день голосования выбирают наиболее сильного кандидата, фактически примыкая к мнению большинства (цит. по: [38, с. 39]). При этом следует учитывать, что медийное поле и классическая рациональная модель поведения избирателя, характерные для того времени, изменились. Современные медийные технологии воздействия на общественное мнение и формирование нового типа мышления – клипового – только усиливают конформизм избирателя.

П. Лазарсфельд показал, что выбор избирателя в большинстве случаев определяется его принадлежностью к определенной социальной группе и происходящими в ней социальными взаимодействиями, формирующими социальные установки индивидов [27, с. 165]. Опираясь на результаты исследований электорального поведения, он утверждал, что индивид разделяет электоральные установки своего социального окружения, что позволяет ему минимизировать конфликты и разногласия с

группой и поддерживать чувство индивидуальной безопасности [Там же]. П. Лазарсфельд говорит о том, что индивиды «фильтруют» информацию: «избиратель сам себе отбирает пропагандистские сообщения, с которыми он заранее согласен, и блокирует те, с которыми он едва ли согласится» [Там же]. Делает он это для того, чтобы его индивидуальное мнение в целом совпадало с мнением группы. «Наклонность индивидов сохранять установки находит поддержку в групповых процессах. Обеспечивая свою безопасность ограждением себя от пропаганды, которая может угрожать стабильности установок, он обнаруживает, что его установки подкрепляются в ходе контактов с другими членами своей группы. <...> Во внутригрупповом взаимодействии каждый индивид делает публичной определенную долю частной информации и некоторых частных переживаний, которые поддерживают общие установки» [Там же].

Выводы П. Лазарсфельда в целом согласуются с результатами классических исследований конформизма социальными психологами, которые показывают, что при решении однозначных задач («найди отрезок по образцу») без оказания давления на мнение испытуемых 37 % из них примыкают к неверному ответу большинства, давая ответ публично (исследования С. Аша, 1955) [49, с. 394 – 396]. Если же на испытуемого оказывает давление авторитетное легитимное лицо, то уровень конформизма возрастает до 65 %, а при вариации факторов эксперимента – до 93 % (исследования С. Милгрэма, 1965, 1974) [33, с. 278 – 281]. Именно фактором конформизма и страхом социальной изоляции объясняет немецкий исследователь Э. Ноэль-Нойман открытый ею эффект спирали молчания. Ее формулировка понятия «общественное мнение» указывает на его конформистскую природу: «Общественным мнением являются те мнения и способы поведения, которые нужно выражать или принимать публично, если не хочешь оказаться в изоляции» [38, с. 104]. Также она выдвигает гипотезу относительно способов воздействия СМИ на общественное мнение. Именно СМИ предлагают аудитории формулировки, предоставляют людям слова, «с помощью которых они могут защитить свою позицию. Ибо человек, не находя для описания своей позиции каких-то общепринятых формулировок, замыкается в молчании, остается “немым”» [38, с. 245].

Социальные психологи объяснили природу конформизма: *homo sapiens* как биологический вид выживает в группе – принадлежность к общности себе подобных обеспечивает защиту и воспроизводство индивидов. Страх социальной изоляции, остракизма является значимым фактором следования поведению и мнениям большинства, о чем и говорит Э. Ноэль-Нойман. Однако, с нашей точки зрения, есть еще важные результаты, полученные социальными психологами, которые можно использовать при исследовании механизмов воздействия СМИ на поведение аудитории, а именно выявленные М. Дейчем и Г. Жераром в 1955 г. механизмы информационного и нормативного влияния, лежащие в основе конформного поведения [49, с. 396 – 398].

Информационное влияние имеет место, когда человек испытывает недостаток информации для принятия решения или формирования мнения по какому-либо вопросу. В качестве двух основных источников

информации о реальности мы используем либо собственное мнение, либо мнение окружающих [49, с. 396]. Информационное влияние происходит, когда человек доверяет суждениям других людей по вопросу больше, чем своим собственным. Причинами этого могут быть недостаток знаний индивида или неуверенность в собственной компетентности, сложная ситуация, разделение иного мнения большинством или значимыми, авторитетными для индивида людьми и т. д. В случае информационного влияния человек не только принимает чужие мнения, но и начинает их разделять. Нормативное влияние проявляется в том, что люди изменяют свое мнение или поведение из страха социальной изоляции для того, чтобы соответствовать ожиданиям большинства. К причинам нормативного влияния относятся боязнь быть отвергнутым, желание вписаться в группу, зависимость членов группы друг от друга, заниженная самооценка, коллективистский тип культуры. Как правило, при этом типе влияния лицо публично принимает взгляды группы, но частным образом может отвергать их. В большинстве случаев нормативное влияние сильнее информационного [49, с. 397].

Итак, целью нашего исследования стало выявление основных технологий, используемых журналистами государственного интернет-издания RG.RU для воздействия на электоральное поведение граждан в области голосования по поправкам в Конституцию. К его задачам можно отнести изучение способов и механизмов информационного и нормативного влияний, реализуемых данным изданием в исследуемый период.

Материалы и методы

В своем исследовании мы изучили деятельность электронного издания RG.RU за период с 1 июня по 1 июля 2020 г. включительно: 1 июня в СМИ было объявлено о предстоящем голосовании по поправкам в Конституцию и назначена его дата — 1 июля 2020 г. Всего за этот период в архиве сайта RG.RU нами было обнаружено 488 материалов по запросу «поправки в Конституцию», 476 из которых находились в свободном доступе — они и составили эмпирическую базу нашего исследования. В дальнейшем количество анализируемых публикаций было сокращено нами до 471, поскольку в 5 материалах издания поправки лишь вскользь упоминались при рассмотрении других тем.

Исследование было реализовано методом контент-анализа. При этом отдельные аспекты проблемы изучались на тематических подвыборках публикаций. К примеру, технологии фрагментарной подачи информации и прореживание говорящих изучались на материале 106 публикаций, посвященных обоснованию актуальности и значимости голосования (15 материалов), призыву и поддержке голосования (32 материала), разъяснению предложенных на голосование поправок (59 материалов). Эффект спирали молчания мы анализировали на материале публикаций социологической тематики (14 материалов), а технологию стереотипизации — на основе публикаций, затрагивающих тему голосования в условиях пандемии коронавируса (27 материалов).

Результаты и обсуждение

Какую цель и задачи преследовали государственные СМИ в области освещения тематики голосования по поправкам? Закон о поправке к Конституции РФ уже был принят Государственной думой, одобрен Советом Федерации и 14 марта 2020 г. подписан президентом В. Путиным. Конституционный суд вынес заключение о соответствии положений нового закона Конституции РФ. Одним из условий вступления в силу поправок стало их одобрение гражданами на общероссийском голосовании. Таким образом, было бы логично предположить, что перед государственными СМИ в области освещения тематики голосования по поправкам в Конституцию ставилась цель сформировать позитивное отношение граждан к изменению Конституции, что на уровне электорального поведения соответствует одобрению поправок на голосовании. К числу задач мы отнесем следующие:

110

1. Поспособствовать явке населения на голосование.
2. Поспособствовать принятию поправок населением.
3. Сформировать образ легитимности общероссийского голосования по поправкам в Конституцию РФ.

Решение данных задач значительно облегчалось тем, что процедура голосования юридически была выведена из сферы действия федеральных законов о референдуме: «О референдуме Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В связи с этим не было ограничений в сфере агитации (ее могли проводить и избирательные комиссии, и государственные органы власти, и должностные лица); не изучалась корректность формулировки вопроса, выносимого на голосование; не было порога явки; использовались досрочный, придомовый, надомный и электронный виды голосования; сроки проведения голосования были увеличены с одного дня до недели; деятельность наблюдателей была ограничена; не соблюдались «день тишины», предшествующий голосованию, и запрет на агитацию в дни голосования; не действовал мораторий на публикацию социологической информации за пять дней до дня голосования и в период самого голосования; публиковались предварительные результаты голосования до его окончания. Таким образом, информационное давление государственных СМИ, обнаруженное нами в ходе исследования, использовалось в комплексе с административными, юридическими, социально-политическими средствами влияния на электоральное поведение.

Как выяснил еще П. Лазарфельд [27, с. 167], люди для составления собственного мнения по интересующим их социально-политическим вопросам собирают информацию из различных источников, в том числе из СМИ. Конечно, в современных реалиях СМИ используются наряду с социальными сетями, новостными агрегаторами и мессенджерами, но для нас важно, что к СМИ, как и к другим источникам информации, активно обращается аудитория. Так, результаты опросов общественного мнения показывают, что СМИ остаются для россиян основным источником новостей о происходящем в стране и мире: по данным АНО

«Левада-Центр»* за май 2020 г., то есть накануне исследуемого нами периода, 74 % опрошенных узнавали новости по телевизору, 38 % — из интернет-изданий, 16 % использовали радио, 13 % читали газеты и 3 % — журналы [8]. При этом росла доля респондентов, узнающих новости из социальных сетей (с 28 % в марте 2018 г. до 39 % в марте 2020 г.), телеграм-каналов (с 8 % в апреле 2018 г. до 12 % в марте 2020 г.) и уменьшалась доля тех, кто получал новости в межличностном общении с друзьями, родственниками, соседями (с 27 % в марте 2018 г. до 21 % в марте 2020 г.). Таким образом, именно СМИ являлись для россиян основным источником информации о предстоящем голосовании.

В ходе исследования нами было выявлено три способа информационного влияния, которые использовались электронной версией издания «Российская газета» в предвыборный период.

1. *Официальная повестка публикаций.*

Как показали американские социологи М. Маккомбс и Д. Шоу, СМИ формируют наши представления о реальности, фокусируя внимание на определенных проблемах, а также их аспектах. Аудитория сосредотачивается только на тех вопросах, которые вошли в медийную повестку дня. На основе проведенного эмпирического исследования (1968) М. Маккомбс и Д. Шоу «выявили четкую корреляцию между повесткой дня массмедиа и представлениями неопределившихся избирателей накануне президентских выборов, впервые посредством количественных методов доказав влияние сообщений СМИ на то, что аудитория считает важным и заслуживающим внимания» [25, с. 104–105]. Ранжируя проблемы (или отдельные аспекты освещаемой проблемы), массмедиа задают ориентиры, руководствуясь которыми аудитория формирует собственное отношение к происходящему [25, с. 109].

Какие темы, касающиеся предстоящего голосования, обсуждались на сайте RG.RU за исследуемый период? Анализ показал, что их было немного. Итак, издание:

- сообщало о значимости и актуальности предстоящего голосования (15 материалов, 3 %), а также о необходимости поддержать поправки (32 материала, 7 %);
- вело разъяснительную работу по содержанию поправок (59 материалов, 12,5 %);
- сообщало информацию о подготовке и организации голосования: сроки, порядок, виды голосования, конкурсы, территориальные особенности и т. д. (52 материала, 11 %);
- публиковало результаты исследований общественного мнения по голосованию: прогнозируемая явка, поддержка населением поправок, их значимость (14 материалов, 3 %);
- рассказывало об эпидемиологических мерах безопасности по COVID-19, принимаемых в связи с голосованием (27 материалов, 6 %);
- сообщало о возможности электронного голосования в Москве и Нижегородской области, разъясняло его порядок (61 материал, 13 %);

* Имеет статус иностранного агента.

— освещало ход голосования с 25 июня по 1 июля: явка, особенности голосования на разных территориях, конкурсы, результаты голосования в отдельных регионах, позиция по голосованию различных персон и т. д. (114 материалов, 24 %);

— пресекало оппозиционные взгляды и влияния, в том числе борясь с фейками (30 материалов, 6 %);

— утверждало легитимность голосования: сообщало о работе наблюдателей, проверке нарушений, оценке международных экспертов, политологов и т. д. (67 материалов, 14 %).

При этом мы проанализировали, какая доля материалов приходится на официальные источники информации (различные государственные структуры, органы власти и их представителей): 407 публикаций (86 %) было создано в фарватере государственной повестки дня, по итогам официальных мероприятий или с преобладанием комментариев официальных лиц. Мы обнаружили три тематических направления, в которых отмечалась более частотная представленность альтернативных источников мнений и информации: «поддержка поправок, призыв к голосованию» (10 из 32 материалов), «разъяснение поправок в Конституцию» (16 из 59 материалов), «о легитимности голосования» (14 из 67 материалов). В качестве спикеров здесь выступали, как правило, деятели науки и культуры. Следует отметить, что ими не было высказано ни одного по-настоящему альтернативного официальной позиции мнения по голосованию к поправкам в Конституцию.

Таким образом, мы выяснили, что тематическая повестка, связанная с голосованием в «Российской газете», была формальной и соответствовала запросу государственных органов власти. Издание сообщало о том, почему надо принять участие в голосовании, за что мы голосуем, как лучше проголосовать, какие антиковидные меры надо соблюдать при голосовании, как идет голосование в различных российских регионах, как российское население в целом относится к мероприятию и готовится к голосованию. Сообщалось также о том, что наблюдатели, российские и международные эксперты подтверждают законность, прозрачность и отсутствие нарушений, что в целом свидетельствует о легитимном характере процедуры изменения Конституции. Небольшое количество материалов было посвящено проблеме провокаций и фейков, с которыми успешно справлялись ведомства и общественные организации.

Между тем в повестку дня «Российской газеты» совсем не попали следующие значимые темы:

— дискуссии различных политических и общественных сил, групп населения, экспертов относительно изменения Конституции в целом и внесения в нее отдельных поправок в частности. Так, представители второй по уровню поддержки со стороны населения партии КПРФ выступили против внесения поправок в Конституцию РФ, призывая бойкотировать голосование. Однако их позиция никак не отразилась в публикациях «Российской газеты», помимо простого комментария без всяких разъяснений председателя Государственной думы Федерального собрания РФ Вячеслава Володина о ее антинародном характере [21];

— дискуссии и мнения экспертов относительно безопасности проведения голосования в условиях пандемии;

- оценка легитимности изменения Конституции с точки зрения политологов, юристов, правоведов и других представителей экспертных сообществ;
- протестная активность различных общественных организаций в отношении внесения поправок в Конституцию;
- общественная полемика по поводу изменений в процедурах голосования (увеличение сроков, появление новых форм голосования);
- факты нарушений процедуры голосования: принуждения, вбросы, фальсификации, возможные подтасовки результатов электронного голосования и пр.

Таким образом, медийная повестка электронной версии «Российской газеты» формировала выгодное для государственного издания отношение аудитории к предстоящему событию и задавала соответствующие линии электорального поведения.

2. *Информирование* или освещение проблематики голосования преимущественно в информационных жанрах.

Как показало наше исследование, большинство публикаций «Российской газеты», посвященных голосованию по поправкам в Конституцию РФ, было выполнено в информационных жанрах – 409 публикаций (87 % от общего числа). Из них 321 материал (68 %) был опубликован в жанре заметки, 55 материалов (12 %) – в жанре информационной корреспонденции, 20 публикаций (4 %) – в жанре информационного отчета, 8 материалов (2 %) – в жанре информационного интервью, 5 материалов (1 %) – в других информационных жанрах (анонс, опрос, пошаговая инструкция). В аналитических жанрах были опубликованы 60 материалов (13 %) интересующей нас тематики. Из них комментарий – 49 материалов (10 %), статья – 5 материалов (1 %), аналитическая корреспонденция – 2 материала, аналитическое интервью – 2 материала, проект по разъяснению поправок – 1 материал, видеографика – 1 материал. Еще 2 материала содержали текст обращения президента РФ В. Путина к россиянам накануне голосования по поправкам в Конституцию (публикации от 23 и 24 июня).

Результаты контент-анализа показывают, что темы, связанные с голосованием, не исследовались журналистами «Российской газеты», а просто сообщались. Преимущественное использование информационных жанров в освещении событий является признаком пропагандистской деятельности СМИ: простое информирование аудитории о происходящих событиях без их осмысления, анализа, комментирования, представления различных точек зрения по вопросу «нормализует» ситуацию, что противоречит журналистским профессионально-этическим стандартам в части объективного освещения событий [26]. При этом большинство материалов «Российской газеты» интересующей нас тематики (298 из 488, 61 %) были опубликованы в сами дни голосования: с 25 июня по 1 июля 2020 г.

Вместе с тем, исследования социологов показывают, что россияне накануне голосования испытывали дефицит знаний относительно предлагаемых поправок в Конституцию РФ. Из результатов общероссийского опроса группы С. Белановского [5], проведенного с 18 по 24 июня 2020 г., следует, что лишь 12 % опрошенных самостоятельно изучили вносимые

поправки достаточно подробно, еще 33 % изучили их частично, 46 % знают о них по изложению в СМИ и 22 % практически с ними не знакомы. Таким образом, мы видим, что большая часть россиян формировала свое мнение относительно поправок в Конституцию с опорой на деятельность СМИ. В связи с этим пропагандистские установки редакций и журналистов по освещению значимых социально-политических событий в стране препятствовали реализации конституционных свобод граждан в области свободы массовой информации.

3. Фрагментарное освещение.

Еще один способ информационного влияния, используемый «Российской газетой», — фрагментарное освещение подготовки и проведения голосования, которое проявлялось в том, что в фокус внимания издания попадали только определенные тематика, мнения и поправки. Подобная фрагментарность противоречит профессиональным стандартам полноты и достоверности публикуемой информации, декларируемым третьим пунктом Кодекса профессиональной этики российского журналиста [26]. Мы рассмотрим обозначенный способ информационного влияния на примере того, какие именно поправки упоминались комментаторами «Российской газеты».

Для исследования данного вопроса мы проанализировали три наиболее значимые темы, связанные с голосованием: обоснование актуальности и значимости голосования (15 материалов), призыв к голосованию и его поддержка (32 материала), разъяснение предложенных поправок (59 материалов). Таким образом, при изучении фрагментарности в подаче информации «Российской газетой», нами было проанализировано 106 материалов.

Говоря о результатах, необходимо отметить, что в 29 материалах из 106 (27 %) упоминаются «поправки в Конституцию» без их конкретизации. Примером этого может служить комментарий депутата Городской думы Калуги Евгения Каменаровича: «Я проголосовал за поправки к Конституции, это — фундамент для дальнейшего развития России, для нашего движения вперед. Мой гражданский долг поддержать эти поправки» [19].

Если сосредоточиться на том, какие поправки были в фокусе внимания экспертов «Российской газеты», то наиболее частотны упоминания поправок по укреплению *российской государственности* (103 упоминания). В их числе защита суверенитета и территориальной целостности страны (23 упоминания), «национализация элит» (19 упоминаний), приоритет российского права над международным (14 упоминаний), защита исторической правды (14 упоминаний), о правопреемстве России от СССР (12 упоминаний), о русском языке как языке государственным (8 упоминаний), о сохранении культуры (8 упоминаний) и поддержке соотечественников за рубежом (5 упоминаний). Как правило, комментаторы лишь упоминали те или иные поправки и говорили о необходимости их принятия; тем не менее некоторые из них получили более детальное внимание и обсуждение со стороны экспертов. В число таких поправок вошли поправка о национализации элит (9 разъяснений), по-

правка о примате российского права над международным (8 разъяснений), поправка о защите суверенитета и территориальной целостности страны (5 разъяснений).

Не менее освещаемыми оказались и поправки в *социальной сфере* (86 упоминаний): «право на социальные гарантии» (20 упоминаний), индексация социальных пособий и пенсий (16 упоминаний), «защита человека труда и установление МРОТ не ниже прожиточного минимума» (14 упоминаний), доступная и качественная медицинская помощь (16 упоминаний), защита семьи и традиционных семейных ценностей (20 упоминаний). При этом эксперты «Российской газеты» совершенно упускали из виду, что декларируемая в поправках индексация пенсий и фиксация МРОТ не ниже уровня прожиточного минимума к моменту голосования уже и так были закреплены законодательно в ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в РФ» (в ред. федерального закона от 28 марта 2011 г.) и в ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» (в ред. федерального закона от 7 марта 2018 г.). Журналисты же, пренебрегая принципом полноты освещения ситуации, также не сообщали аудитории об этих фактах.

Односторонность и фрагментарность обсуждения поправок экспертами «Российской газеты» очевидна на примере поправок об изменении российской *политической системы* (45 упоминаний). Так, при их комментировании журналистами совершенно не затрагивались темы существенного расширения полномочий президента РФ, ослабления региональных и местных властей, увеличения зависимости судебной ветви власти, нарушения принципа разделения властей. Зачастую эксперт формировал искаженное представление у аудитории в отношении предстоящих поправок. Так, председатель Государственной думы Федерального собрания РФ Вячеслав Володин, говоря о «повышении качества и эффективности власти» объяснял: «...президент свои полномочия отдает гражданам... Граждане через своих депутатов будут назначать министров, вице-премьеров, премьера... Новые полномочия приобретает и Совет Федерации... в части вопросов, связанных и с силовыми структурами, с прокуратурой, судьями. Это под еще больший контроль граждан ставит работу исполнительной власти, силовых ведомств» [22]. Подобные упрощения и одностороннее рассмотрение поправок в области изменения полномочий Государственной думы РФ и Совета Федерации РФ без рассмотрения изменений полномочий президента РФ и правительства РФ формируют превратное мнение аудитории об изменениях политической системы.

В целом эксперты, затрагивающие поправки в области политической системы, говорили об усилении парламентского контроля (15 упоминаний), создании единой системы публичной власти (9 упоминаний), обнулении президентских сроков (9 упоминаний), назначении министров депутатами Госдумы (6 упоминаний), назначении руководителей силового блока президентом РФ (4 упоминания), реформах политической системы (2 упоминания). Большинство экспертов лишь декларируют и одобряют вносимые политические поправки, никак их не разъясняя. Более подробного комментирования удостоилась поправка об обнулении президентских сроков (на нее приходится 6 из 12 выявленных нами под-

робных комментариев по поправкам в политической сфере). Характерным примером ее разъяснения может быть комментарий губернатора Московской области Андрея Воробьева: «Но самое главное — у нас есть наш президент, наш Атлант, который держит всю систему... В Подмосковье больше 50 городов, и каждый из них меняется к лучшему по той или иной президентской программе. Это может быть строительство перинатального центра или школы, благоустройство парка или двора. Все это для нас с вами очень важно. Поэтому наш президент должен быть сильным, иметь возможность дальше избираться, а мы будем защищены от непредсказуемых шараханий и событий — это самое главное» [47].

Исследуя информационное влияние СМИ как механизма, склоняющего аудиторию к конформности электорального поведения, мы приходим к выводу, что в ситуации голосования по поправкам в Конституцию россияне испытывали дефицит информации в отношении понимания сути принимаемых поправок и обращались к СМИ как источнику информации об этом. Электронная версия «Российской газеты» посредством трансляции ангажированной повестки по голосованию, подачи проблем и событий преимущественно в информационных жанрах и фрагментарного освещения темы способствовала формированию искаженной картины данного события у аудитории.

Между тем СМИ могут оказывать не только информационное влияние на аудиторию, но и быть проводником нормативного влияния. Так, немецкий социолог Э. Ноэль-Нойман [38] считает, что именно СМИ задают «атмосферу мнений» в обществе, которая влияет на поведение индивидов в сфере публичного выражения мнений. Описанный ею эффект спирали молчания демонстрирует силу нормативного влияния, о которой говорят социальные психологи. Рассмотрим способы нормативного влияния, актуализированные деятельностью электронной версии «Российской газеты» при освещении общероссийского голосования по поправкам в Конституцию. В числе выявленных нами методов нормативного влияния — прореживание говорящих (подбор спикеров), стереотипизация и спираль молчания.

4. Прореживание говорящих (подбор спикеров).

В своей речи «Порядок дискурса» М. Фуко замечает: «Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [48, с. 50]. К подобным процедурам М. Фуко относит и процедуру прореживания говорящих субъектов, суть которой — «навязать индивидам, эти дискурсы произносящим, некоторое число правил и сделать так, чтобы не всякому, кто захочет, был открыт к ним доступ... в порядок дискурса никогда не вступит тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям или же с самого начала не имеет на это права» [48, с. 68]. Наше исследование показало, что подбор спикеров — одна из используемых СМИ технологий, благодаря которой

«говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, что не всякому можно говорить о чем угодно» [48, с. 51].

Этот аспект проблемы мы изучили, рассмотрев три наиболее значимых вопроса, связанных с голосованием: обоснование актуальности и значимости голосования (15 материалов), призыв к голосованию и его поддержка (32 материала), разъяснение предложенных поправок (59 материалов). Таким образом, при исследовании подбора спикеров в «Российской газете» нами было проанализировано 106 материалов. Всего в них в качестве спикеров привлекались 105 человек, которыми в общей сложности было дано 157 комментариев.

Большинство спикеров (36 человек, 34 %) были из числа представителей законодательных органов власти (депутаты, сенаторы, руководители профильных комитетов Госдумы и Совфеда РФ). Ими было дано 60 комментариев (38 % от общего числа). Еще 21 спикер (20 %) имел отношение к исполнительной власти (мэры и главы районов, члены правительства, министры и руководители различных органов исполнительной власти). От них поступило 28 комментариев (18 %) по обозначенным темам. На экспертов из числа ученых (политологи, историки, социологи, филологи, медики и пр.) приходится 19 спикеров (18 %) и 21 комментарий (13 %). Последняя категория тех, к кому обращались журналисты «Российской газеты», — представители гражданского общества (члены общественных организаций, творческая интеллигенция, ветераны, священники, спортсмены, летчики, космонавты) — 28 человек (26 %) и 29 комментариев (18 %). Наибольшее количество комментариев от одного спикера — 19 (12 %) — приходится на президента РФ Владимира Путина (подсчитывались отдельной категорией). Второй по частоте цитируемости спикер — председатель Государственной думы Федерального собрания РФ Вячеслав Володин (8 комментариев из 60, данных представителями законодательных органов власти).

При этом необходимо отметить, что все спикеры (100 %) одобряли предлагаемые поправки и рассматривали только позитивные эффекты их принятия. Ни в одном из 106 проанализированных нами материалов не было обнаружено хотя бы одного негативного мнения относительно предстоящего события. Несомненно, что подобное единодушие, демонстрируемое в публичном дискурсе, оказывает сильное нормативное влияние на аудиторию.

Как уже было отмечено, процедура общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации юридически была выведена из сферы действия федеральных законов о референдуме, согласно которым проводить агитацию запрещается государственным органам и органам местного самоуправления, лицам на государственных и муниципальных должностях, членам избирательных комиссий и пр. Если проанализировать состав спикеров «Российской газеты» по интересующим нас темам, то 71 из 105 комментаторов (68 % от общего числа) в противном случае было бы запрещено агитировать аудиторию голосовать за принятие обсуждаемых ими поправок. Стоит отметить, что журналисты «Российской газеты», по-видимому, испытывали дефицит в медийных личностях, не занимающих государственных

должностей: в проанализированных нами материалах практически отсутствуют комментарии со стороны наиболее известных и популярных исполнителей, актеров, режиссеров, спортсменов, блогеров и прочих медиаперсон.

5. *Спираль молчания.*

Немецкий социолог Элизабет Ноэль-Нойман в работе «Общественное мнение. Открытие спирали молчания» [38] описала эффект, обнаруженный ею у избирателей, возникающий в публичной коммуникации и характеризующийся сокрытием собственного мнения или присоединением к мнению большинства, и объяснила его страхом социальной изоляции. В своем исследовании Э. Ноэль-Нойман приходит к выводу, что спираль молчания успешно инициируется деятельностью СМИ: «С точки зрения исследований массовой коммуникации высказывания, речи и молчание представляют интерес, потому что они напрямую связаны с работой средств массовой информации. Последние, согласно определению, представляют собой общественность и демонстрируют — особенно если они постоянно поддерживают друг друга, — что можно и что следует проявлять на глазах у общественности. Кроме того, средства массовой информации помогают выговориться, подсказывают формулировки, выполняют функцию артикуляции (оформления) речи, т. е. спираль молчания связана не только с желанием или готовностью открыто, не таясь высказаться, но и с заимствованной у средств массовой информации способностью реализовать это» [38, с. 345]. Поэтому автор указывает, что СМИ — это «сильнейшее средство воздействия на общественное мнение: из средств массовой коммуникации человек получает сообщение — что ему можно говорить и делать, чтобы не оказаться в изоляции» [38, с. 346].

Спираль молчания возникает благодаря социальной чувствительности людей, наличию климата мнений по резонансным вопросам, активности различных субъектов коммуникации, готовности демонстрировать публично свои мнения (отличающиеся от мнения большинства), деятельности СМИ. Для нейтрализации эффекта спирали молчания в электоральном законодательстве демократических стран, в том числе и в России, были приняты меры в области предвыборной агитации и организации проведения выборов (обеспечение равного доступа к СМИ разным политическим субъектам, запрет на агитацию должностным лицам, регламентация публикации результатов опросов общественного мнения касающихся выборов, запрет на публикацию результатов экзит-полов и промежуточных итогов голосования и пр.).

Нормативное давление по эффекту спирали молчания мы проанализировали на примере публикации «Российской газетой» результатов опросов общественного мнения, касающихся выборов, а также предварительных результатов голосования. Всего за исследуемый период нами было обнаружено 14 таких материалов. В российском законодательстве существует ряд статей, регламентирующих опубликование результатов опросов общественного мнения, касающихся выборов. Это ст. 46 «Опросы общественного мнения» ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ст. 47 «Опросы общественного мнения» ФЗ «О выборах Прези-

дента Российской Федерации», ст. 60 «Опубликование (обнародование) результатов опросов общественного мнения» ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Они предусматривают публикацию сопроводительной информации по электоральным опросам: так, должны быть указаны организация, проводившая опрос, время его проведения, число опрошенных (выборка), метод сбора информации, регион, где проводился опрос, точная формулировка вопроса, статистическая оценка возможной погрешности выборки, заказчик опроса. Также вводится шестидневный мораторий (за пять дней до начала голосования и в сам день голосования) на публикацию результатов опросов или прогнозов голосования. Поскольку общероссийское голосование по поправкам не было отнесено к референдуму, данные требования не соблюдались журналистами «Российской газеты».

В проанализированных нами материалах отсутствовала необходимая сопроводительная информация по опросам. Не соблюдался и запрет на публикацию: 7 из 14 материалов, содержащих результаты опросов общественного мнения, были опубликованы за 1–2 дня до начала голосования и в последние 3 дня голосования. Журналисты «Российской газеты» сообщали, что на голосование планируют прийти от 67 % (04.06 [9], 10.06 [11]) до 71 % (23.06 [10], 24.06 [13]) респондентов и давали прогноз о поддержке поправок на уровне 61 % (04.06, 10.06), 67–71 % (23.06, 24.06) россиян, заявляющих о готовности проголосовать.

В двух материалах от 29 июня редакция RG.RU даже опубликовала полученные ВЦИОМ результаты экзит-полов, согласно которым 76 % россиян поддерживали поправки [31]. Подобная активность социологов государственной исследовательской компании ВЦИОМ в части опубликования результатов экзит-полов в самый разгар голосования вызвала шквал вопросов журналистов о правомерности подобного шага. Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков выразил уверенность, что такая публикация не может оказать давление на тех избирателей, кто еще не проголосовал [29]. Глава ЦИК РФ Элла Памфилова в беседе с Business FM заявила, что подобная публикация не нарушает законодательство: «К сожалению, у нас законом не регулируется эта проблема, у нас нет никаких рычагов, чтобы это запрещать. Единственное, наша просьба была, чтобы не оглашали свои результаты, данные экзит-полов, по крайней мере до того момента, когда закончится голосование. Но это только то, что мы могли дать как рекомендацию», — приводятся слова Памфиловой на сайте радиостанции [6]. Несмотря на сожаления, просьбы и рекомендации, 1 июля — в основной день голосования — уже сам Центризбирком публикует в сети результаты общероссийского голосования по поправкам в Конституцию по мере их поступления в систему ГАС «Выборы». Глава ЦИК Элла Памфилова говорит о целесообразности подобного шага, который позволит журналистам «узнавать информацию из первых рук» [20]. Глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству Андрей Клишас сообщает, что «публикация ЦИК предварительных итогов голосования соответствует закону и не противоречит ни одному из правил общероссийского голосования по поправкам» [Там же].

Таким образом, мы видим, что результаты опросов общественного мнения, экзит-полов и самого голосования с подачи различных государственных органов (ЦИК, государственных СМИ, государственных исследовательских организаций) активно использовались в общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию без соблюдения «дней тишины» как фактор давления на общественное мнение. И если по логике Э. Ноэль-Нойман приватность избирательных кабинок выводит граждан из ситуации публичной коммуникации и позволяет выразить то мнение, которое они скрывали в молчании, то открытые кабинки, инициированные ЦИК как средство, препятствующее распространению коронавирусной инфекции [34], напротив, только усиливали конформизм избирателя в условиях нормативного давления публичности.

6. Стереотипизация.

Американский исследователь У. Липпман в своей работе «Общественное мнение» (1922) говорит о том, что мышление людей стереотипно — это позволяет нам достаточно быстро и без лишних энергозатрат обрабатывать поступающую информацию о мире. Данную особенность мышления, согласно У. Липпману, можно использовать в интересах коммуникатора: «Самые тонкие и самые распространенные механизмы воздействия — это те, что создают и поддерживают репертуар стереотипов. Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим. Мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними» [32, с. 104]. «Ведь существующие типы, принятые образцы (patterns), стандартные варианты интерпретации перехватывают информацию на ее пути к сознанию» [32, с. 100]. Общественное мнение, с точки зрения У. Липпмана, — это морализированная и кодифицированная версия фактов. То, какую группу фактов и в каком ракурсе мы увидим, определяет система стереотипов [32, с. 133–134]. Э. Ноэль-Нойман, интерпретируя концепцию стереотипа У. Липпмана, показывает, что «средства массовой коммуникации путем многократных повторов “чеканят” стереотипы — своего рода строительный материал при возведении “промежуточного мира” между людьми и объективным внешним миром, а именно “псевдодействительности”» [38, с. 223]. По словам самого У. Липпмана: «Реальное время, реальное пространство, реальные цифры, реальные связи, реальный вес и объем утрачиваются. Перспектива, основа и параметры действия сжимаются и застывают в стереотипе» [32, с. 162]. Стереотипы не просто влияют на наши представления о действительности, но и формируют общественное мнение, то есть устанавливают, «что можно говорить и делать, не подвергаясь изоляции» [38, с. 223–224].

Стереотипизация, несомненно, использовалась редакцией «Российской газеты» при освещении проблемы голосования по поправкам в Конституцию. Мы показали, что официальная тематика публикаций, фрагментарное освещение поправок, исключение альтернативных мнений способствовали формированию определенной картины происходящего. Однако, чтобы более полно исследовать деятельность «Российской газеты» в области формирования стереотипов электорального поведения граждан, мы обратились к выборке материалов «Российской газе-

ты», актуализирующих тему голосования в условиях эпидемии коронавируса. Всего за исследуемый период нами было обнаружено 27 таких публикаций.

Действительно, голосование проводилось в условиях противovidных ограничений: масочно-перчаточного режима, запрета на посещение общественных мест, после недавней самоизоляции и нерабочих дней (единый для всех российских регионов период с 30 марта по 11 мая 2020 г. включительно). Перед правительством стояла достаточно сложная задача: организовать явку электората на избирательные участки вскоре после жесткой пропагандистской работы СМИ, в течение двух месяцев советовавших людям «оставаться дома» (одноименная международная акция, к которой присоединились 17 федеральных российских каналов). В связи с этим в государственных СМИ, в том числе в «Российской газете», запускается новый стереотип о безопасности предстоящего голосования.

В первые четыре дня — с 1 по 4 июня 2020 г. — публикуются 10 из 27 материалов «Российской газеты», посвященных теме безопасности голосования; еще 9 подобных материалов выходят в сам период голосования — с 25 июня по 1 июля 2020 г. Так, 1 июня появляется материал с характерным заголовком «Попова уверена в безопасности голосования по поправкам в Конституцию 1 июля». На рабочем совещании президента РФ по подготовке поправок к Конституции руководитель Роспотребнадзора, главный государственный санитарный врач РФ Анна Попова заявляет: «Я *абсолютно* уверена, что проведение по этим требованиям при их полном соблюдении (а в этом я тоже могу быть уверена) дня голосования будет *абсолютно безопасным* для граждан» [12]. Данную цитату приводят и оба российских государственных информационных агентства — ТАСС (в материале «Попова заявила, что уверена в безопасности голосования по поправкам к конституции 1 июля» от 1 июня 2020 г.) [41] и РИА Новости (в материале «Роспотребнадзор не против проведения голосования по Конституции 1 июля» от 1 июня 2020 г.) [45]. В следующий раз об абсолютной безопасности голосования Анна Попова говорит, выступая в информационном центре ЦИК в первый день голосования по поправкам — 25 июня. В «Российской газете» выходят целых два материала, где отмечается, что «безопасность участия в этом процессе — *абсолютная*» [23; 24]. Государственное информационное агентство ТАСС в материале от 25 июня 2020 г. также приводит слова из выступления Анны Поповой в ЦИК: «Абсолютно безопасно [голосовать на избирательных участках]. Я скажу это сразу и абсолютно твердо» [42]. Слово сочетание «абсолютно безопасно» встречается в данном материале 4 раза, слово «абсолютно» — 7 раз, также используются такие выражения, как «безусловно», «неукоснительно», «крайне важно», «полностью соблюдаются», «не выявлено нигде», «жесткие требования».

Помимо Анны Поповой, о безопасности голосования говорят многие чиновники, иногда одними и теми же словами. Так, глава Центризбиркома Элла Памфилова на рабочем совещании с Президентом РФ первого июня заявляет: «Это будет даже более безопасно, чем принимать участие в других уже разрешенных мероприятиях, ну точно безопаснее,

чем сходить в тот же магазин». Ее слова в тот же день публикуют сразу несколько изданий («РИА Новости» [50], «Комсомольская правда» [52], «Лента.ру» [7], «Известия» [40], «Газета.ру» [51] и др.), используя в заголовках выражение «голосовать безопаснее, чем сходить в магазин». Вечером того же дня о том, что «предстоящее голосование безопаснее прогулок и походов по магазинам» говорит уже спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко в эфире телеканала «Россия 24», эти ее слова публикует и «Российская газета» [36].

На следующий день, 2 июня, в «Российской газете» выходит материал о том, что к основному лозунгу голосования — «Наша страна, наша Конституция, наше решение» — добавился еще один — «Голосовать легко и безопасно» [34]. Множество региональных (например, [2; 15; 16; 43]) и муниципальных СМИ (например, [17; 18; 37; 39]), порталов региональных и муниципальных органов власти (например, [3; 4; 44]) публикуют материалы о том, что «голосовать легко и безопасно» и «проголосовать безопаснее, чем сходить в магазин»; об этом же говорят главы избирательных комиссий на пресс-конференциях с журналистами (например, [1; 15; 18]). Зачастую местные издания просто перепечатывают материал «Российской газеты». Подобные публикации появляются 2–5, 10–16, а также 25 июня.

Если говорить о «Российской газете», то здесь за исследуемый период были опубликованы еще три материала, в которых чиновники в той или иной форме утверждают, что «голосовать безопаснее, чем сходить в магазин». Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков цитируется в материале от 19 июня: «И в целом неоднократно аргументированно приводилась информация, что разработаны правила, режим голосования, при котором участие в голосовании не опаснее, чем поход в обычный продуктовый магазин» [30], а также в материале от 30 июня: «Когда очень важна задача не просто минимизировать, а практически исключить угрозу для здоровья людей выше, чем та, которая возникает, например, при посещении магазина...» [28]. Глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Андрей Клишас делится своими впечатлениями о безопасности голосования и почти вспоминает о магазине уже по итогам посещения участка в первый день, 25 июня: «Наши предложения о том, что посещение участков для голосования — это намного более безопасное мероприятие, чем многие наши бытовые обычные дела, соответствуют действительности, я убедился в этом на собственном опыте» [35]. Характерно, что о безопасности говорят именно чиновники и представители власти. Мнение единственного эпидемиолога, привлеченного в качестве эксперта в одном из материалов «Российской газеты» — главного внештатного эпидемиолога Минздрава РФ Николая Брико — сводится к тому, что «людям с хроническими заболеваниями и старше 65 лет лучше голосовать дистанционно» [14]. О безопасности голосования при этом он совершенно не упоминает.

Наше исследование показало, что слово «безопасность» неоднократно встречалось в 18 из 27 материалов «Российской газеты», посвященных голосованию в условиях пандемии коронавируса. В результате на-

шего исследования данного аспекта деятельности «Российской газеты» мы выяснили, что государственные информационные агентства и СМИ наряду с муниципальными и региональными органами власти, а также главами избирательных комиссий различного уровня были вовлечены в трансляцию стереотипного представления о голосовании как о мероприятии, безопасном для здоровья граждан. Непосредственное участие в распространении стереотипов принимали медийные чиновники — Элла Памфилова, Валентина Матвиенко, Дмитрий Песков, Анна Попова, неоднократно озвучивая их перед прессой.

Заключение

123

В ходе исследования подтвердилась гипотеза, что в издании RG.RU использовались методы, способствующие конформизму аудитории в области электорального поведения как информационного, так и нормативного характера. Благодаря особой повестке дня, преимущественному использованию информационных жанров, фрагментарному освещению событий и подбору спикеров граждане получили искаженное представление о предстоящем голосовании. Между тем, исследования социологов показывают, что СМИ остаются главным источником информации о происходящем для российских граждан. Таким образом, государственное издание RG.RU как источник информации склоняло аудиторию к участию в голосовании и одобрению поправок в ущерб профессиональным стандартам объективности и достоверности освещения происходящего.

Помимо информационного, издание RG.RU также оказывало и нормативное влияние на аудиторию, прибегая к таким технологиям, как спираль молчания, стереотипизация и подбор спикеров. В результате газета транслировала весьма ограниченный набор «нормальных мнений», демонстрировала поддержку предстоящего голосования со стороны абсолютного большинства граждан, оказывало влияние на мнения и поведение аудитории посредством экспертного давления.

Несомненно, что издание RG.RU в период, предшествующий голосованию, совершенно не реализовывало такую социально значимую функцию, как представительство мнений различных групп населения, на важности которой настаивает Э. Ноэль-Нойман: «Чтобы люди смогли представить свою точку зрения в разговоре, все позиции, и в частности легально занимаемые, в широком спектре демократического населения позиции, должны быть сформулированы в средствах массовой коммуникации, причем сформулированы не как узнаваемый “вотум меньшинства”, а широкомасштабно и целенаправленно, не допуская ассоциаций с угрозой изоляции» [38].

При этом следует предположить, что нормативное давление со стороны редакции RG.RU оказывалось не только на аудиторию, но и на самих журналистов, работающих в издании: 100 % проанализированных нами материалов относятся к пропагандистским, поскольку не соответствуют основным профессионально-этическим требованиям независимости журналистской позиции, объективности, достоверности, не сокрытия общественно значимой информации, предотвращение ущерба

ее неполнотой и неточностью. Анализ деятельности RG.RU в области освещения событий, касающихся голосования по поправкам в Конституцию РФ, показал, что проблема существования государственных СМИ и их использования в пропагандистских целях остается актуальной для российского общества.

Список литературы

1. Андрей Кондратьев: «Процедура голосования безопаснее, чем поход в магазин». URL: <https://realnoevremya.ru/news/177779-andrey-kondratev-procedura-golosovaniya-bezopasnee-chem-pohod-v-magazin> (дата обращения: 05.03.2024).

2. Безопаснее проголосовать, чем сходить в магазин. Рассказываем, как пройдет голосование. URL: <https://ugra-news.net/society/2020/06/15/33610.html> (дата обращения: 05.03.2024).

3. Безопаснее проголосовать, чем сходить в магазин. Рассказываем, как пройдет голосование. URL: <https://www.gorod3466.ru/news/2791436/bezopasnee-progolosovat-chem-shodit-v-magazin-rasskazyvaem-kak-projdet-golosovanie/> (дата обращения: 05.03.2024).

4. Безопасное голосование: на Дону всех членов избирательных комиссий обеспечат масками и перчатками. URL: <https://bagaevka-press.ru/bezopasnoe-golosovanie-na-donu-vseh-chlenov-izbiratelnyh-komissij-obespechat-maskami-i-perchatkami/> (дата обращения: 05.03.2024).

5. Белановский С., Никольская А. Что россияне думают о поправках к Конституции. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/403897-kak-rossiyane-dumayut-o-popravkah-k-konstitucii> (дата обращения: 05.03.2024).

6. В Кремле сочли допустимой публикацию предварительных итогов голосования по Конституции. URL: <https://www.interfax.ru/russia/715117> (дата обращения: 05.03.2024).

7. В ЦИК назвали голосование по Конституции безопаснее похода в магазин. URL: <https://lenta.ru/news/2020/06/01/magazin/> (дата обращения: 05.03.2024).

8. Волков Д., Гончаров С. Российский медиаландшафт – 2020. Аналитический отчет АНО «Левада-Центр». URL: <https://www.levada.ru/2020/05/20/rossijskij-medialandshaft-2020-2/> (дата обращения: 05.03.2024).

9. Воронцова К. ВЦИОМ: 67 % россиян хотят участвовать в голосовании по поправкам в Конституцию. URL: <https://rg.ru/2020/06/04/vciom-67-rossiian-hotiat-uchastvovat-v-golosovanii-po-popravkam-v-konstituciiu.html> (дата обращения: 05.03.2024).

10. Воронцова К. ВЦИОМ: Все больше россиян хотят голосовать по поправкам в Конституцию. URL: <https://rg.ru/2020/06/23/vciom-vse-bolshe-rossiian-hotiat-golosovat-po-popravkam-v-konstituciiu.html> (дата обращения: 05.03.2024).

11. Воронцова К. ВЦИОМ: Странники основных партий поддерживают поправки в Конституцию. URL: <https://rg.ru/2020/06/10/vciom-storonniki-osnovnyh-partij-podderzhivaiut-popravki-v-konstituciiu.html> (дата обращения: 05.03.2024).

12. Воронцова К. Попова уверена в безопасности голосования по поправкам в Конституцию 1 июля. URL: <https://rg.ru/2020/06/01/popova-uverena-v-bezopasnosti-golosovaniia-po-popravkam-v-konstituciiu-1-iulija.html> (дата обращения: 05.03.2024).

13. *Воронцова К.* Почему все больше россиян хотят голосовать по поправкам. URL: <https://rg.ru/2020/06/24/pochemu-vse-bolshe-rossiian-hotiat-golosovat-popravkam.html> (дата обращения: 05.03.2024).

14. *Воронцова К.* Эпидемиолог советует пожилым голосовать онлайн по поправкам к Конституции. URL: <https://rg.ru/2020/06/16/reg-pfo/epidemiolog-sovetuet-pozhilym-golosovat-onlajn-po-popravkam-k-konstitucii.html> (дата обращения: 05.03.2024).

15. *Голосовать легко и безопасно.* URL: <https://gubernia74.ru/articles/policu/1098170/> (дата обращения: 05.03.2024).

16. *Голосовать легко и безопасно.* URL: https://resbash.ru/articles/vo-pros_ekspertu/2020-06-18/golosovat-legko-i-bezopasno-753347 (дата обращения: 05.03.2024).

17. *Голосовать легко и безопасно.* URL: <http://mezha.smi44.ru/novosti/2020/06/10/golosovat-legko-i-bezopasno> (дата обращения: 05.03.2024).

18. *Голосовать легко и безопасно!* URL: <http://ruzgazeta.ru/2020/06/19/голосовать-легко-и-безопасно/> (дата обращения: 05.03.2024).

19. *Депутат* Калужской городской Думы принял участие в голосовании. URL: <https://rg.ru/2020/06/30/reg-cfo/deputat-kaluzhskoj-gorodskoj-dumy-prinial-uchastie-v-golosovanii.html> (дата обращения: 05.03.2024).

20. *Замахина Т.* В ЦИК объяснили публикацию итогов голосования до закрытия участков. URL: <https://rg.ru/2020/07/01/v-cik-obiasnili-publikaciiu-itogov-golosovaniia-do-zakrytiia-uchastkov.html> (дата обращения: 05.03.2024).

21. *Замахина Т.* Володин назвал антинародными призывы не голосовать по Конституции. URL: <https://rg.ru/2020/06/21/volodin-nazval-antinardnymi-prizyvu-ne-golosovat-po-konstitucii.html> (дата обращения: 05.03.2024).

22. *Замахина Т.* Володин проголосовал по поправкам в Конституцию. URL: <https://rg.ru/2020/06/26/volodin-progolosoval-po-popravkam-v-konstituciiu.html> (дата обращения: 05.03.2024).

23. *Замахина Т.* Глава Роспотребнадзора заявила о безопасности голосования по Конституции. URL: <https://rg.ru/2020/06/25/glava-rosпотреbnadzora-zaiavila-o-bezopasnosti-golosovaniia-po-konstitucii.html> (дата обращения: 05.03.2024).

24. *Замахина Т., Мисливская Г.* Как проходит голосование по поправкам в Конституцию. URL: <https://rg.ru/2020/06/25/kak-prohodit-golosovanie-popravkam-v-konstituciiu.html> (дата обращения: 05.03.2024).

25. *Казаков А. А.* Теория установления повестки дня vs фрейминг: к вопросу о соотношении подходов // *Полития.* 2015. №1 (76). С. 103–113.

26. *Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России.* URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista> (дата обращения: 05.03.2024).

27. *Лазарсфельд П.* Вводная часть ко второму изданию книги «Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании» / пер. с англ. М.Ю. Завгородней ; науч. ред. О.А. Оберемко // *Социологический журнал.* 2018. Т. 24, №4. С. 154–176. doi: 10.19181/socjour.2018.24.4.6102.

28. *Латухина К.* В Кремле считают эффективным формат многодневного голосования. URL: <https://rg.ru/2020/06/30/v-kremle-schitaiut-effektivnym-format-mnogodnevno-golosovaniia.html> (дата обращения: 05.03.2024).

29. *Латухина К.* Кремль: Публикация экзит-полов не повлияет на результат голосования. URL: <https://rg.ru/2020/06/29/kreml-publikaciia-ekzit-polov-ne-povliiaet-na-rezultat-golosovaniia.html> (дата обращения: 05.03.2024).

30. *Латухина К.* Песков заявил о безопасности голосования по поправкам к Конституции. URL: <https://rg.ru/2020/06/19/peskov-zaiavil-o-bezopasnosti-golosovaniia-po-popravkam-k-konstitucii.html> (дата обращения: 05.03.2024).

31. *Латухина К.* Экзитпол ВЦИОМ: 76 % россиян поддержали поправки к Конституции за 4 дня. URL: <https://rg.ru/2020/06/29/ekzitpol-vciom-76-rossiian-podderzhali-popravki-k-konstitucii-za-4-dnia.html> (дата обращения: 05.03.2024).

32. *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004.

33. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1997.

34. *Мисливская Г.* Как будет проходить голосование по поправкам в Конституцию. URL: <https://rg.ru/2020/06/02/kak-budet-prohodit-golosovanie-po-popravkam-v-konstituciiu.html> (дата обращения: 05.03.2024).

35. *Мисливская Г.* Клишас поделился впечатлениями от голосования по Конституции. URL: <https://rg.ru/2020/06/25/kliskas-podelilsia-vpechatleniiami-ot-golosovaniia-po-konstitucii.html> (дата обращения: 05.03.2024).

36. *Мисливская Г.* Матвиенко назвала выверенной и продуманной дату голосования по Конституции. URL: <https://rg.ru/2020/06/01/matvienko-nazvala-vuverennoj-i-produmannoj-datu-golosovaniia-po-konstitucii.html> (дата обращения: 05.03.2024).

37. *Наша страна, наша Конституция, наше решение.* URL: <https://gkgazeta.ru/2020/06/11/nasha-strana-nasha-konstituciya-nashe-reshenie/> (дата обращения: 05.03.2024).

38. *Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.

39. *Общероссийское* голосование 1 июля. URL: <https://starodub-vestnik.ru/society/2020/06/11/obshherossijskoe-golosovanie-1-iyulya/> (дата обращения: 05.03.2024).

40. *Памфилова* заявила, что участие в голосовании по Конституции безопаснее похода в магазин. URL: <https://iz.ru/1018368/2020-06-01/pamfilova-zaiavilachto-uchastie-v-golosovanii-po-konstitucii-bezopasnee-pokhoda-v-magazin> (дата обращения: 05.03.2024).

41. *Попова* заявила, что уверена в безопасности голосования по поправкам к Конституции 1 июля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8619251> (дата обращения: 05.03.2024).

42. *Попова:* стабилизация эпидемического процесса дает провести голосование по Конституции. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8813089> (дата обращения: 05.03.2024).

43. *Поправки* в Конституцию РФ: «голосовать легко и безопасно!». URL: <https://nashregion33.ru/news/popravki-v-konstituciju-rf-golosovat-legko-i-bezopasno/> (дата обращения: 05.03.2024).

44. *Проголосовать* легко и безопасно. URL: <https://ksk66.ru/2020/06/15/проголосовать-легко-и-безопасно/> (дата обращения: 05.03.2024).

45. *Роспотребнадзор* не против проведения голосования по Конституции 1 июля. URL: <https://gia.ru/20200601/1572304692.html> (дата обращения: 05.03.2024).

46. *Российская* периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/periodic-2021.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 05.03.2024).

47. Рыбникова И. Андрей Воробьев призвал жителей Подмоскovie принять участие в голосовании по Конституции. URL: <https://rg.ru/2020/06/23/reg-cfo/andrej-vorobev-prizval-zhitelej-podmoskovia-priniat-uchastie-v-golosovanii-po-konstitucii.html> (дата обращения: 05.03.2024).

48. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.

49. Хьюстон М., Штрёбе В. Введение в социальную психологию. Европейский подход. М., 2004.

50. ЦИК: проголосовать по Конституции будет безопаснее, чем сходить в магазин. URL: <https://ria.ru/20200601/1572303361.html> (дата обращения: 05.03.2024).

51. ЦИК: проголосовать по поправкам к Конституции будет безопаснее, чем сходить в магазин. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/06/01/n_14494501.shtml (дата обращения: 05.03.2024).

52. Элла Памфилова: Голосовать безопаснее, чем сходить в магазин. URL: <https://www.kp.ru/daily/27138/4229223/> (дата обращения: 05.03.2024).

Об авторе

Марина Геннадьевна Яковлева – канд. филос. наук, доц., Набережночелнинский институт Казанского федерального университета, Россия.

E-mail: marrayk@yandex.ru

M. G. Yakovleva

MASS MEDIA AND TECHNOLOGIES OF INFLUENCE ON THE ELECTORAL BEHAVIOR OF CITIZENS

Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University,
Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, Russia

Received 16 March 2024

Accepted 5 July 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-9

To cite this article: Yakovleva M.G. 2024, Mass media and technologies of influence on the electoral behavior of citizens, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 106–128. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-9.

The issue of the instrumental use of state media to secure public support for government policies remains relevant for Russia. The article analyzes the activities of the online version of the state publication Rossiyskaya Gazeta in covering the topic of voting on amendments to the Constitution of the Russian Federation, with the aim of identifying the main techniques used to influence citizens' electoral behavior. The empirical basis of the study, conducted using content analysis, consists of 471 materials related to the topic of voting on constitutional amendments, published on the RG.RU website from June 1, 2020, to July 1, 2020. The research hypothesis assumed that state publications influence audiences toward conformity in electoral behavior by utilizing informational and normative influence techniques. Among the methods of informational influence, the study identified adherence to the official agenda, the predominant use of

informational genres to cover events, and fragmented presentation of information. Normative influence, according to the results, was realized by Rossiyskaya Gazeta through the selection of speakers, the spiral of silence, and stereotyping.

Keywords: media influence, conformism, electoral behavior, spiral of silence, stereotype, agenda, voting on constitutional amendments

The author

Dr Marina G. Yakovleva, Associate Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Russia.

E-mail: marrayk@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(32)

А. Д. Чумаков

Рец. на кн.: Зеленеv Е. И. История Египта. — Калининград : Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2023. — 440 с.

129

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Поступила в редакцию 07.05.2024 г.
Принята к публикации 20.05.2024 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-10

Для цитирования: *Чумаков А. Д.* Рец. на кн.: Зеленеv Е. И. История Египта. — Калининград : Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2023. — 440 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 129–132. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-10.

Египет — страна с удивительным и многообразным прошлым всегда привлекала внимание как ученого мира нашей страны, так и общественности. СССР, современная Россия играли и играют важную роль в историческом развитии Египта. Достаточно вспомнить нашу помощь Египту в ближневосточном конфликте второй половины XX в., строительстве Асуанской плотины, в настоящее время — атомной электростанции. А включение основных сюжетов многовековой египетской истории в школьные и вузовские учебники приобрело устойчивую научно-педагогическую традицию. Следует также вспомнить и замечательную отечественную египтологическую школу, связанную с именами Б. А. Тураева и Ю. Я. Перепелкина и их последователей. Продолжается традиция и научного перевода лучших зарубежных исследований Египта. Так, в 2015 и 2023 гг. Институт восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге перевел и издал труды по классическому Древнему Египту Жана Веркуттера и Клода Вандерслеяна, а в 2024 г. издательством «Ладомир» был выпущен русский перевод Оксфордской истории Древнего Египта. То есть даже сегодня в России интерес к египетской истории по-прежнему достаточно устойчив. В этом плане выход в свет исследования профессора, доктора исторических наук, директора Института востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге Евгения Ильича Зеленева тому подтверждение.

Профессор Зеленеv известен своими исследованиями по египетской истории Средневекового и Нового времени. Его монографии использу-

ются в преподавании соответствующих тем по истории Египта и Ближнего Востока в курсе истории стран Азии и Африки в российских вузах, в том числе и в нашем университете. В рецензируемой монографии ученый на основе своих предыдущих изысканий и новых материалов предложил систематический очерк египетской истории от Древности до современных событий драматической «арабской весны» и президентства Абдул-Фаттаха ас-Сиси.

Е. И. Зеленев оказался перед сложной задачей — изложить на четырехстах с небольшим страницах текста всю известную ученым историю Египта. Следует сказать, что уважаемый профессор с этой задачей справился вполне успешно. Сказался грамотный подбор источников, выделение ключевых периодов истории страны с широким привлечением исследований многих авторов, в том числе и египетских, что позволило Зеленеву избежать европоцентристского подхода к изучаемым проблемам.

В монографии найдены «точки опоры», позволяющие разобраться в динамике египетской истории. Их образно можно сформулировать словами С. М. Соловьева: «Природа страны, природа племени, ход внешних событий». И такой подход успешно воплотился в рецензируемом исследовании.

Автор раскрывает воздействие природно-климатических условий, структур повседневности, которые повлияли на становление ранней государственности Египта. Наиболее удачно показан Египет в переломные моменты своей истории, особенно в период Средневековья. Здесь автор описывает не только политические процессы, связанные с включением Египта в мусульманский мир, но и сложное взаимодействие иудаизма, христианства и ислама. Характеризуя Египет в мусульманский период (VII—XVIII вв.), Е. И. Зеленев показывает сложное взаимодействие различных религиозно-культурных традиций через деятельность мусульманских династий, а также европейцев: крестоносцев, французских завоевателей Наполеона Бонапарта. Интересны размышления автора об одном из важных факторов завоевания и османизации Египта: «расчет Селима I оказался верен: египетское крестьянство поддержало завоевателей, и при вступлении турок в страну прославляло османского султана и его воинство» (с. 268). Здесь Зеленев успешно развивает и дополняет применительно к египетской истории высказанную еще в 1980-х гг. известным востоковедом Н. А. Ивановым мысль об умелом использовании османами социально-религиозного фактора в процессе подчинения стран Ближнего Востока. К этому следует добавить достаточно гибкую конфессиональную политику османов.

Под турецким владычеством в Египте протекали сложные социально-экономические и политические процессы. Автор убедительно показывает как в ходе борьбы с вторжением армии Наполеона Бонапарта, мамлюкские правители постепенно теряли власть, которую захватил османизированный военачальник курдского происхождения Мухаммад Али. С ним Е. И. Зеленев справедливо связывает истоки национальной государственности Нового времени. В нарастающем соперничестве с османским султаном Мухаммад Али создает громадную империю, включающую ряд регионов Ближнего Востока. Здесь, как и при характеристике других геополитических изменений, связанных с Египтом и соседними

регионами, читателям бы не помешала историческая карта. Помещение таких карт способствовало бы лучшему восприятию излагаемых событий не только данного периода.

В книге убедительно показана постепенная интеграция Египта в колониальную политику великих держав: от могущества Мухаммада Али до его поражения под военно-политическим давлением европейских стран и в конечном счете превращения Египта во владение Англии (1882—1922). Тщательно рассмотрены перипетии франко-английского соперничества за Египет, драма становления антиколониального движения египетского народа. Интеграция Египта в мировое капиталистическое хозяйство и колониальную систему показана во всей ее противоречивости: она способствовала становлению буржуазных отношений в Египте и росту национально-освободительного движения. Это движение удивительным образом сочетало взаимодействие новых буржуазных процессов и религиозно-традиционалистских аспектов.

Спустя долгие годы борьбы Египет пришел к политической независимости, выстраивая непростые отношения как с западными странами, так и со своими арабскими соседями в регионе и новым, возникшем после Второй мировой войны государством — Израилем. Не обойден вниманием автора и советский фактор в историческом развитии Египта.

Изложение событий, близких к современности, и дней сегодняшних — всегда сложная материя для исследователя. Однако Евгений Ильич сумел четко изложить основные процессы и тенденции египетской истории после достижения независимости, включив в текст интересные материалы о лидерах современного Египта — Гамаль Абдель Насере, Анваре Сааде, Хосни Мубараке, что оживило строго научные сюжеты. Можно согласиться с авторской характеристикой наиболее ярких фигур послевоенной египетской истории, хотя в силу насыщенности событиями периода, излагаемого в монографии, им уделено немного страниц. Здесь можно было бы обратиться к работам И. П. Беляева и Е. М. Примакова¹, привлечение которых расширило бы авторскую аргументацию.

Спорным является утверждение Е. И. Зеленева на с. 393 о Х. Мубараке как о политике западного типа, ориентированном на общечеловеческие ценности. Ведь далее материал, посвященный тому же Мубараку, свидетельствует о его жестком прагматизме и слегка подгримированным под демократию авторитарном режиме (с. 395).

Емко и аргументированно, без конспирологии проанализированы причины «арабской весны», ее влияние на Египет, показан драматизм внутриполитического развития, переплетение политики, религии, социально-экономических проблем, приведших к отстранению военными законно избранного президента М. Мурси и прихода к власти Абдул-Фаттаха ас-Сиси. Избежав гражданской войны, Египет столкнулся с острейшими вызовами: от терроризма до экологических, демографических, социальных проблем, растущим социально-экономическим неравенством. И вместе с тем, современный Египет динамично развивается, сохраняя многие черты своей многовековой истории, не отгораживаясь от вызовов реальной жизни. Автор справедливо подчеркивает на с. 404: «Важный компонент политического управления страной — сбалансиро-

ванная с внутренней внешней политика, направленная на неустанный поиск источников внешней финансовой помощи, без которой Египет, увы, существовать сегодня не в состоянии».

В итоговой части книги «Вместо заключения» Е.И. Зеленев рассматривает интереснейшую тему, позволяющую определить своеобразный «код» египетской цивилизации, обусловившей длительное существование народа и государства. Речь идет о феномене египетского национального характера, который воздействует на все сферы общественно-экономической жизни. Этот сюжет — глубокое рассуждение автора, хорошее подспорье для тех, кто хочет разобраться в египетских реалиях.

В итоге Е.И. Зеленев создал основательный научный труд, раскрыв узловые вехи египетской истории с Древности до современности. Кроме того, его исследование обозначило и возможные сюжеты для дальнейших научных разработок. Среди них — проблемы устойчивости египетской цивилизации, взаимодействие религии и светских аспектов, роль личности в поворотных событиях истории страны. Нельзя не сказать и о языке изложения материала, сочетающего научность, ясность и умение доходчиво показать сложные вопросы, что характерно для человека, глубоко разбирающегося в том, о чем он повествует. Книга не страдает издательскими погрешностями, что, к сожалению, часто характерно даже для научных сочинений. «История Египта» Е.И. Зеленева может стать хорошим ориентиром для тех, кто хочет разобраться в интереснейшей истории одной из древнейших цивилизаций мира.

Об авторе

Александр Дмитриевич Чумаков — доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ist_ros18@mail.ru

A. D. Chumakov

Rev.: Zelenev E.I. A History of Egypt. — Kaliningrad : The Publishing House of Immanuel Kant Baltic Federal University, 2023. — 440 p.

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 7 May 2024

Accepted 20 May 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-10

To cite this article: Chumakov A.D. 2024, Rev.: Zelenev E.I. A History of Egypt. — Kaliningrad : The Publishing House of Immanuel Kant Baltic Federal University, 2023. — 440 p., *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, 2024. №3. P. 129–132. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-10.

The author

Alexander D. Chumakov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ist_ros18@mail.ru

А. Д. Мирошниченко

Рец. на кн.: Гальцов В. И. Кенигсбергский Нестор. 2-е изд., испр. и доп. — Калининград : Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2023. — 269 с.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 02.05.2024 г.

Принята к публикации 23.06.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-11

Для цитирования: *Мирошниченко А. Д.* Рец. на кн.: Гальцов В. И. Кенигсбергский Нестор. 2-е изд., испр. и доп. — Калининград : Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2023. — 269 с. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 133–137. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-11.

В сентябре 2023 г. в издательстве БФУ им. И. Канта вышло в свет второе издание книги кандидата исторических наук В. И. Гальцова «Кенигсбергский Нестор», исправленное и дополненное. От первого его отделяет 20 лет, в течение которых автор продолжал изучать историю Радзивилловской (Кёнигсбергской) летописи, процесс смены владельцев книги и ее формально-стилистические особенности.

Впервые Валерий Иванович Гальцов обратился к исследованию этого древнего памятника русской письменности в 1990-х гг., включившись в длинную и долгую историю изучения рукописной книги, начатую еще в XVIII в. М. В. Ломоносовым, В. Н. Татищевым и многими другими отечественными учеными и не прервавшуюся по сей день. Эта летопись — краеугольный камень норманской теории, вокруг которой ломались копья исследователей на протяжении нескольких столетий. На основе этой же рукописи М. В. Ломоносов создавал первый исторический труд, обобщающий историю Российского государства, опубликованный уже после смерти ученого — «Древняя Российская история». Тем самым история исследования и трактовка событий в этой летописи стала в некотором смысле историей самосознания страны в целом, понимания ее места в общеевропейском и мировом контексте.

Бытование Радзивилловской летописи связывает воедино русскую культуру с историей Кёнигсберга. Этот летописный свод является единственным иллюстрированным списком второй редакции Повести временных лет и ряда других древнерусских летописей, отсюда и название посвященной ему книги В. И. Гальцова — «Кенигсбергский Нестор». С момента своего создания Радзивилловская летопись сменила несколько мест хранения, одним из которых была Замковая (дворцовая) библиоте-

ка в Кёнигсберге, откуда книга со временем перекочевала в петербургскую Академию наук, где и обрела заслуженное внимание и стала предметом научного интереса ведущих ученых своего времени.

Как и первое издание «Кенигсбергского Нестора», новая книга В. И. Гальцова о Радзивилловской летописи рассчитана на широкую аудиторию читателей, и потому в ней дается общее описание развития книжной культуры в Древней Руси: процесс создания рукописной книги, типология, количество дошедших до нас и известных историкам-палеографам манускриптов допетровского времени. Такое описание помещает Радзивилловскую летопись в контекст эпохи и расширяет понимание уникальности этой книги для русской культуры. В. И. Гальцов дополнил историю рукописи результатами последних научных изысканий, в том числе уточнил материалы, связанные с происхождением летописи, существенно расширив информацию о первых владельцах книги из литовской династии Радзивиллов. По сравнению с первым изданием в этой книге более подробно прослеживается история владельцев Радзивилловской летописи, предлагается убедительная версия о том, как она оказалась в руках белорусской фамилии Зеновичей, от которых в свою очередь попала к Радзивиллам. Также представляет большой интерес описание завещания Богуслава Радзивилла и процесса передачи его книжного собрания библиотеке Орденового замка.

Отдельного упоминания заслуживает обстоятельная история издания и изучения Кёнигсбергской летописи отечественными учеными, в том числе всевозможные версии происхождения манускрипта. В втором издании помимо прочих приводится и новая теория о генезисе рукописи, выдвинутая уже в начале XXI в. археологом и историком А. Л. Никитиным, согласно которой местом создания Радзивилловской летописи мог быть город Владимир-Волынский, находившийся в конце XV в. в составе Великого княжества Литовского. Другая современная теория, предложенная петербургским историком А. С. Кибинем, гласит, что манускрипт мог быть написан в городе Вильно. Сам же автор книги придерживается теории о том, что рукопись все же создавалась в западно-русских землях.

В новом издании В. И. Гальцов приводит интересные данные о техническом процессе создания манускрипта: сначала намечались контуры рисунка и лишь потом писцы наносили текст на страницы, тогда как в других рукописях, как правило, использовался прямо противоположный метод работы, от текста — к миниатюрам. Иначе говоря, техника работы над Радзивилловской летописью, где первичным становится изображение, а не слово, позволяет предположить, что для авторов-создателей рукописи образная часть манускрипта была более значима (или как минимум равноценна). Кроме того, в Радзивилловской летописи заметна тенденция к максимально полной передаче текста в иллюстрации по сравнению с другими подобными близкими по времени создания манускриптами, к примеру, с тверским списком Хроник Георгия Амартола. Все это, в свою очередь, позволяет подтвердить в несколько ином ключе тезис о «демократичности» Радзивилловской летописи, к которому приходит В. И. Гальцов в заключительных главах своей книги. Главенство изобразительной части рукописи над текстовой может свидетель-

ствовать о том, что адресатом книги являлся определенный (и, возможно, весьма широкий) круг людей, большинство из которых были или могли быть неграмотными. Поскольку происхождение рукописи, как и личность заказчика, пока достоверно не определены, подобные предположения имеют место.

Далее в книге приводятся объяснения фигур на полях рукописи, различные трактовки их появления: от символических знаков до знаков общения художников-миниатюристов между собой. Между тем формальный анализ миниатюр Радзивилловской летописи, вероятно, можно было бы дополнить указанием метода построения изображения — использование обратной перспективы, аналогичной той, что характеризует древнерусскую иконопись [1]. «Словарь» визуальных форм, к которому прибегали мастера-миниатюристы XIII—XV вв., явно опирался на уже имеющийся в иконописной традиции: художниками манускриптов являлись священнослужители, монахи, и другого источника визуальной образности, помимо икон, у них фактически не было. Использование обратной перспективы становится особенно наглядным в тех миниатюрах, где показаны архитектурные сооружения, но и в других изображениях этот формальный прием также можно проследить. Обратная перспектива в миниатюрах Радзивилловской летописи, как и в других произведениях изобразительного искусства, — не просто один из множества способов построения композиции, но своего рода модель представлений о пространстве и окружающей реальности в целом [2].

Большой интерес во втором издании представляет описание нового метода контент-анализа, примененного для изучения и текста, и миниатюр Радзивилловской летописи. Этот метод, предложенный И. Н. Данилевским, использовался для попытки определить, какой смысл вкладывал художник, изображая трубачей на 26 миниатюрах рукописи — проблема, которой ранее занимались такие видные ученые как Б. А. Рыбаков и Д. С. Лихачев. Метод контент-анализа позволил выявить совпадения в тексте и определить, что трубачи в миниатюрах появлялись в качестве визуального комментария к словам о въезде князя в город. Таким образом, данный метод представляется довольно перспективным и с точки зрения изучения древнерусских текстов, и дальнейшее его использование может существенно обогатить понимание сложного для интерпретаций языка миниатюр.

В последней главе нового издания Радзивилловская летопись сравнивается с другим иллюстрированным манускриптом — тверским списком Хроник Георгия Амартола, единственной иллюстрированной книгой, созданной до Радзивилловской летописи. Часть миниатюр Хроник скопированы с некоего византийского источника, другие отражают уже непосредственно русские влияния. В Кёнигсбергской летописи они будут предъявлены еще более широко, а также в ней заметна тенденция к более полной и буквальной передаче текста в иллюстрации. Далее упоминается Лицевой летописный свод Ивана Грозного, крупнейшее историческое произведение средневековой Руси, в котором содержится более 16 тысяч миниатюр, гораздо более совершенных в стилистическом и художественном отношении. Но миниатюры Радзивилловской летописи, по мнению В. И. Гальцова, отличаются большей непосредственностью и

живостью, что связано с тем, что манускрипт разрабатывался не в столице, а в одном из провинциальных центров и не подвергался столь жесткой цензуре со стороны церковных иерархов. Однако тезис о том, что миниатюры летописи «отразили идеологию скорее горожан-ремесленников, чем князей и церкви» представляется не совсем обоснованным, поскольку к однозначному мнению о происхождении летописи ученые пока не пришли, что как будто не позволяет делать выводы об идеологии авторов-миниатюристов. А формально-стилистические особенности изображений (некоторая архаичность рисунка, значительное количество заимствований и т. д.) говорят лишь о том, что перед нами работа мастеров второго ряда, не имевших опоры на достаточно длительную и разветвленную изобразительную традицию.

Книга «Кенигсбергский Нестор» является важным этапом в изучении древнерусской культуры в ее связи с историей прусских земель и Кёнигсберга в частности. Как убедительно демонстрирует это издание, развитие русско-прусских культурных взаимодействий шло нелинейно: довольно извилистая история бытования русских памятников за пределами непосредственно русских владений представляет отдельную увлекательную страницу истории.

Список литературы

1. *Флоренский П. А.* Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб., 1993.
2. *Панофский Э.* Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004.

Об авторе

Алена Дмитриевна Мирошниченко — искусствовед, старший научный сотрудник Калининградского областного историко-художественного музея, Россия.

E-mail: Miroshnichenkoa@yandex.ru

A. D. Miroshnichenko

Rev.: Galtsov V.I. Nestor of Königsberg. 2nd ed., revised and supplemented. — Kaliningrad : The Publishing House of Immanuel Kant Baltic Federal University, 2023. — 269 p.

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 2 May 2024

Accepted 23 June 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-11

To cite this article: Miroshnichenko A.D. 2024, Rev.: Galtsov V.I. Nestor of Königsberg. 2nd ed., revised and supplemented. — Kaliningrad : The Publishing House

of Immanuel Kant Baltic Federal University, 2023. — 269 p., *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, 2024. №3. P. 133–137. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-11.

The author

Alena D. Miroshnichenko, art historian, research fellow, Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Russia.

E-mail: Miroshnichenkoa@yandex.ru

**ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА
Серия: Гуманитарные и общественные науки**

Правила публикации статей в журнале

138

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

в) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информация;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематики;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи;

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

2024

№3

Редактор *О.И. Бессчастнова*
Компьютерная верстка *Е.В. Денисенко*

Подписано в печать 21.10.2024 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,3
Тираж 40 экз. Цена свободная. Заказ 112

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14